

BF 002
P-8948

1632

Mc 1632 p14

IV

IV

1953

2012

БІБЛІОТЕКА
НАУКОВОГО ТОВАРИСТВА
ІМЕНІ
ШЕВЧЕНКА
У ЛЬВОВІ.

Ч. 20895 / 1914, IV.

1914

РУССКІЙ БИБЛІОФИЛЪ

LE BIBLIOPHILE RUSSE

IV

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

№ 1632

№ 4. Апрель 1914 г.

РУССКІЙ БИБЛЮФИЛЬ

ЖУРНАЛЬ

ИСТОРИКО - ЛИТЕРАТУРНЫЙ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ.

ВЫХОДИТЬ 8 РАЗЪ ВЪ ГОДЪ.

LE BIBLIOPHILE RUSSE

REVUE ILLUSTRÉE

DES AMATEURS DE LIVRES ET DE GRAVURES.

PARAIT 8 FOIS PAR AN.

St. Pétersbourg.

041(05) 002 + 01] (05)

1988
2006

Tab. 54.

ТИПОГРАФИЯ - СИРИУСЪ - СПБ., РЫНОЧНАЯ, 10.

002
05
БГ Р-8946

Н. Шербина. Рисунокъ сепіей.
N. Stcherbina. Dessin anopume.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ и БІОГРАФІИ Н. Ө. ЩЕРБИНЫ.

Matériaux pour la biographie du poète N. Stcherbina, par N. Lerner.

Настоящіє матеріали отчасти извлечены нами изъ хранящихся въ Имп. Публичной Библіотекѣ бумагъ Щербины и изъ стараго рукописнаго сборника стихотвореній, во время оно недоступныхъ печати. Одно стихотвореніе сообщено покойнымъ С. Н. Шубинскимъ. Главною же долею, публикуемыми письмами Щербины и воспоминаніями о немъ его друга В. М. Лазаревскаго, мы обязаны любезности С. В. Лазаревскаго.

Василій Матвѣевичъ Лазаревскій былъ человекъ недюжинный. Здѣсь уместно будетъ привести краткій некрологъ о немъ, появившійся въ „Новомъ Времени“ 1890 г., 23 мая, № 5110.

„В. М. Лазаревскій родился въ с. Гирявкѣ, Конотопскаго уѣзда Черниговской губерніи, 26 февраля 1817 г. Онъ происходилъ изъ дворянъ Черниговской губерніи и по окончаніи Харьковскаго университета кандидатомъ, съ награжденіемъ серебряной медалью за представленное сочиненіе, поступилъ въ 1841 году на службу въ харьковскую палату гражданскаго суда. Черезъ годъ онъ вышелъ въ отставку и лишь въ 1847 году рѣшился вторично попытать свои силы на служебномъ поприщѣ въ провинціи (въ Оренбургѣ). Но и здѣсь онъ оставался недолго и въ слѣдующемъ же году мы встрѣчаемъ его въ Петербургѣ секретаремъ особенной канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ, графа Л. А. Перов-

скаго, подъ ближайшимъ начальствомъ извѣстнаго писателя В. И. Даля. Своими способностями онъ обратилъ на себя вниманіе графа Перовскаго и, съ назначеніемъ послѣдняго въ 1852 г. министромъ удѣловъ и управляющимъ Кабинетомъ Его Величества, перешелъ въ удѣльное вѣдомство секретаремъ канцеляріи министра, который не разставался съ нимъ до самой смерти (1856 г.). Назначенный послѣ графа Перовскаго предсѣдателемъ департамента удѣловъ, а затѣмъ и министромъ государственныхъ имуществъ, М. Н. Муравьевъ, сдѣлалъ В. М. правителемъ своей канцеляріи. Въ 1863 г., съ отставкою Муравьева, В. М. перешелъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ и назначенный вице-директоромъ, полтора года за отсутствіемъ директора управлялъ этимъ департаментомъ. Въ 1866 г. онъ получилъ назначеніе членомъ совѣтовъ министра внутреннихъ дѣлъ и главнаго управленія по дѣламъ печати. Состоя въ этихъ должностяхъ до самой смерти, онъ, кромѣ того, принималъ дѣятельное участіе въ нѣсколькихъ весьма важныхъ правительственныхъ комисіяхъ, а именно въ комисіи по тюремному вопросу, въ двухъ комисіяхъ по расколу, въ комисіи объ истребленіи волковъ, и предсѣдательствовалъ въ комисіяхъ для разработки новаго закона объ охотѣ, и проч.

Несмотря на обширныя служебныя занятія, В. М. находилъ время и для дѣятельности литературной. Такъ, онъ серьезно изучилъ Шекспира, и плодомъ этихъ занятій были его переводы трагедій: „Отелло“, помѣщенный въ „Пантеонѣ“ въ 1845 году, „Король Лиръ“, отдѣльно изданный въ 1863 г., и оставшійся въ рукописи переводъ „Макбета“. Затѣмъ нѣсколько повѣстей, переведенныхъ имъ съ французскаго языка, помѣщены были въ „Музеѣ Иностранной Литературы“ за 1847 годъ, и, наконецъ, имъ написанъ былъ рядъ оригинальныхъ разсказовъ, помѣщенныхъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ конца сороковыхъ и начала пятидесятихъ годовъ и въ издававшейся въ то же время „Литературной Газетѣ“. По части его серьезныхъ работъ слѣдуетъ отмѣтить статистическій трудъ, изданный въ 1873 г. подъ заглавіемъ: „Объ истребленіи волкомъ домашняго скота и дичи и объ истребленіи волка“, заслужившій вниманіе ученыхъ и литераторовъ, и объ которомъ, напр., И. С. Тургеневъ, въ письмѣ къ В. М. Лазаревскому отозвался въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Монографія ваша останется въ литературѣ на ряду съ подобными сочиненіями С. Т. Аксакова“. Кромѣ всего перечисленнаго, въ бумагахъ, оставшихся послѣ его смерти, находится много трудовъ въ рукописяхъ, частью совершенно отдѣланныхъ, частью ожидающихъ еще окончательной обработки. Таковы, напр., „Полный малороссійскій словарь“, „Опытъ географическаго словаря“ и др.

Нѣтъ возможности перечислить всѣхъ выдающихся лицъ, съ которыми покойный приходилъ въ непосредственныя столкновенія на своемъ жизненномъ пути. Съ иными изъ этихъ лицъ, напр. Некрасовымъ, онъ поддерживалъ дѣятельную переписку, которая въ полномъ порядкѣ и сохранилась въ оставшихся послѣ него бумагахъ.

Крайне скромный въ своихъ потребностяхъ, В. М. до смѣшнаго былъ нетребователенъ въ домашней обстановкѣ, не придавая ни малѣйшаго значенія внѣшности вообще, но онъ отличался безукоризненною строгостью въ вопросахъ долга и чести. Съ умомъ серьезнымъ, многосторонне образованнымъ, онъ не любилъ обычныхъ общественныхъ раз-

влеченій, и единственною забавою, которую онъ позволялъ себѣ, была охота, давшая ему славу знатока этого дѣла. Обширныя свои знанія въ этой отрасли успѣлъ онъ выказать какъ въ занятіяхъ по комисіи для разработки новаго закона объ охотѣ, предсѣдателемъ которой, какъ мы сказали, онъ былъ назначенъ, такъ и въ трудѣ своемъ объ истребленіи волка. Но кромѣ того онъ оставилъ послѣ себя въ рукописяхъ много цѣнныхъ монографій по разнымъ охотничьимъ вопросамъ“.

Умеръ онъ, въ чинѣ тайнаго совѣтника, 29 апрѣля 1890 г. (Даты его рожденія и смерти вырѣзаны на его надгробномъ камнѣ, на петербургскомъ Смоленскомъ кладбищѣ, — см. „Петербургскій Некрополь“, II, 593). Болѣе подробныя свѣдѣнія о В. М. Лазаревскомъ, его воспоминанія о В. И. Далѣ и письма Даля къ нему напечатаны въ „Русск. Архивѣ“ 1894 г., II; письма П. И. Мельникова къ нему — въ „Сборникѣ Нижегородской ученой архивной комиссіи въ память П. И. Мельникова“, 1910 г.

„Человѣкъ съ сердцемъ“ — такъ характеризовалъ В. М. Лазаревского Н. В. Шелгуновъ (Л. П. Шелгунова „Изъ далекаго прошлаго“, СПб., 1901, стр. 75). Въ трогательной запискѣ о Щербинѣ раскрывается красота и доброта этого благороднаго сердца.

Въ бумагахъ В. М. Лазаревского нашлись два портрета Щербины. Они еще не были опубликованы и впервые воспроизводятся здѣсь съ разрѣшенія С. В. Лазаревского. Одинъ изъ нихъ — фотографическая карточка; другой — рисунокъ сепіей, съ надписью на оборотѣ: „Василію Матвѣвичу Лазаревскому отъ Н. Щербины. 26 января 1861 года. С.-Петербургъ“. Прилагаемъ также снимки съ двухъ веселыхъ и остроумныхъ карикатуръ Н. А. Степанова, изъ альбома „Литераторы“ (изд. 2-е, 1860 г.). Первая изображаетъ бѣднаго „Аѳинянина Петербургской стороны“, какъ трунилъ надъ собою самъ Щербина; послѣдній стихъ подписи взятъ изъ пьесы Щербины „Письмо“ („Красота, красота, красота! — я одно лишь твержу съ умиленіемъ“...). Вторая изображаетъ литературное чтеніе у графини Е. П. Ростопчиной; сама поэтесса читаетъ необъятную драмишу; среди гостей легко узнать М. С. Щепкина, съ сложенными на животѣ руками, дремлющаго М. П. Погодина; Щербина, съ цилиндромъ въ рукѣ, пытается спастись бѣгствомъ, но ему преграждаютъ путь лежащіе у дверей бульдоги.

Н. ЛЕРНЕРЪ.

Стихи Щербины.

I.

„Прометей“ Эсхила ¹⁾).

СЦЕНА 11.

ПРОМЕТЕЙ (ОДИНЪ).

О, священный эфиръ, вѣтерокъ быстрокрылый,
 И источники рѣкъ, и немолчно-шумящія волны,
 И всѣмъ общая мать земля,
 И всевидящій солнечный кругъ!
 Посмотрите, какія мученья
 Я терплю отъ боговъ, когда самъ я подобный имъ богъ.
 На борьбу осужденъ я навѣки!.. ²⁾
 Мнѣ такую постыдную казнь избобрѣлъ
 Этотъ новый владыка боговъ. ³⁾
 О, горе мнѣ!...
 Настоящимъ страданьемъ томимый,
 За грядущія муки я плачу!..
 О, когда жъ имъ настанетъ конецъ?.. Но что я говорю!
 Все, что будетъ, такъ ясно предвижу
 И неожиданнаго горя не жду.
 Да! я долженъ сносить терпѣливо
 Этотъ жребій судьбы, когда знаю,
 Что силы нѣтъ предъ силою того
 Что быть должно необходимо...
 Но властенъ я роптать и не роптать.
 Я похитилъ источникъ огня, и содѣлался онъ
 Для людей просвѣтителемъ многихъ искусствъ
 И великимъ орудьемъ.
 Я, несчастный, похитившій смертнымъ вѣнецъ украшенья,
 Склониться долженъ подъ ярмо
 Такой судьбы необходимой,
 Подъ непреложностью рока.
 И за эти проступки мои суждено
 Заплатить мнѣ желѣзною казнью
 Подъ открытымъ дыханьемъ небесъ...

¹⁾ Съ подлинника, находящагося въ бумагахъ Щербины (Имп. Публичн. Библ., см. ея Отчетъ за 1898 г., стр. 73), на отдѣльномъ листѣ, безъ даты; въ четвертомъ стихѣ рядомъ со словомъ „кругъ“ приписано „(дискъ ?)“. О переводѣ „Прометея“ Щербина упоминаетъ (см. ниже) въ письмѣ къ В. М. Лазаревскому 10 декабря 1844 года.

²⁾ Въ подлинникѣ: *μυρίετην ὑρόν* [Прим. Щербины].

³⁾ То есть Божество Власти и Силы (КРАТОС). [Прим. Щербины].

Н. Щербина. Съ рѣдкой литографіи И. Медвѣдева.
N. Stcherbina. Une lithographie rare.

II.

[Набросокъ.]

Къ тебѣ стремлюсь влеченьемъ смѣлымъ,
 Ты перль любви передо мной,—
 Нецѣломудренная тѣломъ,
 Ты цѣломудрена душой.

7 іюня 1867 г.

Изъ 8-ой тетради хранящихся въ И. Публичной Библиотекѣ
 бумагъ Щербины, л. 76.

III.

Загадка.

(Подражаніе Пушкину).

Кто у насъ умеръ женатымъ, по смерти вдовы не оставивъ:
 Эту загадку — прошу я — мнѣ, хитрый Эдипъ, разрѣши...

14 апрѣля.

Изъ той же тетради, л. 107; относится къ 1862 г.

IV.

Петербургскій почетный мировой судья.

(Геннадій Лермонтовъ).

Ахъ, какая онъ свинья,
 Петербургскій нашъ судья!
 Какъ онъ пошелъ и какъ пусть
 Этотъ Чухломскій Сень-Жюсть!

26 апрѣля 1866.

Изъ той же тетради, л. 158; первый стихъ упоминается въ
 Сочин. Щербины, стр. 439. У Щербины есть еще одна эпиграмма
 на то же лицо — „Паки о Геннадіи Лермонтовѣ“ (Сочин., изд.
 1873 г., 418; „Историч. Вѣстн“. 1891, январь, 65).

V.

Записка къ Е. Н. Шубинской.

О, ко мнѣ ль пріѣдетъ снова
 Пани майорова!
 Объ себѣ не скажетъ слова
 Пани майорова.

Я реву здѣсь какъ корова,
 Пани майорова!
 Ъхать вамъ не изъ Тамбова,
 Пани майорова!
 Пять минутъ! — и у больнова
 Пани майорова!
 Я горюнь, я плакса, рева,
 Пани майорова.
 О, да будетъ же здорова
 Пани майорова!

Съ подлинника, вклееннаго въ альбомъ Е. Н. Шубинской; стихи сообщены мнѣ покойнымъ С. Н. Шубинскимъ. Щербина незадолго до кончины (1869 г.) прислалъ ихъ владѣлицѣ альбома по случаю того, что она долго не навѣщала больного поэта. С. Н. Шубинскій былъ тогда въ чинѣ майора. У Шубинскихъ, на дачѣ въ Старой Руссѣ, Щербина провелъ лѣто 1866 г. („Историч. Вѣстн.“ 1906 г., октябрь, 227).

Письма Н. О. Щербины къ В. М. Лазаревскому.
 [Харьковъ, 1844 г.] ¹⁾.

I.

Милостивый Государь Василій Матвѣевичъ.

Меня застали въ -распложъ, и извините меня, что никакъ не могу высказать вамъ въ -распложъ вполнѣ всѣхъ чувствъ. — Да и плохо было-бы на жолтой бумагѣ, цвѣтѣ коварства, написать вамъ что-нибудь задушевное. Дайте мнѣ вы письмомъ своимъ содержаніе будущаго огромнаго моего письма къ вамъ. Я отъ васъ ожидаю. Посылаю вамъ поклонъ свой на берега Танаиса и до Меотическихъ волнъ и ожидаю посланіе отъ Области Скиѣской, дабудьте вы Анахарсисомъ ея, и да просіаетъ надъ нею чрезъ Васъ свѣтъ истины и блага, и удѣлите частичку свѣта своего и мнѣ, погрузившемуся въ тину Лопани и изнывающему въ волненіяхъ пошлой повседневной жизни. Жду отъ Васъ большаго письма, какъ дара Промитеева и остаюсь весь Вашъ

Н. Щербина.

II.

1844 года Декабря 10 дня. Харьковъ ²⁾.

Милостивый Государь Василій Матвѣевичъ.

Наконецъ я пишу къ Вамъ... И сколько блаженства писать къ Вамъ... Что я такъ долго не отвѣчалъ на ваши письма, въ этомъ виноватъ не я, а мои неблагопріятныя обстоятельства.

¹⁾ Письмо не датировано, но на немъ есть помѣта В. М. Лазаревскаго о полученіи его 20 октября 1844 г.

²⁾ На первой страницѣ помѣта В. М. Лазаревскаго: „Получ. 16 Декаб.“.

Карикатура на Н. Щербину. Литографія.
N. Stcherbina. Carricature.

Вы хотите знать теперешнее состояніе моего внутренняго міра, — идетъ ли впередъ мое развитіе, или оно остановилось, занимаюсь ли чѣмъ-нибудь и каковы мои занятія. — На все это я отвѣчаю тѣмъ, что присылаю Вамъ Стихи мои, написанные незадолго предъ симъ въ Харьковѣ, — сличите ихъ съ прежними моими Стихами, и увидите, впередъ, ли я иду, или пачусь назадъ. — Въ слѣдующемъ письмѣ Вашемъ ко мнѣ я ожидаю отъ Васъ критическихъ замѣтокъ на эти стихи и должныхъ назиданій со стороны вашей по сему предмету.

Будемъ, В. М., письменно разговаривать съ вами объ этихъ предметахъ, такъ близкихъ мнѣ. Это для меня пріятно и полезно.

Въ Харьковѣ новостей я никакихъ не знаю: что было, того ужъ нѣтъ, даже прежнія извѣстныя намъ лица разсѣялись.

Бецкій ¹⁾, объѣхавъ полъ-Европы, живетъ пока въ Парижѣ.

Таганрогскій другъ мой Де-Росси уѣхалъ въ Неаполь, а теперь очутился ужъ въ Алжирѣ, вступивъ во французскую военную службу. Онъ воюетъ съ Абдель-Кадеромъ, навоевавшись въ Таганрогѣ въ Канавахъ. (?).

А. И. Кронебергъ переселился въ Петербургъ.

Я написалъ четыре мѣсяца тому назадъ Драму изъ Греческой жизни, подъ названіемъ „Ксанео“ ²⁾.

Теперь буду переводить въ стихахъ Трагедію Эсхила: „Прометей“.

Я живу со Старовымъ ³⁾ на одной квартирѣ.

Пишите мнѣ на имя А. Ю. Зиберы съ передачею.

Братъ мой скоро будетъ въ вашихъ мѣстахъ, и вѣроятно заѣдетъ къ Вамъ. — Вотъ юноша съ комическимъ дарованіемъ: онъ васъ уморитъ со смѣху, только разшевелите его. Вотъ ужъ кто представитъ вамъ комедь такую! у него есть въ запасѣ много комическихъ лицъ. — Куда я противъ него! Слыша меня и брата моего, вы бы мнѣ даже ни разу не улыбнулись!

Я, какъ слѣдуетъ порядочному мальчику, преданъ Пантеистическому ученію ⁴⁾.

Мнѣ 23 года ⁵⁾.

Пишите мнѣ письма поразборчивѣе, ибо я ихъ едва на половину разбираю.

Я имѣю намѣреніе такъ оформлиться:

Выдержавъ вступительный экзаменъ въ университетъ, тотъ-часъ изъ него уволиться и, пріобрѣвъ такимъ образомъ 2-ой разрядъ по воспитанію, опредѣлиться на службу, гдѣ получивъ чинъ, отправиться въ столицу для дальнѣйшихъ жизненныхъ дѣйствій. — Во время службы въ провинціи,

¹⁾ И. Е. Бецкій, издатель извѣстнаго харьковскаго литературнаго сборника „Молодикъ“ (1843, 1844), въ которомъ Щербина напечаталъ много стихотвореній.

²⁾ „Ксанео, новогреческая драма съ прологомъ“ (о ней см. нашу статью, „Н. Щербина“ — Историч. Вѣстн.“ 1906, октябрь, 215).

³⁾ Н. Д. Старову Щербина посвятилъ стихотвореніе „Современная юность“ („Русс. Стар.“ 1907 г., апрѣль, 194).

⁴⁾ „Я всегда черезъ всѣ свои стихотворенія“ — писалъ Щербина В. Р. Зотову въ 1853 г. — „проводилъ одну идею пантеизма, въ истину которой я вѣрую по духу и крови, словомъ по своей натурѣ, и убѣжденъ горячо, что только на почвѣ пантеизма могутъ расти истинная наука (вспомните Германію) и истинное искусство“... („Историч. Вѣстн.“ 1906 г., октябрь, 230 — 231).

⁵⁾ 23 года Щербинѣ минуло недавно, 2 декабря.

обезпеченный жалованьемъ въ пропитаніи, я научусь языкамъ и наукамъ и, получивъ чинъ, отправлюсь тогда уже въ одну изъ столицъ.

Я теперь нахожусь въ очень тѣсныхъ обстоятельствахъ, и не разъ мнѣ оттого приходится въ голову отправиться ad patres, произвольно покинуть эту прекрасную земную юдоль и промѣнять ее на небытіе! на ничтожество! Пишите вашему Н. Щербинѣ.

III.

Харьковъ. 1845. Май. 30 д.

Милостивый Государь Василий Матвѣевичъ.

(Извините за это казенное обращеніе, вродѣ — дражайшіе родители).

Наконецъ я собрался побесѣдовать съ Вами, что для Васъ, вѣроятно, не болѣе, какъ переливка изъ пустаго въ порожнее... Но вы этого желаете, какъ видно изъ Вашихъ писемъ, хотъ, можетъ быть, это только одна учтивость. Пусть будетъ такъ: Мнѣ не привыкать-стать обманываться. Пріятный обманъ иногда лучше горькой истины, хотъ самая мелкая истина абсолютно выше самой великой лжи. — Мы начинаемъ всегда съ предмета интереснѣйшаго для себя... Какой же предметъ ближе къ моему сердцу, какъ не собственная моя персона!.. Простите мнѣ, если вы за это поплатитесь скукою: — мой эгоизмъ для меня выше всѣхъ постороннихъ сукъ.

Стремленіе человѣка въ жизни есть стремленіе къ осуществленію внутреннихъ его идеаловъ. Но какъ внутренній міръ нашъ выше міра явленій, внѣшнихъ средствъ, сущестственности, то только предполагается въ жизни одно стремленіе къ осуществленію нашихъ идеаловъ, а не самое осуществленіе ихъ, что горько возмущаетъ наше существованіе... Слава Богу! Я еще не такъ глупъ, чтобъ быть когда-либо счастливымъ, и не такъ уменъ, (странно было бы сказать — великъ), чтобъ быть равнодушнымъ къ счастью... И лучше ужъ ничего не желать, чѣмъ желать мало, что есть признакъ самой бѣдной, самой ограниченной натуры. Я теперь избралъ какую-то странную средину между тѣмъ и другимъ, какъ-то мирю то и другое, не пеняя ни на свѣтъ, ни на людей, ни даже, на самого себя (хотъ бы и слѣдовало). — Всѣ, что есть, было и будетъ такъ должно быть, а не иначе, потому что все является по необходимости, а не безсознательнымъ случаемъ. Всѣ должно быть такъ, какъ оно есть... Да, я не пеняю ни свѣтъ (sic!), ни на людей, ибо знаю, что мы жалуемся на безчувственную и злую толпу, проклиная равнодушный свѣтъ и вредный эгоизмъ людей, не чувствуя того, что мы для другого индивидуума составляемъ часть той же толпы, того же свѣта и эгоизма. Вотъ вамъ еще въ дополненіе къ этому мое новое стихотвореніе:

ПѢСНЯ ЖИЗНИ. 1)

I.

Смолкни, ропотъ своевольный,
Съ вѣчной жалобой своей!
Мы напрасно не довольны
То на жизнь, то на людей...

1) Подъ названіемъ „Сколія“ напечат. въ сборникѣ „Литерат. Вечера“, Одесса, 1850, стр. 157—158; см. также въ Отчетѣ Имп. Публ. Библ. за 1898 г., стр. 73. Въ собраніе 1873 г. не вошло.

Карикатура на Н. Щербину. Литографія.
N. Stcherbina. Caricature.

II.

Что есть лучше подъ луною,
 Что есть выше насъ самыхъ!...
 Всѣ богаты мы душою,
 И не цѣнимъ благъ земныхъ...

III.

Если много мы терпѣли,
 Не желая слёзы лить,
 То затѣмъ, что не умѣли
 Разумъ съ сердцемъ помирить.

IV.

Что намъ сдѣлалъ свѣтъ собою!—
 Свѣтъ и люди хороши:—
 Преклонись лишь предъ толпою
 Своенравіемъ души...

V.

Бросимъ чуждыя стремленья
 И полетъ нашъ въ небеса:—
 Намъ дана для наслажденья
 Мира нашего краса.

VI.

Не ропщи, что безъизвѣстно
 И на мигъ намъ жизнь дана:
 Что мгновенно, то прелестно,
 Вѣчность долгая скучна!

VII.

Только жизнь одна есть благо...
 Будемъ жить и не роптать,
 Будемъ, жизни шумной влагой
 Упиваясь, ликовать!...

Я большею частію то горько сознаю свое ничтожество, переставъ походить на легкомысленныхъ мальчишекъ-мечтателей, то не сознаю его, одушевляемый мыслию, что въ мірѣ нѣтъ ничего ничтожнаго, въ немъ всё великое, потому что онъ самъ великъ, какъ произведеніе Великаго. Посмотрите, изъ какихъ ничтожныхъ, даже омерзительныхъ, пошло-случайныхъ причинъ родится на свѣтъ человѣкъ съ его всеобъемлющей душою, съ его свяшенно-пламеннымъ чувствомъ... И сколько отъ животной похоти какихъ-нибудь самыхъ обыкновенныхъ тварей въ человѣческомъ образѣ родилось великихъ людей, творческою мощию подвинувшихъ впередъ цѣлое челоѣчество, побѣдившихъ время, природу, самыхъ себя и возвысившихся до своего идеала—до Божества... Да, въ мірѣ нѣтъ ничего ничтожнаго, потому что всё составляетъ части, частицы и частички великаго.

Порою возмущаетъ меня одно изъ самыхъ гуманнѣхъ стремленій — жажда денегъ, и я только бесплодно восклицаю: — Что деньги! — Это Вѣчный Жидъ, вѣчно-живущій, постоянно-странствующій... Авось, онъ, странствуя, забредетъ когда-нибудь и въ мою область...

— Мечтатель!... шепчетъ мнѣ саркастически мой собственный разсудокъ.

Я думаю этотъ разъ держать экзамень въ Университетѣ, сѣсть за скамью... но что же жизнь, какъ не школа. Да, жизнь тоже школа: она по временамъ также ставитъ людей — этихъ всегдашнихъ дѣтей-учениковъ въ уголъ, гдѣ они стоя не двигаются ни назадъ, ни впередъ, Она порою ставитъ ихъ на колѣни или предъ собственными ихъ страстями и самолюбіемъ, или предъ богачами и знатными невѣждами.

Въ это время, при сколько нибудь благопріятныхъ практически-жизненныхъ обстоятельствахъ, я постараюсь развивать себя наукою, чтеніемъ и изученіемъ двухъ легкихъ языковъ. Но не мечта ли и это? — Я слишкомъ мало на себя надѣюсь, чтобъ говорить рѣшительно. Пусть лучше послѣдствія оправдаютъ меня... Не сули журавля въ небѣ, дай синицу въ руки.

Вы хотите отъ меня новостей... Вотъ вамъ всё, что знаю, хоть, можетъ быть, оно для васъ нисколько не интересно.

— Бецкій объѣздитъ большую половину Европы, прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижѣ, теперь отправился въ Лондонъ, и, кажется, съ Княгиней Голицыной проживетъ еще годъ за границею. Онъ осмотрѣлъ тамъ достопримѣчательности, былъ у Гоголя, у Жуковского, у вдовы Жанъ-Поля, пишетъ путевыя записки.

— Костомаровъ ¹⁾ — учителемъ въ Гимназіи г. Ровно Волынской Губерніи, занимается историческими изслѣдованіями, и слышно, что будетъ въ Кіевскомъ Университетѣ Адъюнктомъ Исторіи.

— Бесѣдовскій ²⁾ изъ Одессы отправился въ степь Киргизской Орды искать вдохновеній для своихъ нѣжныхъ свѣтскихъ мадригаловъ и въ pendant къ этому для изученія кухни номадовъ.

— Сементовскій въ Петербургѣ, гдѣ служитъ и печатаетъ въ „Маякѣ“ повѣстунки.

— Я — ничего не дѣлаю.

— Тимоша и Алеша Вышеславскіе живутъ какъ Вѣчный Жидъ. Старовъ перестаетъ быть вѣчнымъ Жидомъ, ибо сдаетъ свой окончательный экзамень. Я — тоже Вѣчный Жидъ относительно вступленія въ Университетъ... Увы! я чающій, хоть мнѣ ужъ ничего не осталось чаять, кромѣ воскресенія мертвыхъ.

— Аминь.

— Профессоръ Платоновъ.... Вотъ поразительная новость. ...Платоновъ пишетъ стихи!!!!... Первый дебютъ его на этомъ поприщѣ — двѣ эпиграммы себѣ и женѣ, которыя онъ завѣщаетъ написать на могилѣ своей.

Вотъ онѣ:

¹⁾ Извѣстный впослѣдствіи историкъ Н. И. Костомаровъ.

²⁾ А. Бесѣдовскій впослѣдствіи работалъ въ одесскихъ газетахъ, умеръ въ одиночествѣ и нищѣ глубокомъ старикомъ въ 1900-хъ годахъ въ одесскомъ убѣжищѣ имени Пушкина.

I.

„Подъ камнемъ симъ лежатъ нѣжнѣйшіе два друга:—
„Иванъ Васильевъ сынъ и съ нимъ его супруга“ ¹⁾.

II.

„Отечество свое немало одолжилъ:—
„Совѣтникомъ Коллежскимъ онъ служилъ“ ²⁾.

— Еще тотъ же сударь силится во чтобы ни стало острить: онъ выдумалъ карикатуру на Профессора элоквенціи Я...ва ³⁾: На могилѣ этого Профессора вмѣсто могильнаго камня лежитъ переводъ его „Короля Лира“ извѣстными тяжелыми стихами, и внизу надпись изъ стиховъ Лермонтова „Воздушный Корабль“:

„Лежитъ на немъ камень тяжелый,
Чтобъ встать онъ изъ гроба не могъ“.

Просто у насъ въ Харьковѣ всё пошло на-изворотъ!...

Въ заключеніе мнѣ только осталось умолять Васъ писать ко мнѣ, да что-нибудь эдакъ посерьѣзнѣе. Письмо Ваше для меня праздникъ. Въ противномъ случаѣ, самолюбіе мое не позволитъ мнѣ болѣе написать вамъ ни одной строки.

Съ почтеніемъ и преданностію остаюсь
Весь Вашъ

Н. Щербина.

IV.

[1851 г.].

И опять передъ Вами мои Готическіе характеры, и вы ихъ узнаете тотчасъ, и улыбнетесь, навѣрное, вспомнивъ своего стараго знакома.

Имѣю удовольствіе, надѣясь на неизмѣнную пріязнь Вашу ко мнѣ и петербургское избавленіе меня отъ квартальныхъ по случаю просрочки моего отпуска, имѣю удовольствіе представить Вамъ моего родственника Надворнаго Совѣтника Александра Павловича Рудановскаго. Надѣюсь, что Вы, изъ пріятельскаго ко мнѣ расположенія и литературныхъ симпатій (?), не оставите удѣлить ему нѣсколько минутъ аудіенціи и укажите, и объясните ему, что будетъ нужно по его дѣлу.

Я послалъ къ Вамъ чрезъ В. П. Гаевского ⁴⁾ мою брошюрку (отискъ изъ „Москвитянина“) „Новыя Греческія Стихотворенія“ ⁵⁾. — Получили ли Вы ихъ? — Напишите мнѣ свое мнѣніе: ябъ хотѣлъ переписываться съ Вами, какъ съ человѣкомъ знающимъ меня и искренно ко мнѣ расположеннымъ.

¹⁾ Эпиграммы на Ивана Платонова см. въ собраніи 1873 г., стр. 290, гдѣ онъ названъ Степаномъ Харитоновымъ (подл. въ бумагахъ Щербины, И. Публ. Библ., тетр. 6).

²⁾ Напечат. въ „Русс. Стар.“ 1872 г., подъ заглавіемъ „Эпитафія“.

³⁾ Карандашемъ дополнено: „Якимова“.

⁴⁾ Викт. Павл. Гаевскій (1826—1888), извѣстный библиофилъ, біографъ Пушкина и Дельвига, предсѣдатель литературнаго фонда.

⁵⁾ „Москвитянинъ“ 1851 г., ч. VI.

Въ слѣдующемъ году [1852] я разрѣшусь отъ литературнаго бремени двумя или тремя большими дѣтищами, внѣ лирическихъ пьесъ.— Буду подѣлывать, чѣмъ былъ въ этомъ году: причиною этому были многія душевныя невзгоды, не смотря что моя внѣшняя жизнь значительно поправляется и идетъ впередъ... Сплетникамъ и тлямъ не вѣрьте. Напишите мнѣ.

Весь Вашъ Н. Щербина.

Адресъ мой

Въ Москву. Николаю Ѳедоровичу Щербинѣ.

За Прѣсенскими Прудами, въ Грузинской улицѣ, въ домѣ Князя Грузинскаго ¹⁾.

V.

Зиновьево. 1856 года іюля 19.

Добрый другъ

Василій Матвѣевичъ.

Съ особеннымъ чувствомъ отрады пишу къ Вамъ, вспоминая и цѣня и Вашу дружбу и ваши интеллектуальныя бесѣды, и ваши сенсуальные раки, словомъ весь вашъ духовный и матеріальный эпикуреизмъ. Дай Богъ намъ свидѣться тепло, такъ же, какъ мы тепло простились. Да не забудьте передать всю полноту моихъ искреннихъ дружескихъ чувствъ Владиміру Рафаиловичу и Любви Ивановнѣ ²⁾. Поклонитесь имъ. Скажите моему непобѣдимому, неприступному Севастополю ³⁾, что его Канроберъ, потерявъ всякую надежду, „въ постыдный обратился бѣгъ“, но изъ своего цинциннатовскаго уединенія шлетъ ему поклонъ... Канроберъ тревожится, предчувствуя Пелисье. Я живу здѣсь въ деревнѣ ужъ болѣе мѣсяца, и предаюсь благодатному труду: всѣ часы у меня здѣсь заняты моими литературными и научными этюдами; книгъ здѣсь у меня цѣлая гора.

....Но все-таки самая тяжелая, томительная грусть по моимъ душевнымъ утратамъ меня не покидаетъ... и не забываю я ничего... Нѣтъ, видно, никуда не убѣжишь отъ Самого Себя... Надъ дверями моей жизни крупно и ярко было написано: „*lasciate ogni speranza*“... и эти мои скорьби и наяву и во снѣ удручаютъ меня, и нѣтъ ни одного часу безъ нихъ. Я такъ здѣсь занятъ своими литературными изученіями, что часа полтора въ сутки мнѣ остается для прогулки по лѣсамъ въ обществѣ нашихъ дамъ и дѣтей... въ концѣ сентября буду въ Питерѣ.— Пишите мнѣ съ Влад. Раф. (вмѣстѣ) одно большое письмо.— Вашъ Н. Щербина.

Посылаю вамъ новый ямбъ ⁴⁾, еще начерно написанный, ибо, можетъ быть, еще потребуется для него техническая отдѣлка и поправки.— Пишите мнѣ, мой добрый другъ. Кланяйтесь отъ меня въ поясъ Н. Д. Старову: пусть мнѣ пишетъ.

¹⁾ Щербина нѣкоторое время жилъ въ домѣ князя Грузинскаго, извѣстнаго богача, который ему покровительствовалъ и предоставилъ столъ и квартиру. (Записку Н. В. Берга — „Русс. Стар.“ 1891, февр., 260).

²⁾ Зотовымъ.

³⁾ Кухарка Зотовыхъ. (Прим. В. М. Лазаревскаго). Пушкинъ въ періодъ ухаживанья за Н. Н. Гончаровой называлъ ее Карсомъ.

⁴⁾ Приложено стихотвореніе „Къ поэтамъ. Ямбъ“ (см. собраніе 1873 года стр. 145).

Адресъ: Въ Кострому. Ея превосходительству Марьѣ Петровнѣ Корниловой ¹⁾. Въ собственномъ домѣ. Для передачи Н. Ѳ. Щербинѣ.

VI.

30 мая 1857.

Добрый другъ Василій Матвѣевичъ.

Мнѣ (случайно) говорили скрипачъ Франкенштейнъ и живописецъ Осиповъ, что они думаютъ служить на имѣющихъ вновь открыться мѣстахъ въ Удѣльныхъ Конторахъ, именно, въ должности Депутата отъ Департамента Удѣловъ, состоящаго при какой-либо удѣльной Конторѣ. Основываясь на этомъ — отчего же бы и мнѣ не пожелать такого мѣста, на которое я по своимъ внутреннимъ средствамъ имѣю такое же право, если не большее, ибо я служилъ уже около трехъ лѣтъ въ Губернскомъ Правленіи и другой годъ служу въ Департаментѣ Народнаго Просвѣщенія, а въ теперешнее время исполняю должность чиновника Особыхъ Порученій при Товарищѣ Министра.

1) Получивъ ревностную страсть къ изученію русской народности и занимаясь этимъ уже два года, я хотѣлъ бы быть ближе къ просто-народію, для изученія моего предмета, чтобъ впослѣдствіи писать изъ русской народной жизни, — мнѣ нужно такого рода служебное мѣсто.

2) По душевнымъ моимъ обстоятельствамъ мнѣ нужно удалиться въ пустыню изъ столицы.

3) Преданность всесторонняя наукѣ, изученію какого-либо предмета способна увлекать человѣка и заставлять забывать его то, что его томить и терзаетъ.

4) Я здѣсь получаю 35 рублей въ мѣсяцъ жалованья, которое мнѣ едва стаетъ на полъ-мѣсяца, слѣдовательно я долженъ буду накапливать съ каждымъ мѣсяцемъ долги и запутываться: слѣдовательно, приходится къ весьма печальнымъ результатамъ; я буду жить въ провинціи, въ глуши, и жалованья моего будетъ съ меня довольно. Послужа и поизучая Русь лѣтъ 5—6, я могу пріѣхать и въ столицу, и напишу можетъ быть побольше моего нынѣшняго да напишу изъ русскаго быта. Занимаясь теперь пока по книгамъ русскою исторіею, древностями и вообще народностію, я хочу погрузиться въ живую струю народной жизни ²⁾.

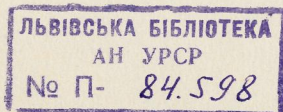
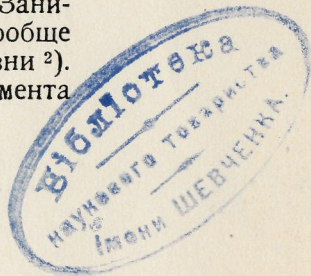
Для этого мнѣ нужно имѣть мѣсто депутата отъ Департамента удѣловъ въ одной изъ великороссійскихъ губерній, а именно:

Владимірской или
Московской
Ярославской,
Калужской,
Нижегородской,
Костромской,
Тульской,

а попреимуществу Владимірской, Ярославской.

¹⁾ М. П. Корниловой Щербина посвятилъ стихотворенія „Будущее“, „Миньонъ“ („Пусть апрѣль распускается дальше“... — Соч., 1873 г., стр. 167, 267), „Палимый мыслью безотрадной“... („Русс. Стар.“ 1907, апр., 196).

²⁾ Объ отношеніи Щербины къ народности, такъ полно сказавшемся въ его извѣстной хрестоматіи „Пчела“, см. ст. нашу „Н. Ѳ. Щербина“ („Истор. Вѣстн.“ 1906, окт., 222 — 223) и Н. Янчука „Н. Ѳ. Щ. какъ этнографъ“ („Ж. М. Н. Пр.“ 1907, іюль).

Имѣйте это въ виду, добрый другъ мой: этимъ вы меня спасёте отъ многаго. Служебныя-же свои обязанности даю Вамъ честное слово буду исполнять исправно и предварительно изучу ихъ юридически.

Вашъ Н. Щербина.

Р. С. Я занимаюсь теперь по ценсурѣ по своей должности, а этого-бы мнѣ и не хотѣлось.

VII.

Еще разъ пишу Вамъ, Василій Матвѣевичъ, памяти ради о будущей службѣ моей, памяти ради на отъѣздъ Вашъ, ибо это предполагаемое мѣсто чрезвычайно меня занимаетъ, потому что можетъ служить единственнымъ выходомъ изъ настоящаго моего положенія, а оно вопіетъ о выходѣ. Здѣсь житейскія дѣла мои должны съ каждымъ днемъ запутываться, потому что жалованья не стаётъ и на полъ-мѣсяца. 500 рубл. серебр. жалованья не въ Петербургѣ обезпечить меня еще могутъ сколько-нибудь... Да къ тому же еще предполагаемое мѣсто дастъ мнѣ нѣкоторымъ образомъ и духовное удовлетвореніе, что составляетъ также важный пунктъ: это мѣсто доставитъ мнѣ случай изучать русскую народность, слѣдовательно должность моя дастъ мнѣ средства и для практической жизни и для нравственнаго бытія пишу. Почему знать, можетъ быть родъ моихъ Писаній отъ этого совершенно измѣнится, и я современемъ напишу что-нибудь лучшее, и, главное, изъ народной русской жизни, изучивъ ее всесторонне въ практической жизни во время своей службы, близкой къ народу по ея свойству.

Дайте мнѣ, Василій Матвѣевичъ, это время жить хоть какой-нибудь надеждою и цѣлью: онѣ такъ нужны для заглушенія скорбей и ранъ души моей, онѣ такъ необходимы для выхода изъ моего тяжелаго положенія.

За строгое и аккуратное исполненіе своихъ служебныхъ обязанностей я Вамъ ручаюсь: въ этомъ будьте увѣрены. Съ этого же времени начну изучать ихъ. Мѣсто мнѣ нужно по моимъ видамъ

главное въ Москвѣ,

а если ужъ тамъ, паче чаянія, не возможно, то
во Владимірѣ или Ярославлѣ.

Это Вамъ записочка на память. — Жду отъ Васъ своей надежды и цѣли.

Весь Вашъ Н. Щербина.

12 іюня 1857 г. Петербургъ.

Р. С. Адресъ мой всегда можно будетъ узнать отъ Л. Л. Добровольскаго.

VIII.

4 іюля 1857. СПБ.

Добрый Другъ
Василій Матвѣевичъ.

Извѣстіе Ваше чрезъ г. Осипова я получилъ, и стою на первомъ письмѣ моемъ, именно желаю такого рода мѣста по удѣламъ, какого

домогається г. Осиповъ. Мнѣ бы хотѣлось по преимуществу въ Москву, при тамошней Удѣльной Конторѣ; а когда уже нельзя будетъ служить въ Москвѣ, то хотѣлось бы мнѣ имѣть мѣсто въ такой постепенности относительно губерніи, а именно:

во Владимірской
или же
въ Ярославской
въ Рязанской
въ Нижегородской
въ Калужской
въ Костромской.

2^{1/2} года я служилъ въ Московскомъ Губернскомъ Правленіи, потомъ считался на службѣ домашнимъ учителемъ, а наконецъ другой годъ служу въ Департаментѣ Народнаго Просвѣщенія. 26 Апрѣля сего года назначенъ Министр. Народ. Просв. исполнять должность Чиновника Особыхъ Порученій при Товарищѣ Министра Народнаго Просвѣщенія съ жалованьемъ 425 рублей серебр. въ годъ.

Теперь я занимаюсь по ценсурнымъ дѣламъ; но дѣла такъ мало, что я скучаю отъ служебнаго бездѣлья, хотѣлось бы большей дѣятельности и по преимуществу разъѣздовъ. — Всѣ это я вамъ пишу для свѣдѣнія относительно будущаго моего мѣста. О, если бы можно было получить мѣсто при Московской Удѣльной Конторѣ. Мнѣ главное — Москва, а за нею ужъ Владиміръ и такъ далѣе.

Да будетъ надежда на Васъ, добрый другъ.

Весь Вашъ Щербина.

NB. — Должность Депутата отъ Департамента Удѣловъ.

NB. — Укажите мнѣ на книги предуготовительнаго изученія этой должности — уставы, положенія, правила и тому подобн. ¹⁾

Н. О. Щербина — Н. Д. Хвошинской ²⁾.

Милостивая Государыня
Надежда Дмитріевна.

Согласно съ желаніемъ Вашимъ, имѣю удовольствіе прислать Вамъ нѣсколько стихотвореній, написанныхъ мной въ послѣднее время, для доставленія ихъ чрезъ руки Владиміра Рафаиловича Зотова въ редакцію „Отечественныхъ Записокъ“ и „Пантеона“.

Они могутъ быть напечатаны въ этихъ журналахъ въ такомъ только случаѣ когда не будутъ изуродованы выпусками ценсуры, — это мое *conditio sine qua non*, — притомъ, если Владиміръ Рафаиловичъ будетъ такъ любезно обязателенъ, что самъ

¹⁾ Мѣста въ удѣльномъ вѣдомствѣ Щербина не получилъ.

²⁾ У Над. Дим. Хвошинской (псевд. В. Крестовскій), въ Петербургѣ, Щербина бывалъ часто (см. „Изъ далекаго прошлаго“ Л. П. Шелгуновой, стр. 77); ей онъ посвятилъ стихотвореніе „Болѣзнь“ (см. собраніе 1873 г., стр. 175; С. И. Пономаревъ „Наши писательницы“, стр. 71).

лично присмотреть за исполненіемъ въ редакціяхъ этого моего условія, будетъ, такъ сказать, опекуномъ моихъ сочиненій и не допустить, такимъ образомъ, скомпрометтировать меня въ печати, тѣмъ болѣе, что это можетъ подать поводъ къ личностямъ, сплетнямъ и выходкамъ противъ меня нѣкоего фельетоннаго господина.

Лирическая пьеса по своему техническому объему такъ невелика, и часто вся ея сущность, идея въ двухъ-трехъ стихахъ:—выпусти изъ нея эти двѣ-три строчки,—и стихотвореніе сдѣлается пустымъ наборомъ главныхъ и придаточныхъ предложений, написанныхъ метрически и закругленныхъ риѐмами,—просто безсмыслицей и литературнымъ безобразіемъ; такъ, напримѣръ, въ моей пьесѣ, — „Весталка“, если выпустить пять послѣднихъ строчекъ въ концѣ ея, то она выйдетъ вопиющею глупостью.... И вдругъ, къ крайнему своему ужасу, видѣть подписанную подъ нею свою фамилію!...

Со мной ужъ раза два-три сдѣлано было такъ въ журналахъ, и потому я теперь остерегаюсь этого.

Стихотворенія, при семъ присылаемая, мной еще такъ недавно написаны, и потому я не могу къ нимъ быть строгъ, и замѣтить въ нихъ погрѣшности въ техническомъ отношеніи, для чего нужно извѣстное пространство времени, послѣ котораго можешь быть ихъ судьей, ставши къ нимъ совершенно-объективно, что и предоставляю теперь вмѣсто себя Владиміру Рафаиловичу для большей строгости и выбора.

Я печатался въ „Москвитянинѣ“ единственно только потому, что мнѣ неудобно было печататься въ петербургскихъ журналахъ за отсутствіемъ моимъ въ Петербургѣ, что въ „Москвитянинѣ“ я былъ самъ лично корректоромъ и редакторомъ своихъ стихотвореній, не позволялъ печатать испорченнаго или неудачнаго своего стихотворенія, и лично бывалъ у цензора, когда они цензуровались: за мѣсяцъ впередъ до выхода книжки журнала могъ въ корректурныхъ листахъ дѣлать замѣны и поправки по ценсурному указанію. — Только на одномъ основаніи этихъ удобствъ я и печаталъ въ „Москвитянинѣ“.

Итакъ, эти мои стихотворенія я согласенъ напечатать, если Владиміръ Рафаиловичъ пріиметъ ихъ такъ близко къ себѣ, какъ Ваши или свои собственныя сочиненія, то-есть обратитъ на нихъ особенное вниманіе по выходѣ ихъ изъ рукъ цензуры, и не напечатаетъ, когда въ нихъ окажутся какіе-либо ценсурные пропуски (какъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“, такъ и въ „Пантеонѣ“), если онъ проредактируетъ ихъ самъ лично, и не отдастъ окончательно въ печать той пьесы, которая окажется неудачною, словомъ, если онъ будетъ беречь мою литературную репутацію, если онъ будетъ къ нимъ эстетически строгъ, особливо по выходѣ ихъ въ корректурныхъ листахъ послѣ цензуры, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ журналѣ, и, такимъ образомъ, замѣнить мое личное присутствіе, мою личную строгость и разборчивость.

Я весьма охотно и исключительно буду печататься въ „Отечественныхъ Запискахъ“, симпатизируя имъ по своей натурѣ и направленію, е с л и редація будетъ строга къ моимъ произведеніямъ послѣ ценсурныхъ урѣзокъ и во все не печатать того, что хоть сколько-нибудь испорчено ценсурой и компрометируетъ меня въ печати: пусть лучше изъ десяти пьесъ напечатается хоть только одна, да приличная, вышедшая цѣликомъ, безъ урѣзки, изъ Цензуры.

Если В. Р., въ случаѣ, сочтетъ нужнымъ списаться со мной, то вотъ пока мой адресъ: Въ Москву.—Ея Превосходительству, Настасѣ Павловнѣ Щербининой.—На Воздвиженкѣ, въ домѣ Устиновой.—Для передачи Николаю Ѳедоровичу Щербинѣ.

NB. Попросите его также относительно содѣйствія намъ для нашего Литературнаго Сборника въ присланіи статей въ прозѣ беллетристическаго содержанія и популярныхъ ученыхъ статей, какъ его, такъ и его литературныхъ знакомыхъ: я буду безконечно ему обязанъ этимъ.

Передайте все мной вышенаписанное В. Р. при посылкѣ моихъ стихотвореній, а въ особенности мое *conditio sine qua non*.

Съ глубокимъ уваженіемъ и искреннимъ чувствомъ преданности, честь имѣю быть

Вашимъ покорнѣйшимъ слугою. Н. Щербина.

Село Истопники. 1853 года, августа 19 дня.

И. Ѳ. Щербина—В. М. Лазаревскому.

Милостивый Государь Василій Матвѣевич!

Письмо съ посылкою, адресованное на Имя Брата моего Николая Щербины, я имѣлъ удовольствіе получить,—очень жаль,—что оно не застало Его въ Таганрогѣ, это для него составило бы невыразимое наслажденіе.—Радужная откровенность, и дружеское расположеніе, высказанныя въ письмѣ Вашемъ моему Брату, налагаютъ на меня пріятный долгъ принести Вамъ благодарность, и вмѣстѣ съ Этимъ просить Вашего Лестнаго для меня знакомства.—Позвольте поручить себя въ такомъ случаѣ, и малѣйшее вниманіе Ваше ко мнѣ, я вмѣню для себя въ особенное удовольствіе.

Зная какъ братъ дорожить дружескими письмами, я сегодня же отправляю его въ Харьковъ,—твердо увѣренъ что онъ незамедлитъ отвѣчать Вамъ на него.

Воспоминанія о Васъ, долго не покидали брата моего,—и Это составило для него лучшія минуты въ Таганрогской жизни, прошу покорнѣйше не забываютъ его онъ безпредѣльно преданъ къ Вамъ.

Съ Чувствомъ Глубокаго уваженія имѣю честь остаться

Милостивый Государь Покорнѣйшій слуга—

Иванъ Щербина.

10-го Іюня 1844 г. Таганрогъ.

Братъ въ Харьковѣ, хочетъ держать экзамень на Учителя Гимназіи ¹⁾.

Эпиграммы М. П. Розенгейма.

Щербинѣ.

Нельзя сказать, что ты дубина;

Оно бы было ничего.

Но ты безстыдникъ, ты Щербина!..

А это хуже ужъ всего.

1859.

¹⁾ На 1-ой стр. помѣта Лазаревскаго: „Получ. 13 іюля“.

На Щербину.

Въ порывѣ пламенной мечты
Онъ созерцалъ на Молдаванкѣ
Эллады древней красоты
И нимфу въ нѣжинской гречанкѣ ¹⁾.

1859.

Воспоминанія В. М. Лазаревского о Н. О. Щербинѣ.

Въ 1869 году былъ помѣщенъ въ „Русскомъ Архивѣ“ годичный некрологъ литературный. Говоря о Щербинѣ, Г. Геннади упомянулъ, между прочимъ, что Щербина былъ въ Харьковскомъ Университетѣ. Въ статьѣ Г. Де-Пуле („Вѣстн. Евр.“) говорится то же. Въ томъ же журналѣ (Май 1874) въ статьѣ [—ина (В. П. Буренина) „Дилетантизмъ въ поэзіи“] цитируется посмертная записка Щербины съ заявленіемъ о томъ же. Узнавъ объ этомъ, я послалъ за книгою и на первой же страницѣ читаю: „...а оттуда въ Харьковъ, гдѣ черезъ четыре года поступилъ въ Университетъ“.

Бѣдный Николай Ѳедоровичъ! Невыразимо тяжело мнѣ вдумываться въ тѣ твои предсмертныя минуты когда ты сознательно говорилъ неправду. И изъ-за чего, подумаешь, предсмертная неправда! Неправда въ послѣдней исповѣди. Я однимъ побужденіемъ могъ бы объяснить это невѣроятное у порядочнаго человѣка дѣяніе.

Студенчество Харьковское того времени все еще, хоть по преданію, высоко держало свое знамя, сказалъ бы краснорѣчивый писатель. Какъ московскихъ студентовъ поднималъ Грановскій, такъ, относительно, поднималъ харьковскихъ Лунинъ ²⁾ и отчасти Степановъ ³⁾. Къ тому же, не успѣлъ еще вывѣтриться и тотъ подъемъ, что далъ попечитель Головкинъ ⁴⁾, и то буршество, которое засталъ Головкинъ.

Въ 1835 г., напримѣръ, входитъ къ студенту, и не важному, на квартиру, конечно безъ доклада, педель, въ силу правъ внутренней студентской полиціи.

— „Здравствуйте, Иванъ Ивановичъ, ну что? какъ?“

Педель стоитъ у дверей.

— Хозяюшка, дайте ему рюмку водки ⁵⁾.

Между 1836 и 1840:

1) Головкинъ даетъ балъ. Приглашаются только дамы изъ высшего городского кружка и только студенты какъ кавалеры.

¹⁾ Обѣ эпиграммы извлечены изъ старой тетради „сочиненій, презрѣвшихъ печать“. Гораздо язвительнѣе были эпиграммы Щербины на Розенгейма, котораго онъ называлъ „Тредьяковскимъ обличеніемъ“, и рассказывалъ, что Розенгеймъ, обличая взятки въ стихахъ, бралъ ихъ въ прозѣ (см. Сочиненія Щербины, изд. 1873 г., стр. 322—323; Историч. Вѣстн. 1891 г., январь, 64; Русск. Стар. 1891 г., май, 484, и 1908 г., июнь, 578). Молдаванка Предмѣстье Одессы, гдѣ жилъ когда-то Щербина; въ Одессѣ вышли его „Греческія стихотворенія“ (1850 г.).

²⁾ Профессоръ всеобщей исторіи. В. Л.

³⁾ Профессоръ политической экономіи. В. Л.

⁴⁾ Графъ Головкинъ.

⁵⁾ Я былъ этому свидѣтель. В. Л.

2) Студентскій мундиръ, указанный въ Сводѣ Законовъ, представляется далекой копіей сочиненной самими студентами униформы, въ каковой щеголяетъ и столѣтній Попечитель.

3) Завелся театр. Въ роли Скалозуба студентъ З. удивительно гримируетъ губернатора, Князя Петра Трубецкаго. Послѣдній озлобился, да ничего не подѣлать. Встрѣчаются какъ-то они на Московской улицѣ (харьковскій Невскій). З. смотритъ на Т. съ усмѣшкой, — взоръ Т. горитъ.

— „Какъ вы смѣете не снять передо мной фуражки?“

— „Я васъ не знаю“.

— „Я губернаторъ“.

— „У насъ въ Университетѣ такихъ чиновъ нѣтъ“.

И ничего!...

4) Студентъ Л. входитъ въ домъ ректора, въ его залу, съ борзою собакою, спросить, зачѣмъ онъ, ректоръ, при экзаменѣ возбудилъ касательно Л. вопросы къ экзамену вовсе не идущіе и тѣмъ могъ нанести ему гражданскій вредъ. Ректоръ жалуется... И ничего!

5) Тотъ же студентъ Л., провалившись случайно на экзаменѣ, идетъ прямо изъ аудиторіи къ инспектору барону У.-Ш. и доказываетъ послѣднему, что онъ долженъ дать свидѣтельство о продолжительной (небывалой) болѣзни Л., ибо два-три профессора, на экзаменѣ присутствовавшіе, заявили, что сего студента они еще (на второмъ курсѣ) въ глаза не видали. И свидѣтельство выдается, и, послѣ обѣда въ тотъ же день, экзаменъ (по психологіи) передерживается на экзаменѣ перваго курса (изъ логики). Профессоръ П. говоритъ: „Вы отвѣчаете прекрасно, но вы передерживаете, — я не могу поставить пять“. Студентъ заявляетъ, что онъ проситъ дозволенія отвѣчать не по вопросамъ, а отъ доски до доски, и потому меньше пяти онъ не возьметъ. И ему даютъ пять.

6) Студентъ Г. на балу въ Дворянскомъ Собраніи подходитъ къ дѣвицѣ ***, давшей ему слово танцовать кадрили. Правитель канцеляріи губернатора, стоящій съ нею, отвѣчаетъ, что эту кадрили съ *** танцуетъ онъ. Г. вынимаетъ свою студенческую шпажонку и поражаетъ правителя. Тотъ схватываетъ оружіе, легко отламываетъ половину, и начинается правильный бой. Малорослый Г. бьетъ снизу вверхъ, — высокій правитель поражаетъ сверху внизъ. И студентъ даже не уволенъ. И т. д., и т. д.

Конечно, трудно осмыслить винегретъ, въ составъ котораго входятъ ингредиенты какъ бурса, гр. Головкинъ и Лунинъ съ Степановымъ, — но фактъ тѣмъ не менѣе вѣренъ, что харьковскій студентъ того времени былъ первый человѣкъ въ Харьковѣ.

Щербина — и душой, и тѣломъ жилъ въ средѣ студентовъ, — и, случайно или нѣтъ (я этого не знаю), въ отмѣнномъ кружкѣ.

Хорошіе его инстинкты тянули его всевластно пріобщиться къ этой средѣ. Самъ онъ себя чуялъ не худшимъ изъ ея элементовъ. Худенькій, маленькій, бѣдненькій сегодня — завтра бы онъ сталъ замѣтнымъ. — Я видѣлъ тогда, теперь сознаю яснѣе, — чего ему стоило пережить эту тяжкую пору, когда его и на рукахъ носили, въ минуту хохота, и смотрѣли на него какъ на мальчика ни при чемъ. За право надѣтъ условную униформу онъ бы чорту душу отдалъ.

И я понимаю трагическій моментъ, когда Щербина, почти уже студентъ, на послѣднемъ экзаменѣ — изъ физики! — почувствовалъ, что почва подъ нимъ шатается. — Мгновеніе — равнодушіе или

утомленіе экзаменатора, счастливый билетъ, случайная находчивость—и онъ студентъ...

Студентъ! Для личности какъ Щербина тутъ все будущее, во всѣхъ смыслахъ.

И прежде всего хлѣбъ... Онъ долго ѣлъ чужой хлѣбъ, товарищескій, и едва ли когда наѣдался своимъ...

И на отвѣтъ—изъ физики!—на отвѣтъ въ пять словъ! обрваться—навѣки!

Да, я думаю, что тутъ-то и сказалось больное мѣсто на душѣ его, и это мѣсто ракомъ разѣдало, во всю жизнь, душу его.

И всегда онъ думалъ, что онъ почти студентъ—самъ въ себѣ онъ гордился этимъ—всѣхъ хотѣлъ увѣрить, что онъ студентъ,—и самъ, наконецъ, этому повѣрилъ.

Бѣдный Николай Ѳедоровичъ!

Сколько ихъ, нашей братіи, было недостойныхъ [развязать] сапогъ твой, сколько было болвановъ, шулеровъ, мальчишекъ, которымъ студенчество нужно было какъ лента въ гривѣ свадебной лошади,—и ты болѣлъ недостижимостью до сихъ тунеядцевъ, можетъ быть не мене какъ недостижимостью до генія поэзіи.

Студентъ З(венигородскій) заплатилъ пять тысячъ рублей. Каждому профессору по важности предмета.

Студентъ В(олковъ), отъ котораго профессоръ Ѳедотовъ допытывался какого нибудь отвѣта на вопросъ: что значитъ jus (В. былъ юристъ), отвѣчалъ: не помню и получилъ дипломъ кандидата.

Щербину сгубилъ вопросъ о пустотѣ. О Торричеліевой пустотѣ. Изъ физики экзаменовалъ его профессоръ С(околовъ), по предмету вышесказанной пустоты, восполнить которую Щербина не могъ; шутникъ профессоръ замѣтилъ что-то вродѣ пустоты въ головѣ. Щербина окрысился и, по привычкѣ заикаясь, слѣд. растягивая и отчеканивая рѣчь, отвѣтилъ что-то вродѣ того, что, насколько ему становится теперь яснымъ, этой болѣзненной пустотѣ подвержены бывають иногда даже головы, повидимому отъ пустоты застрахованныя.

Въ Харьковѣ, значитъ, и впредь возможности экзамена ему не предвидѣлось,—а куда ѣхать тому, кому и ходить-то не ко многимъ дверямъ была проторена тропа? Да, бѣдность была безъисходная: ѣсть нечего; осунется сюртучекъ,—надѣтъ нечего.

Кружокъ, гдѣ онъ былъ своимъ, его любилъ. Сами впроголодь, не замѣчали лишняго рта. Какъ на кудесника на него не смотрѣли. Сочиненіямъ его на бурсаковъ и профессоровъ искренно, здорово смѣялись. Повторяю, его любили. Но если едва ли кто и самъ себя оттуда здоровымъ вынесъ, такъ ужъ не до того было, чтобы выносить всецѣло и ближняго.

Глубоко мнѣ вѣрится, что это былъ, если не лучший, то счастливѣйшій періодъ въ жизни Щербины. Чтò было свѣтлаго хохоту, юношескихъ криковъ! И голодно не было.—О какихъ-либо счетахъ и въ помысленіе, конечно, никому не приходило. Щербину, какъ я сказалъ, на рукахъ носили. Всѣ были старше его лѣтами. Въ тѣ годы и это старшинство, такъ или иначе, бываетъ не безъ значенія. У Щербины были однако ослы, которыхъ онъ успѣлъ осѣдлатъ, и которые его, ничто же сумняся, возили.

Сдается мнѣ, что, умирая, хотѣлъ ты, Николай Ѳедоровичъ, быть въ этомъ кружкѣ и завѣщаль считать себя въ немъ. Руку на сердце, присягну по старой памяти за всѣхъ насъ, друзей твоей молодости, что ты былъ весь нашъ, и сердечно близокъ былъ ты тѣмъ, съ которыми доживалъ, тяжело и тоскливо, бѣдный вѣкъ свой.

Другъ Николай Ѳедоровичъ! Кто пережилъ тебя изъ нашихъ, каждый, знаю, скажетъ, что свой вѣкъ у него доживался или доживается — о! безконечно тоскливѣй... во всѣхъ смыслахъ тоскливѣй. Ты былъ, по крайней мѣрѣ, одинокъ. Мы не оставляемъ, конечно, ничего, но ты, счастливецъ, не оставилъ никого.

Dess. par C. Naloir.

Gr par C. N. Cochon.

ЗАПИСКИ БАРОНЕССЫ Н. М. СТРОГАНОВОЙ ¹⁾.

Mémoires de la baronne N. Stroganoff.

Для сестеръ моихъ.

Предметъ критики для тѣхъ кто ее любитъ.

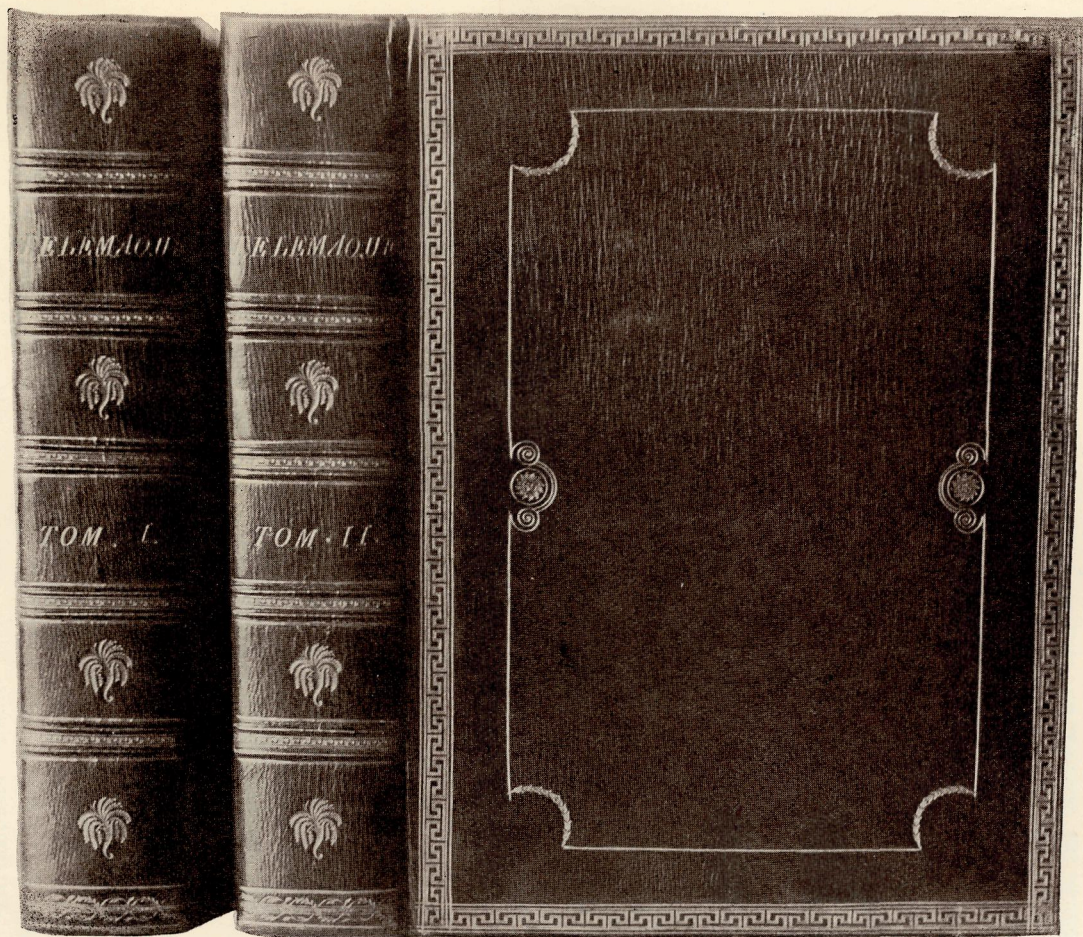
Это заглавіе дневника моего путешествія; я его предприняла на два года съ компаніей, состоящей изъ 9 лицъ: графъ Салтыковъ, его жена, 2 ихъ дочери и ихъ гувернантка, врачъ и мой девятилѣтній сынъ съ его гувернеромъ, и необходимая прислуга.

Nauto errai quanto vidi io quivi esposi — Pulci.

Мы выѣхали изъ С.-Петербурга въ четвергъ, 11 іюня 1780 г., прибыли въ Нарву 13. Я обхожу молчаніемъ названія почтовыхъ станцій, гдѣ ровно ничего нѣтъ замѣчательнаго, если не считать того, что лошади были скверныя, а путешественники — печальны по причинѣ разлуки съ близкими, особенно я, имѣющая очень нѣжный нравъ, была до того опечалена, что совсѣмъ не знала, какъ удержать слезы; я первый разъ въ жизни и на такой долгій срокъ покинула моихъ сестеръ и ничѣмъ не могла бы утѣшиться, если бы подлѣ меня не было моей лучшей подруги г. С. ²⁾

¹⁾ Наталія Михайловна Строганова, урожд. кн. Бѣлосельская 1743—1819, замуж. за бар. Сергѣемъ Николаевичемъ Строгановымъ. Это записки, о которыхъ упоминалось въ № 2 Русскаго Библіофила с. г., въ статьѣ Н. о Строгановской библіотекѣ, въ гор. Томскѣ. Записки хранятся въ библіотекѣ подъ № 327 (см. стр. 9 и 15. Р. Б., № 2) и написаны по французски. Здѣсь же прилагаются снимки съ переплетовъ книгъ, той же библіотеки.

²⁾ Т. е. гр. Салтыковой.

Переплетъ книги (Библ. гр. Строганова): Fénelon, Les aventures de Télémaque, Paris, 1773.
Exempl. sur velin. Reliure maroquin rose. (Bibl. comte Stroganoff).

Изъ Нарвы, гдѣ мы останавливались только для обѣда и перемѣны лошадей, мы прибыли въ Дерптъ 16. Городъ мнѣ совсѣмъ не понравился, я хотѣла сдѣлать нѣсколько приобрѣтеній, но ровно ничего не нашла.

18 мы приѣхали въ Вольмаръ, маленькій городъ. Пока перемѣняли лошадей, мы вышли изъ гостиницы, чтобы выпить чего-нибудь прохладительнаго, гдѣ (здѣсь) я увидѣла очень красивые ломберные столы; мнѣ захотѣлось ихъ купить, чтобы отправить своимъ сестрамъ, но пересылка представила такъ много трудностей, что мнѣ пришлось отъ нея отказаться. Я очень плохо спала ночь, благодаря моему сыну, безпокойно спавшему и то и дѣло просыпавшемуся. 19, между станціями Ропъ и Энгельгерате, мы встрѣтили Г. Маркиза де-Веракъ, ѣхавшаго въ Россію въ качествѣ Министра Французскаго Двора, который забралъ всѣхъ лошадей, благодаря чему намъ пришлось пробыть на этой гадкой станціи до 7 часовъ вечера, причѣмъ бѣдная г. С. очень страдала отъ головной боли, причиненной флюсомъ; однакожъ это не помѣшало ей помочь мнѣ поставить (устроить) небольшую комедію, чтобы позабавить нашихъ дѣтей и заставить ихъ играть во время пути. 20 мы прибыли въ 5 часовъ по полудни въ Ригу.

Городъ не поразилъ меня, такъ какъ я нашла, что онъ построенъ такимъ же способомъ какъ и Ревель, развѣ только что онъ гораздо больше. Намъ едва удалось найти сносную гостиницу, лучшія были заняты лицами, прибывшими сюда на ярмарку. 21 мы были за русскою обѣднею, церковь прекрасная и пѣніе было, елико возможно, хорошо. 22 мы обѣдали у Г. Фитингофа, у котораго мы видѣли нѣкоторыхъ здѣшнихъ жителей.

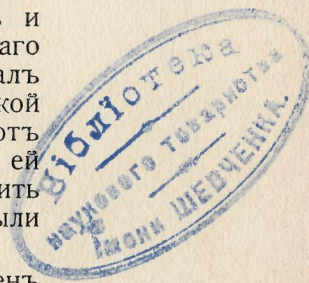
Мы были такъ утомлены вечерней прогулкою, во время которой я сдѣлала кое-какія приобрѣтенія для своихъ сестеръ, что извинилась передъ Г. Ф., который приглашалъ насъ также отужинать.

23, передъ обѣдомъ, мы сдѣлали прогулку.

Женщины общины (горожанки) носятъ на плечахъ кусокъ зеленого сукна, вмѣсто плаща. Послѣ обѣда мы отдали визитъ Г. Достервальдъ, который только что прибылъ изъ Парижа и возвращается въ С.-Петербургъ. Далѣе мы были у

24 утромъ мы тронулись въ путь, 26 вечеромъ прибыли въ Митаву. Гостиница оказалась очень хорошею. Г. де-Кезерлингъ пришелъ къ намъ; я прогуливалась съ нимъ по городу съ графомъ С... Онъ показался мнѣ очень красивымъ, хотя весь, почти, построенъ изъ дерева, но улицы широки и дома довольно красивы.

29 въ 5 часовъ по получни мы приѣхали въ Мемель; я была очень печальна по причинѣ различныхъ мыслей, которыми я обмѣнялась съ дорогой моей подругой, которую я люблю отъ всего сердца. Гостиница очень хороша, но я думаю, что мы не останемся здѣсь долго потому, что мы торопимся прибыть на воды Спа для указанной подруги нуждающейся въ нихъ вслѣдствіе слабости своего здоровья. Юля 1/12 мы проѣхали черезъ городъ Тильзитъ, показавшійся мнѣ очень красивымъ; улицы широки и дома большіе. Съ тѣхъ поръ, какъ мы вступили въ предѣлы Пруссіи вплоть до г. Кёнигсберга, дороги окоймлены деревьями между этихъ двухъ городовъ. Мы обѣдали на станціи Бендизенъ; гдѣ мы встрѣтили Г-на де-Кезерлинга съ супругой, двумя племянницами и ихъ мужьями, которые всѣ пришли къ Г. С... съ визитомъ, такъ какъ это было старое знакомство, но я лично видѣла ихъ въ первый разъ.

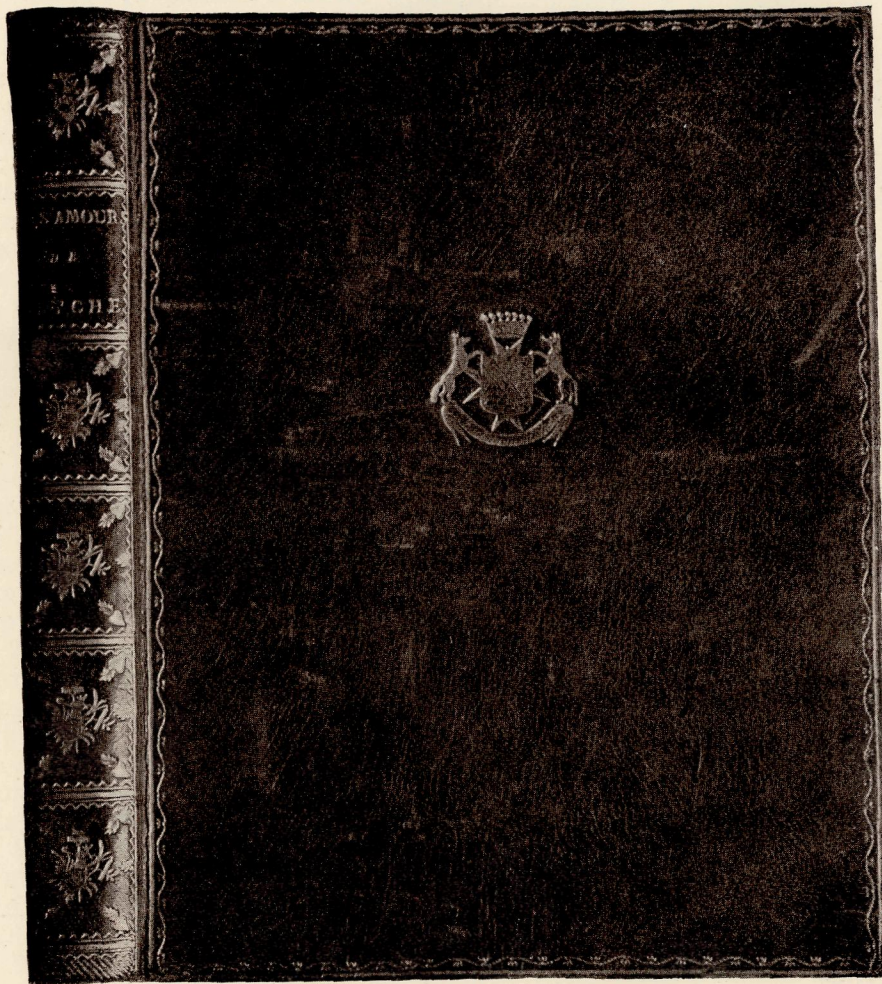
Юля 4/15 мы прибыли въ Кенигсбергъ слишкомъ поздно, поэтому никто не ужиналъ, и всѣ мы тотчасъ легли спать. 5/16 мы обѣдали дома, когда пріѣхалъ курьеръ, возвращавшійся изъ Франціи въ Петербургъ, черезъ котораго я написала своимъ сестрамъ. Мы жили въ гостиницѣ Чорнишъ на улицѣ Жонкэръ; мы прогулялись по улицамъ и посѣтили домъ Графа Кейзерлинга, который мнѣ очень понравился; тамъ значительное количество портретовъ и картинъ, нарисованныхъ хозяйкою, замѣчательно хорошихъ, садъ также предестный, тамъ гроты и портреты, сдѣланные изъ раковинъ, которые мнѣ очень понравились и возбудили во мнѣ желаніе научиться дѣлать ихъ. Мой сынъ жалуется на флюсъ, безпокоящій меня причиняемымъ ему страданіемъ; у самой меня также болитъ голова, что меня приводитъ въ дурное расположение духа. Г. С. также жалуется на нездоровье; у его жены были истерическія боли. Такимъ образомъ вся наша компанія какъ бы усыплена, и я отъ этого очень скучаю. 6/17 послѣ обѣда мы тронулись въ путь, проѣхали города Бронсбергъ и Мюльзаузенъ; мы задерживались только для перемѣны лошадей.

Нужно знать, что отъ Петербурга до Риги мы ѣхали съ почтою, а отъ Риги до Кенигсберга въ русскихъ повозкахъ, отъ Кенигсберга ѣдемъ почтовыми лошадьми. Мы легли спать въ маленькомъ городкѣ 6/17. Онъ очень хорошо расположенъ и кажется удобнымъ. Мы проѣхали прелестнымъ дубовымъ лѣсомъ, повидимому очень старымъ. Мы обѣдали въ Прешемарѣ, городѣ, имѣющимъ видъ гадкой деревни и ночевали въ Ризенбургѣ. Мы не захотѣли ѣхать дальше вслѣдствіе болѣзни гувернантки, выше упомянутой. Городъ показался мнѣ красивымъ, по крайней мѣрѣ улицы, по которымъ я проѣхала, очень чисты.

Мы проѣхали городъ Маріенвердеръ, прекрасный городокъ. Всѣ города Пруссіи похожи другъ на друга, за исключеніемъ того, что одни изъ нихъ велики, а другіе очень малы.

Мы проѣхали еще городокъ Ярензе, гдѣ рѣшили остановиться для смазыванія экипажей.

Мы ночевали въ гор. Грауданцѣ, въ домѣ начальника почтъ, гдѣ останавливается король, когда проѣзжаетъ для смотровъ; сынъ мой снова заболѣлъ флюсомъ. Мы нашли въ пути столько вишенъ, что я замѣняю ими мой обѣдъ. Мы перемѣнили лошадей въ Кульмѣ и ночевали въ (Остромецкѣ). Начальникъ станціи былъ такъ невѣжливъ, что съ трудомъ уступилъ намъ другую комнату. Моему сыну, славу Богу, лучше и я весела. 22 юнія мы перемѣнили лошадей въ городѣ Бромбергѣ. Пришли два капуцина за сборомъ для монастыря въ маленькомъ грязномъ городишкѣ Наклѣ, гдѣ намъ пришлось взять нахальныхъ ямщиковъ, которые чуть не свели насъ съ ума, и когда мы заставляли ихъ ѣхать впередъ, они рѣшили на половинѣ дороги покормить лошадей, и мы прибыли въ 4 часа ночи. Чтобы проѣхать 5 льѣ, мы потратили 10 часовъ. Мы обѣдали въ Шнейденцушле (?), городѣ также очень некрасивомъ, но почтовая станція была очень хороша. Ночевали мы въ городѣ Шонланка. Ужасный городъ! Почтовая станція оказалась такою скверною, что мы не могли даже туда войти, но нашелся одинъ аптекаръ, который предоставилъ намъ у себя довольно хорошее помѣщеніе. Я купила тамъ воду изъ лилій: говорятъ, что это очень полезно для цвѣта лица. 24-го числа мы перемѣнили лошадей въ

Переплетъ книги (Библ. гр. Стрoганова): Lafontaine. Les amours de Psyché et du Cupidon
Paris. 1795. Reliure maroquin rouge. (Bibl. comte Stroganoff).

Фридебергъ и люди наши привели насъ въ скверное расположеніе духа: они разбрелись и заставили насъ ждать болѣе получаса. Мы пріѣхали въ Ландсбергъ, чтобы смѣнить лошадей.

За четверть часа до нашего прибытія, молнія ударила въ башню близъ воротъ города, черезъ которыя мы вѣхали. Такимъ образомъ, опозданіе людей спасло насъ отъ большого страха, а можетъ быть, и отъ смерти. Богъ устраиваетъ все къ лучшему; ночевали мы въ одномъ селеніи.

25-го мы обѣдали въ городѣ Кестринѣ. Онъ очень красивъ и всѣ зданія въ немъ новыя. Но при проѣздѣ мое сердце обливалось кровью, при воспоминаніи, что въ 1752 году, въ битвѣ при Цорендорфѣ мой дядя, Захарій Чернышевъ имѣлъ несчастіе быть взятымъ въ плѣнъ. Ночевали мы въ городѣ Мюнхендорфѣ.

27-го мы прибыли въ Берлинъ въ 7 часовъ пополудни. Городъ очень меня поразилъ своимъ великолѣпіемъ. Улицы большія и красивыя. Мы живемъ въ „Улицѣ Братьевъ“ въ гостиницѣ „Городъ Парижъ“, столуемся въ гостиницѣ, очень хорошо обслужены и широко помѣщены, но немного дорого.

24-го во время нашего обѣда пріѣхалъ графъ Салмосъ, котораго я знала въ Россіи, гдѣ онъ былъ въ теченіе 17 лѣтъ посланникомъ. Я рада была его видѣть. Такъ какъ жена его была нездорова, онъ насъ повелъ къ ней, что бы облегчить намъ возможность представиться королевѣ до ея пріема дня, назначеннаго въ среду.

Отъ нея мы отправились на нѣмецкій спектакль, вмѣстѣ съ англійскимъ посланникомъ, который бываетъ у насъ каждый день по случаю своего стариннаго знакомства съ гр. С. По возвращеніи со спектакля насъ застигъ градъ такой сильный и такой крупный, что я боялась, чтобы онъ не проломилъ крышу кареты. Безъ преувеличенія, онъ былъ съ грушу-бергамотку. Гр. С. такъ испугалась, что упала въ обморокъ. Театръ очень некрасивъ и очень грязень.

28-го мы ужинали у Англійскаго посланника по фамиліи Эліоттъ. На этомъ ужинѣ присутствовала только графиня Варельсъ со своею дочерью, М-ле Краутъ, которая, какъ говорятъ, состоитъ въ секретномъ бракѣ съ г. Эліоттъ, который не смѣетъ объявить объ этомъ, такъ какъ король противится этому браку, нежелая допустить перехода его состоянія въ иностранныя руки, — затѣмъ графъ Сальмосъ съ женою, г. Шалль и его жена, которые родомъ изъ Палатината и путешествуютъ, г-жа Краутъ, М-ле Врейхъ, съ которой я познакомилась ближе и она мнѣ показалась очень привлекательной, г. Ностицъ, который ѣдетъ въ Пруссію въ свитѣ прусскаго принца, г. Кунитцъ австрійскій посланникъ.

29-го мы поѣхали осматривать королевскій замокъ очень богатый, но не изящный. Внутренніе апартаменты короля грязны и отвратительны. Оттуда мы направились осматривать фарфоровую фабрику. Магазины ея снабженъ достаточно богато. Послѣ обѣда графиня Сальмосъ предложила намъ сдѣлать нѣсколько визитовъ вмѣстѣ съ нею. Мы приняты были только г-жею Шулленбургъ, гофмейстериною двора принца Генриха, а затѣмъ ужинали у графини Сальмосъ, гдѣ было мало народу.

30-го послѣ обѣда графиня Сальмосъ заѣхала за нами, чтобы отвезти насъ въ Шенгаузенъ, для представленія Королевѣ, которая насъ прекрасно приняла, точно также какъ и супруга принца Генриха, показавшаяся

мнѣ очень любезной. Была еще принцесса Фредерика, которой мы были представлены. Очень прелестный ребенокъ. Я познакомилась также съ принцемъ Фридрихомъ Брауншвейгскимъ, который очень разговорчивъ. Тамъ мы и ужинали. Прусскій дворъ совершенно непохожъ на нашъ.

31-го мы оставались дома до 6 часовъ вечера. Графъ Сальмось обѣдалъ у насъ и мы отправились затѣмъ въ паркъ. Прогулка тамъ прекрасная. Было много народу и оттуда мы пришли домой и ужинали одни.

1-го Августа послѣ обѣда графиня Сальмось заѣхала за нами и мы отправились въ Фридрихсбергъ, на дачу супруги принца Фердинанда. Она насъ прекрасно приняла. Она очень любезна и граціозна. Тамъ мы ужинали и я познакомилась со многими дамами. Принцъ Фридрихъ также былъ. Онъ очень любезенъ.

2-го Августа мы совершили прогулку въ паркѣ и ужинали у графа Сальмось съ нашими дѣтьми.

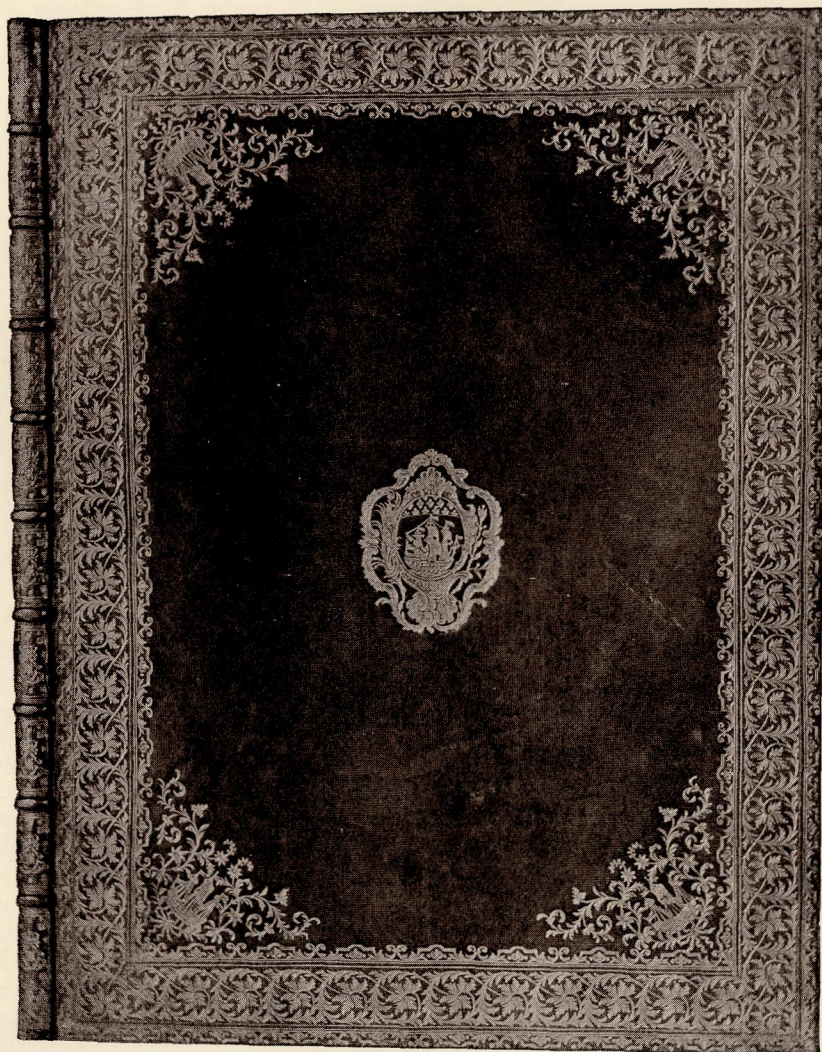
3-го мы оставили нашихъ дѣтей въ Берлинѣ и отправились въ Постдамъ. Приѣхавъ, мы послали спросить флейлину прищессы — когда мы можемъ представиться. Она намъ отвѣтила, что принцесса желала бы, чтобы мы у нея обѣдали, но такъ какъ мы устроились уже иначе, то и просили только быть ей представленными въ тотъ же день. Тогда она насъ позвала и приняла, какъ нельзя лучше, какъ частное лицо, съ большою любезностью. Она была одна, такъ какъ принцъ Прусскій, ея супругъ, не былъ дома. Оттуда мы пошли къ двумъ дамамъ, Герценъ и къ женѣ русскаго посланника. Онѣ насъ приняли очень любезно, предложили сопровождать насъ при прогулкѣ и показали намъ маленькихъ принцевъ, очень веселыхъ и вѣжливыхъ.

4-го. Королевскій принцъ прибылъ къ намъ въ гостиницу и спросилъ — нѣтъ ли у насъ порученія въ Петербургъ въ виду того, что онъ туда безпрестанно ѣздитъ. Онъ очень любезенъ и вѣжливъ. Мы отправились въ Санъ-Суси, и такъ какъ король постоянно ѣздитъ верхомъ, мы пошли въ садъ, чтобы его увидѣть. Онъ очень еще подвиженъ, хотя и старъ. Мы прошли осмотрѣть его аппартаменты, которые прекрасны. Оттуда мы прошли въ Новый дворецъ. Онъ великолѣпенъ по своей красотѣ и богатству. Мы видѣли также прекрасную картинную галерею, которая составляетъ коллекцію рѣдкую и великолѣпную. Оттуда мы вернулись въ Берлинъ, чтобы затѣмъ выѣхать съ нашимъ багажемъ въ Дрезденъ.

5-го Августа мы проѣхали городъ Миттенъ-Валде-Барутъ и въ Зонневальдѣ моя кузина С. заболѣла желудкомъ со спазматическими болями. Она мнѣ причинила много безпокойства и горя, но, Слава Богу, все это прошло въ тотъ же день и 8-го мы проѣхали городъ Гроссенгейнъ, очень красивый.

8-го мы прибыли въ Дрезденъ въ два часа ночи. При моемъ пробужденіи мой братъ, который посланникомъ при этомъ дворѣ, пришелъ къ намъ. Это свиданіе доставило мнѣ сладостное ощущеніе; это въ первый разъ, что я его испытываю со дня отъѣзда изъ Россіи, я его люблю всѣмъ сердцемъ этого дорогого брата!

Окрестности Дрездена болѣе разнообразны и пріятны, чѣмъ какихъ бы то ни было другихъ городовъ, мною до сихъ поръ видѣнныхъ. Мы видѣли тамъ картинную галерею, которая, какъ говорятъ, представляетъ

Переплетъ книги (Библиотека гр. Стрoганова): Description de la fête donnée par la ville de Paris... le 13 Février 1747. Reliure Padeloup, maroquin rouge. (Bibl. comte Stroganoff).

изъ себя коллекцію самую живописную и большую, которая только существуетъ въ Европѣ. Я вспоминаю только Рождество Христово — Корреджіо, Святую Дѣву и Св. Георгія того же мастера, Судъ Париса, V-esse B-a, и одну пастель, изображающую служанку несущую шоколадъ, работы Кавалера Менга, величайшаго художника нашего вѣка.

Мы обѣдали у моего брата. Онъ хорошо живетъ и обставленъ со вкусомъ и элегантностью. И это мнѣ доставило большое удовольствіе. У него прекрасный экипажъ и никто бы не сказалъ, что онъ въ первый разъ живетъ самостоятельно своимъ домомъ. Онъ насъ повезъ посмотреть дачу покойнаго моего брата. Она въ большомъ запущеніи, такъ что трудно себѣ представить, что она была нѣкогда очень хорошей. Дорога, которая къ ней ведетъ, мѣстами окаймлена крупными скалами, мѣстами же открываются виды самые веселые, такъ что можно сказать, что природа нахмуриваетъ брови съ одной стороны и улыбается съ другой. Мы помѣстились въ „Польскомъ Отелѣ“ на Замковой улицѣ и чувствуемъ себя очень удобно.

Дрезденъ по виду болѣе населенъ, чѣмъ Берлинъ. Мы отправились смотреть одинъ мѣстный праздникъ, который заключается въ томъ, что стрѣляютъ изъ арбалета въ деревянную птицу, помѣщенную очень высоко. Тотъ, кто ее окончательно сшибетъ, признается королемъ праздника на цѣлый годъ и получаетъ призъ. Съ этимъ званіемъ соединены нѣкоторыя привилегіи. Тамъ была палатка, поставленная для лицъ высшаго ранга. При входѣ братъ насъ познакомилъ съ дамами, которыя тамъ находились. Я тамъ видѣла г. Нежанъ, пораженнаго параличемъ благодаря которому жесты его и манеры являются совершенно необыкновенными. Онъ возбуждаетъ жалость и внушаетъ мнѣ страхъ каждый вечеръ. Около десяти часовъ главный гвардейскій оркестръ исполняетъ нѣчто вродѣ серенады для всего города, что доставило мнѣ большое удовольствіе, такъ какъ я люблю музыку до безумія.

Мы отправились осматривать Голландскій дворецъ, гдѣ находится коллекція фарфора Саксонскаго, Японскаго и Китайскаго. Это собраніе очень интересное и самое богатое изъ существующихъ въ Европѣ. Тамъ находятся, между прочими прекрасными вещами, 22 огромныхъ вазы, о которыхъ ходитъ слѣдующій оригинальный анекдотъ. Говорятъ, что Августъ II, король польскій, взамѣнъ ихъ отдалъ цѣлый полкъ драгунъ королю Прусскому.

Мы обошли апартаменты Курфюрста и Курфюрстины. Тѣ, которые считаются парадными отличаются необыкновеннымъ богатствомъ. Въ будуарѣ находится подъ стекломъ выпуклый медальонный портретъ Курфюрстины и подъ нимъ — группа миѳическихъ божествъ. Все это изваяно изъ жира и изъ свиного сала; все это представляетъ изъ себя подношеніе одного повара Ея Высочеству. При этомъ находится также букетъ цвѣтовъ, артистически сдѣланный изъ рыбьей чешуи.

Ужинали мы у графа Бриля. У него хорошенкая жена.

13-го Августа мы вѣхали изъ Дрездена и мой братъ былъ съ нами. Мы остановились въ Мейссенѣ, чтобы осмотрѣть фабрику фарфора, при которой есть хорошо обставленный магазинъ.

14-го мы пріѣхали въ Лейпцигъ; насъ водили по улицамъ; это очень красивый городъ, окруженный валомъ, засаженнымъ деревьями. Прогулка была прелестна.

Между Мерзебургомъ и Эйслебеномъ мы остановились въ Косте, чтобы видѣть минеральные источники, которые привлекаютъ много народа изъ окрестностей. Саксонская Курфюрстина провела тамъ 6 недѣль въ послѣднее время. Эти воды считаются полезными для укрѣпленія нервовъ и уничтоженія гемороя и запора. Вѣрятъ также, что эти воды имѣютъ свойства уничтожать затрудненія, вслѣдствіе которыхъ женщина не можетъ сдѣлаться матерью; царствующая Курфюрстина пріѣзжала по этой причинѣ,

16-го Августа мы ночевали въ городѣ Эйслебенѣ, и мой братъ, не предупредивъ насъ, покинулъ насъ и вернулся въ Дрезденъ, а мы продолжали нашъ путь. Мнѣ было очень грустно, и меня безконечно огорчила разлука съ нимъ.

Въ городѣ Кведлинбургѣ принцесса Амалия Прусская состоитъ настоятельницей одного ордена. Пока мѣняли лошадей мы пошли смотрѣть церковь; она красива по своей древности.

18-го мы ночевали въ Брауншвейгѣ. Мы проѣхали городъ мимо замка, который довольно красивъ; тамъ имѣется ярмарка, но я не видала ее по случаю дождя, который мнѣ помѣшалъ, а сегодня утромъ мы рано вновь уѣхали. Между Брауншвейгомъ и ГанOVERомъ мы проѣхали мимо имѣнія принца Фердинанда Брауншвейгскаго, которое показалось мнѣ крайне веселымъ и очень красивымъ, если судить о немъ съ дороги.

18-го Августа мы пріѣхали къ вечеру въ ГанOVERъ, пошли осматривать городъ и вошли въ одну лавку, въ которой продавали много красивыхъ вещей. Этотъ городъ мнѣ очень понравился, благодаря большой любви графини С. къ нему; она провела въ немъ много времени въ дни своей юности, и у нее тамъ много знакомыхъ и друзей. — Г-жа Ванденгеймъ, г-нъ Вальмондэнъ съ женой пришли навѣстить ее и г-жа Ванденгеймъ, — которой теперь 80 лѣтъ, но она очень любезна, — пригласила насъ обѣдать. Этотъ господинъ посланникъ въ Вѣнѣ, 20-го мы уѣхали.

Остановились мы въ Оснабрюкѣ на нѣсколько часовъ, такъ какъ не хватало лошадей. Городъ большой. Остановились мы въ гостиницѣ подъ вывѣской „Императорской“, противъ которой есть готическая церковь, очень красивая, если судить по наружному виду. Съ тѣхъ поръ, какъ мы въ Вестфалии, помѣшенія крайне плохи; въѣздъ въ городъ мнѣ очень понравился: по дорогѣ съ обѣихъ сторонъ тянутся частные сады, каждый окруженный живой обстриженной изгородью; это производитъ красивое впечатлѣніе.

23-го мы остановились въ городѣ Мюнстерѣ и пока мѣняли лошадей, проѣхали по городу и вошли въ католическую церковь, которая довольно красива. Есть тутъ большой дворецъ, въ который мы не захотѣли войти въ виду страшной жары. Дорога широкая и мы рѣшили вернуться домой и ждать, чтобы все было готово къ нашему отъѣзду.

25-го пріѣхали мы въ Дюссельдорфъ, изъ котораго мы сейчасъ же хотѣли уѣхать, но недостатокъ лошадей задержалъ насъ до 6 часовъ и въ этотъ промежутокъ времени мы осмотрѣли монастырь Урсулинокъ, который очень бѣденъ, а настоятельница его крайне стара. Оттуда пошли мы въ пріемную Кармелитокъ. Статутъ ордена такъ строгъ, что постороннихъ не пускаютъ во внутрь. Признаюсь, что видъ монастыря мнѣ не понравился и навелъ на меня грусть.

Переплёт книги (Библ. гр. Строганова). Musée français. Paris 1803 — 1809.
Reliure Tessier, maroquin rose. (Bibl. comte Stroganoff).

26-го мы приѣхали въ Аахенъ. Какъ только мы вошли въ гостиницу, подъ вывѣской „Городъ Парижъ“, княгиня Гагарина, которая жила въ той-же гостиницѣ и видѣла насъ черезъ окно, прислала намъ сказать, что она сейчасъ къ намъ придетъ. Она кузина графа Сальмось. Съ ней мы пошли посмотрѣть немного городъ, вошли осмотрѣть церковь, гдѣ можно видѣть реликвіи короля Карла и всю его одежду. Все очень красиво по своей старинности. Оттуда мы вошли въ модный магазинъ, гдѣ я купила шляпу и нашла большую разницу въ цѣнѣ сравнительно съ Россіей: тутъ гораздо дешевле. Г-нъ Швейковский пришелъ къ намъ и послѣ ужина мы пошли въ залъ „Редута“, гдѣ было мало народу.

28-го Августа мы приѣхали въ Спа къ 7-ми часамъ вечера. Г-нъ Милесинъ, какъ старый знакомый графини С., взялся нанять намъ отдѣльный домъ на улицѣ Капуциновъ, въ гостиницѣ „Суассонъ“. Намъ очень удобно. Въ тотъ же вечеръ г-нъ и г-жа Мелесины, mademoiselle Солтыкова, одна русская барышня и князь Лобковичъ пришли къ намъ. Я была такъ рада видѣть послѣдняго, что не могу выразить, такъ какъ онъ провелъ въ Россіи нѣсколько лѣтъ, въ качествѣ посланника Вѣнскаго двора. Такимъ образомъ мы были хорошо знакомы и я была въ восторгѣ встрѣтиться съ нимъ здѣсь.

29-го утромъ княгиня Орлова и mademoiselle Протасова, наши соотечественницы, прибыли къ намъ, выказали много пріязни и я была въ восторгѣ ихъ видѣть. Mademoiselle Каменская пришла также и княгиня пригласила насъ завтракать на вокзалѣ къ 11-ти часамъ.

Я тамъ встрѣтила много народу всякихъ національностей: русскихъ, французовъ, нѣмцевъ, англичанъ и пр. и, между прочимъ, былъ король Шведскій, который путешествовалъ подъ именемъ графа Гагскаго. Онъ былъ очень со мной любезенъ, спрашивая о всѣхъ моихъ родныхъ. Намъ представили многихъ дамъ, съ которыми мы обмѣнялись визитами, какъ то: графиня Оссонъ, графиня Амели, маркиза де Куаньи, графиня Буффлеръ, графиня Феррарисъ, графиня Де-ла-Маркъ. Графъ Гагскій пригласилъ насъ обѣдать. Мы были въ „Редутѣ“, гдѣ всегда собирается много народу. Тамъ танцуютъ, играютъ и совсѣмъ не стѣсняются, въ виду чего пребываніе въ Спа очень пріятно. Бываютъ спектакли 3 раза въ недѣлю; представляютъ недурно, и всякій день только и дѣлаютъ, что гуляютъ туда и обратно по всѣмъ источникамъ. Мой сынъ пьетъ воды Пугонъ, а гр. С. и ея старшая дочь идутъ туда каждое утро, рано и оставляютъ меня одну дома, вслѣдствіе чего я сильно скучаю. Графиня Шувалова приѣхала изъ Парижа и мы проводимъ каждый день вмѣстѣ. Графъ Гагскій задалъ обѣдъ для всѣхъ русскихъ. Если бы я сообщила всѣ подробности о Спа, вышло бы очень длинно, а потому постараюсь сократить, насколько это возможно. Мы отправились смотрѣть водопадъ, въ одномъ селеніи, которое отстоитъ на три лье отъ Спа; окрестности восхитительны. Я слышала концертъ на скрипкѣ и разныя мелкія пьесы, исполненныя господиномъ Маши, придворнымъ музыкантомъ Сардинскаго Короля.

Графъ Гагскій уѣхалъ изъ Спа и вслѣдствіе этого всѣ французы которые здѣсь были, чтобы ухаживать за нимъ, уѣхали также, и такъ какъ уже сезонъ кончается, то народу становится много меньше. Спа пустѣетъ сильно и дурная погода изгоняетъ изъ него. Такъ какъ мы намѣрены скоро уѣзжать, то и отправились дѣлать прощальные визиты,

между прочимъ къ княгинѣ Орловой, которая нездорова. Наше занятіе съ гр. С. было играть въ Бириби, Фараонъ и Кребсъ, вмѣстѣ съ нею и проиграть наши деньги. 3-го Октября мы уѣхали всѣ, здоровые, и по счастью погода, казалось, перемѣнилась къ лучшему.

Мы остановились на первый ночлегъ въ Синтронѣ, гдѣ чувствуешь себя очень плохо. Въ Люттихѣ мы встрѣтили болѣе десяти человѣкъ, возвращавшихся изъ Спа, а въ Синтронѣ мы нашли Г. де Фадуазъ съ его женою. Это наша знакомая по Спа, которая и предложила намъ подыскать убѣжище въ Парижѣ.

На разстояніи одного лье отъ Лувена съ нами случилось маленькое несчастіе: одно колесо нашей кареты сломалось и мы принуждены были остаться нѣсколько лишнихъ часовъ. Полковникъ Сень-Леже проѣхалъ верхомъ отъ Спа до Брюсселя. Онъ пришелъ къ намъ во время нашего обѣда и былъ очень доволенъ найти у насъ супъ, который и ѣлъ съ большимъ аппетитомъ.

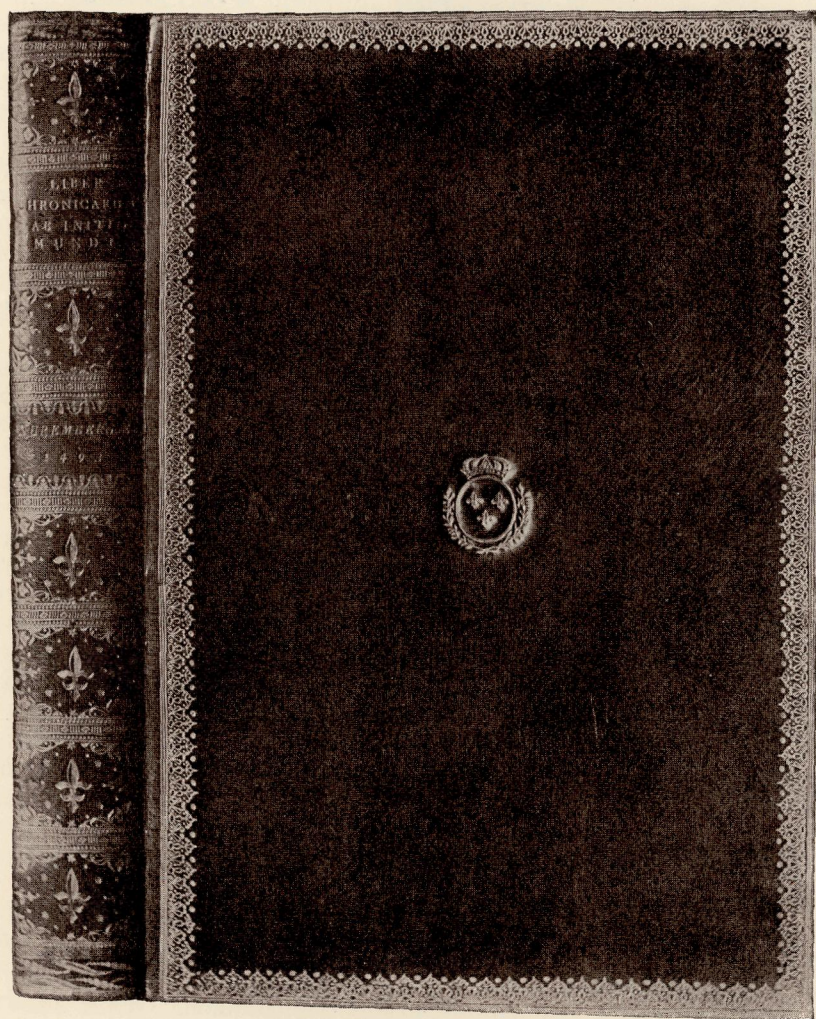
4-го вечеромъ около десяти часовъ мы прибыли въ Брюссель и застали тамъ графиню Шувалову. Вставши, мы отправились слушать католическую мессу. Соборъ великолѣпенъ и намъ вмѣстѣ съ графиней Шуваловой показали всѣ церковныя драгоценности. Я отправилась гулять въ паркъ, который мнѣ очень понравился, но сильный дождь помѣшалъ долго въ немъ оставаться, затѣмъ мы при дождѣ же, пообедали и отправились въ Комедию вмѣстѣ съ графомъ С. и его женой. Актеры мнѣ показались хорошими. Мы отправились смотрѣть зеленую аллею и бульваръ, которые представляютъ оба прекрасныя мѣста для прогулокъ. Каналъ Антверпена очень хорошъ. Мы остановились въ Голландской гостиницѣ. Городъ мнѣ безконечно нравится. Я нахожу сходство съ Петербургомъ. Я видѣла два прекрасныхъ магазина кружевъ и еще одинъ — съ различными индійскими тканями.

Мы выѣхали продолжать нашъ путь 9-го октября. Мы остановились на ночлегъ въ Монъ въ гостиницѣ „Императорскаго двора“, гдѣ очень недурно. Въ Валансиенѣ насъ осматривали таможенные чины. Въ Перронѣ повторилась та же церемонія.

10-го октября мы ночевали въ Руавъ „Золотомъ Солнцѣ“. Хозяйка до того зла, что поссорилась со всѣми нашими людьми; она едва не побила мою горничную за то, что та переложила постель на полъ. Все у нее очень грязно.

12-го октября мы прибыли въ Парижъ утромъ. Обѣдать мы спустились въ „Шартрскій отель“, на улицѣ Ришелье. Окна выходятъ на Пале-Руаяль. Прогулка великолѣпная. Она меня восхитила публикой, которую тутъ встрѣчаешь. Какъ бы въ волшебномъ фонарѣ видишь проходящими безконечное множество народу. Къ намъ пришли обѣдать: Стрѣкаловъ и г. Шалинскій съ которыми я познакомилась.

Въ тотъ же день мы поѣхали въ оперу, которая меня изумила и восхитила. Театръ прекрасенъ. Безконечно много публики. Актеры, какъ намъ показалось, играли божественно. Первая опера, которую я видѣла, была „Андромаха“. Лучшіе актеры: m-lle Левассеръ, г. Лене, m-lle Дюпланъ, г. Лариве, а первая трагедія, которую я видѣла была „Томасъ Руликанъ“; актеры, которые играли; были: г. Монвель, г. Ларивъ, m-lle Сенваль; за нею шла комедія, называемая „Дерзкій“ и актеры были: г. Моне, m-lle Доллины. Я была также въ Тюльери, въ Люксембургѣ, въ Булонскомъ лѣсу;

Переплетъ книги (Библ. гр. Строганова): Liber Chronicarum. 1493.
Reliure aux armes. Maroquin rouge. (Bibl. comte Stroganoff).

всѣ эти прогулки превосходны. Графиня Шувалова возила насъ во многіе магазины, которые прекрасны и богаты. Все меня удивляетъ и восхищаетъ. Этотъ городъ кажется мнѣ цѣлымъ міромъ. Однимъ словомъ, я вижу все, какъ бы во снѣ. Мы были приглашены къ Маршалу Бирону, который намъ оказалъ много вниманія, пригласилъ насъ съ большою вѣжливостію и просилъ насъ пріѣхать въ его ложу, чтобы видѣть „Балетъ Нинеты“ при дворѣ, и предложилъ свою ложу на всѣ раза, когда мы только пожелаемъ ею воспользоваться, что мы и дѣлаемъ довольно часто. Я видѣла много лицъ и у него, и на спектаклѣ, которыхъ совсѣмъ не знаю. Графиня Шувалова такъ любезна, такъ добра и такъ полна вниманія къ намъ, что только и ищетъ случая доставлять мнѣ возможность завязывать знакомства и заставить меня быть въ духѣ, такъ какъ по моей природѣ я обладаю характеромъ очень застѣнчивымъ. Затѣмъ она насъ свезла къ маршалшѣ Люксембургъ, къ г-жѣ де Вильменъ, къ г-ну де Фодуа, къ г-ну Д'Есклиньякъ, къ герцогу де Гонтанъ, къ герцогинѣ де Лавальеръ, къ г-ну Д'Ередіа. Только трое первыхъ насъ приняли. Герцогиня Лавальеръ просила насъ пріѣзжать къ ней въ дни ея пріемовъ. Мы поѣхали и тамъ ужинали. Было много народу и мы играли въ лото. Я не нашла этотъ домъ веселымъ, такъ какъ не было почти никого изъ хорошихъ моихъ знакомыхъ. Была я у Греза. Боже мой, какое удовольствіе видѣть его картины! Они такъ совершенны, что можно сказать, что это одушевленные тѣла.

Г-жа де Буленвиле усебя на дачѣ въ Пасси, гдѣ мы и обѣдали вмѣстѣ съ г-жею де Бранкасъ и г-жею де Вильменъ, съ которыми познакомились.

5-го октября мы переѣхали въ Королевскую большую гостинницу, на улицѣ Каруссель, гдѣ чувствуешь себя недурно, за исключеніемъ того, что печи очень дымятъ; но улица очень веселая. Мы ужинали 6-го у г-жи де Вильменъ. Было мало дамъ, но много мужчинъ; домъ ея очень красивъ и она угостила насъ обѣдомъ прекрасно сервированнымъ.

13 ноября мы отправились смотрѣть „Красную Мессу“, которая бываетъ разъ въ годъ во время возвращенія Парламента.

1-го января мы покинули Королевскій отель и переѣхали на житыѣ въ „Отель Валуа“.

Графъ Д'Альборе насъ пригласилъ разъ на всегда на свои концерты, которые даются по субботамъ утромъ; они очень пріятны намъ какъ по количеству лицъ большого свѣта, которые тамъ бываютъ, такъ и по выбору музыки и ея выполнению. Графъ Бодуэнъ показалъ намъ свою галерею картинъ и свой домъ, который мнѣ очень понравился. Мы были у г. Лебрёнъ, живописца, по таланту выдающагося.

Пріѣздъ моего двоюроднаго брата Чернышева доставилъ мнѣ большую радость. Онъ здѣсь въ теченіи трехъ недѣль и мы проводимъ всѣ дни вмѣстѣ.

Испанскій посланникъ графъ Д'Аранда пригласилъ насъ на большой и великолѣпный ужинъ; я играла тамъ въ Бириби.

Учителя, которыхъ я взяла моему сыну слѣдующіе:

Учитель исторіи и географіи — г. Колландіеръ.

Учитель чистописанія — г. Галанъ.

Учитель рисованія — г. Пати.

Учитель фехтованія — г. Донадье.

Учитель танцевъ — г. Лани.

Учитель на клавесинѣ — г. Рено.

Мы были на концертѣ, данномъ въ „Вокзалѣ“ учениками знаменитаго Пересса, какъ говорятъ, по національности португальца.

Мы осматривали сегодня утромъ „Домъ Инвалидовъ“, великолѣпіе котораго вмѣстѣ съ прекрасной архитектурой дѣлаетъ его однимъ изъ лучшихъ зданій въ Европѣ. Существуетъ только Соборъ Св. Петра въ Римѣ, который знатоки предпочитаютъ. Сосѣдство Инвалидовъ съ Военной школой понудило насъ обойти и ее. Мы видѣли тамъ замѣчательную церковь, украшенную всю орнаментами изъ тесаннаго камня. Корридоры этого публичнаго зданія всѣ сводчатые, точно также, какъ и рекреационная зала, новая и очень красиво украшенная.

Любопытство принудило насъ посѣтить три учебныхъ заведенія для дѣвицъ. Одно изъ нихъ Mlle Гишаръ, которое мы посѣтили первымъ, самое лучшее. Оно очень обширно и въ немъ есть театръ. Заведеніе Mlle де Тей очень богато, но самое изящное, прекрасной архитектуры — это заведеніе Mlle Д'Ервей.

18 декабря одѣлись въ трауръ по Ея Величеству Императрицѣ Маріи Терезіи, который долженъ продолжаться 6 мѣсяцевъ: 3 — полный и 3 — малый, но безъ перерыва спектаклей.

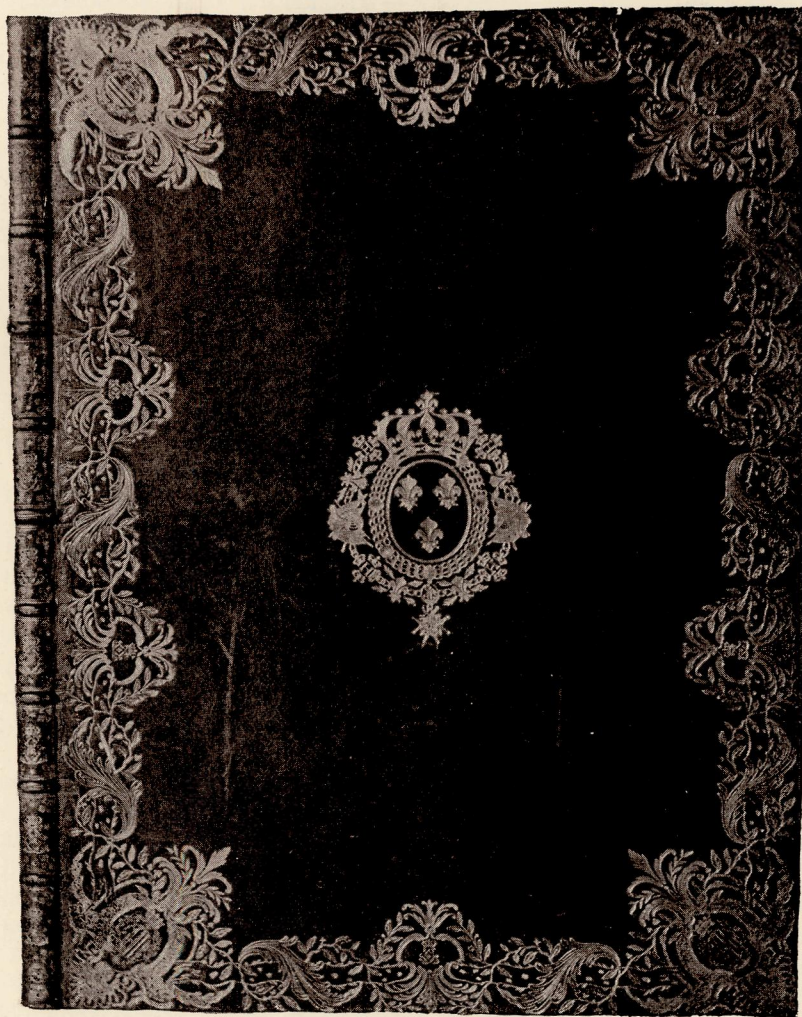
Обычай этой страны — бѣгать по лавкамъ между Рождествомъ и Новымъ годомъ, чтобы выбирать подарки. Лавки наиболѣе модныя: Малый Дюнкирхенъ, Теніеръ, Дюлакъ, Пуарье, Лафей и одинъ кондитеръ на улицѣ Ломбаръ, у котораго много привлекательностей.

Дали одну оперу „Ифигенія въ Тавридѣ“, музыка Пиччини. Боялись, что она не будетъ имѣть успѣха, благодаря партіи, которая покровительствуетъ болѣе Глюку; тѣмъ не менѣе она превзошла ожиданія и ей много апплодировали. Я была въ восторгѣ отъ дивной музыки и игры Mlle Ла-Герръ, которую я видѣла въ первый разъ.

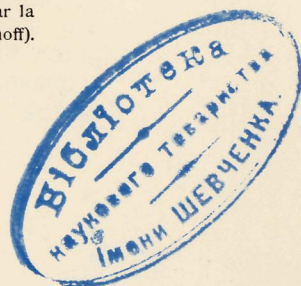
2 февраля, въ день праздника Срѣтенія Господня намъ предложили пойти посмотрѣть церемонію синихъ лентъ (Орденъ Св. Духа); г. Адемаръ обѣщалъ намъ достать пропускъ на верхнюю галерею и мы должны были у него обѣдать. Королева освѣдомилась, будемъ ли мы, заявивъ, что въ такомъ случаѣ будетъ парадная сервировка, а въ случаѣ, если не будемъ, ея не будетъ. Вниманіе королевы намъ очень польстило, но несмотря на это, мы не могли имъ воспользоваться по случаю болѣзни моей кузины, которая продолжалась 15 дней, причемъ она очень похудѣла, и ея докторъ г. Зейферъ запретилъ ей выходить, боясь что она простудится, хотя она и чувствуетъ себя уже лучше. Болѣзнь ея заключается въ кровохарканіи и сильномъ разстройствѣ нервовъ.

Мы проводимъ наше время довольно пріятно: утромъ иногда прогуливаемся или разговариваемъ о томъ, что видѣли и слышали. Мы обѣдаемъ каждую пятницу у маршальши Биронъ, или же бываемъ приглашены куда нибудь въ другое мѣсто. Послѣ обѣда мы дѣлаемъ визиты, или ѣдемъ на спектакль. Потомъ ѣдемъ ужинать, куда насъ приглашаютъ, что случается очень часто. Мы часто бываемъ въ слѣдующихъ домахъ:

1) Маршала Биронъ, 2) Маркизы де Буленвилліе, 3) Графини Буффлеръ, 4) Графини де Вентеймъ, 5) Графини Д'Адемаръ, 6) Графа Альбаре,

Переплетъ книги (Библиотека гр. Строганова): Représentation des fêtes données par la ville de Strasbourg... 5 oct. 1744. Reliure Padeloup, maroquin violet. (Bibl. comte Stroganoff).

7) Маркизы Бранкасъ, 8) Графини Караманъ, 9) Герцогини Данвиль, 10) Герцогини Ларошфуко, 11) Графини Д'Юссонъ, 12) Графини Д'Еглиньякъ, 13) Герцогини Сандоасъ, 14) Графини де Ламаркъ, 15) Герцогини Лавальеръ, 16) Маршалыши Люксембургъ, 17) Г-жи Неккеръ, 18) Г-жи Вильмень, 19) Г-жи Розамбо.

Точно также у иностранныхъ посланниковъ, которые здѣсь находятся:

20) Графъ Аранда — посланникъ Испанскій, 21) Г-нъ Крейцъ — посланникъ Шведскій, 22) Г-нъ Блюмъ — уполномоченный Даніи, 23) Г-нъ Шуфельдъ — уполномоченный Саксоніи, 24) Г-нъ Суза — уполномоченный Португаліи, 25) Маркизь Спинола — уполномоченный Генуи, 26) Графъ Мерси — посланникъ Имперскій, 27) Г-нъ Сулковскій — полякъ.

Въ четвергъ, 26 января, г-нъ Леміеръ и графъ Трессанъ заняли свои мѣста во Французской Академіи. Аббатъ Де Лиль прочиталъ цѣлую пѣснь изъ своей „Поэмы о садахъ“, или объ искусствѣ украшать деревню. Съ самаго начала усердно аплодировали, и восхищеніе возрастало до конца. Засѣданіе было замѣчательно по количеству присутствовавшихъ лицъ, которыхъ оно привлекло, и продолжалось отъ 11 до 6 часовъ.

6-го февраля я поѣхала посмотрѣть на похороны маркизы Клермонъ-Тоннеръ, на которыхъ очень растрогалась: она была молода и очень красива, у меня не хватило духу остаться до конца. Я только вошла въ церковь, чтобы бросить взглядъ.

11 февраля мы были представлены герцогу Шартрскому, герцогинѣ Бурбонской и герцогинѣ Шартрской, которыя приняли насъ очень хорошо, и послѣдняя пригласила насъ на ужинъ въ слѣдующее воскресенье. Герцогиня Бурбонская, которая недавно разошлась съ мужемъ, живетъ въ Пале-Руаялѣ.

12 февраля погода была такая хорошая, что мы совершили съ дѣтьми прогулку въ Булонскомъ лѣсу. Мы остановились около дворца Мента и дворца Мадридскаго, который построенъ въ античномъ стилѣ.

20 февраля мы ужинали въ Пале-Руаялѣ у герцогини Шартрской. Она говорила со мной особенно благосклонно. Было очень много народу мужчинъ и женщинъ, приблизительно 80 человѣкъ, и очень много знакомыхъ. Каждое воскресенье бываетъ столько же народу и время проводятъ весело. Играютъ въ разныя игры, и мнѣ предложили на выборъ, но я предпочла банкъ и по обыкновенію проиграла. Послѣ ужина мы отправились въ ложу герцогини Шартрской, изъ которой виденъ былъ „Балъ Оперы“. Существуетъ очень странный этикетъ, который ведетъ свое начало очень давно, заключающійся въ томъ, что даютъ 6 франковъ лакею, который подноситъ стаканъ воды для полосканія рта всѣмъ лицамъ, приглашеннымъ въ первый разъ. Много говорятъ въ городѣ объ одной статьѣ въ „Европейскомъ Курьерѣ“, въ которой очень либерально отзываються о коронованныхъ особахъ.

21 февраля мы осматривали вмѣстѣ съ княгиней Дашковой два чудныхъ дома, изъ которыхъ одинъ, принадлежащій г-ну де Божанъ, великолѣпенъ по своей красотѣ и богатству. Есть поистинѣ королевскія вещи и прекрасный вкусъ блещетъ повсюду, а въ особенности въ библіотекѣ и кабинетѣ, который выходитъ дверьми въ прекрасный садъ, выходящій на Елисейскія поля. Второй домъ брата г-жи Помпадуръ, великолѣпный, меблированный со вкусомъ и элегантностью и со всѣми

удобствами, которыя не допускають желать лучшаго. Есть галлерей картинъ, оригиналовъ лучшихъ живописцевъ Европы и кабинетъ рисунковъ рѣдкихъ и интересныхъ и, между прочимъ, картина, изображенная на нефритѣ, который служитъ небомъ. Это вещь единственная.

15 марта мы были приглашены на завтракъ къ аббату Рейналю. Тамъ видишь много народу и чувствуешь себя какъ дома, такъ какъ хозяинъ дома любезности безпримѣрной. Есть небольшой хорошенькій садикъ.

16 марта мы воспользовались хорошей погодой и поѣхали восхищаться геніемъ аббата Епе, который учить нѣмкихъ говорить, понимать и знать грамматику въ совершенствѣ. Это просто вещь невѣроятная, насколько у этого человѣка терпѣнія. Это прямо таки божественно. Онъ имѣетъ отъ роду лѣтъ 55 — 60.

Отсюда мы поѣхали смотрѣть на новую игру, которая называется „jeu de barre“. Она производится на большой площадкѣ, покрытой дерномъ и окруженной натянутой веревкой, за которой толпится безчисленное число зрителей всѣхъ ранговъ, половъ и возрастовъ.

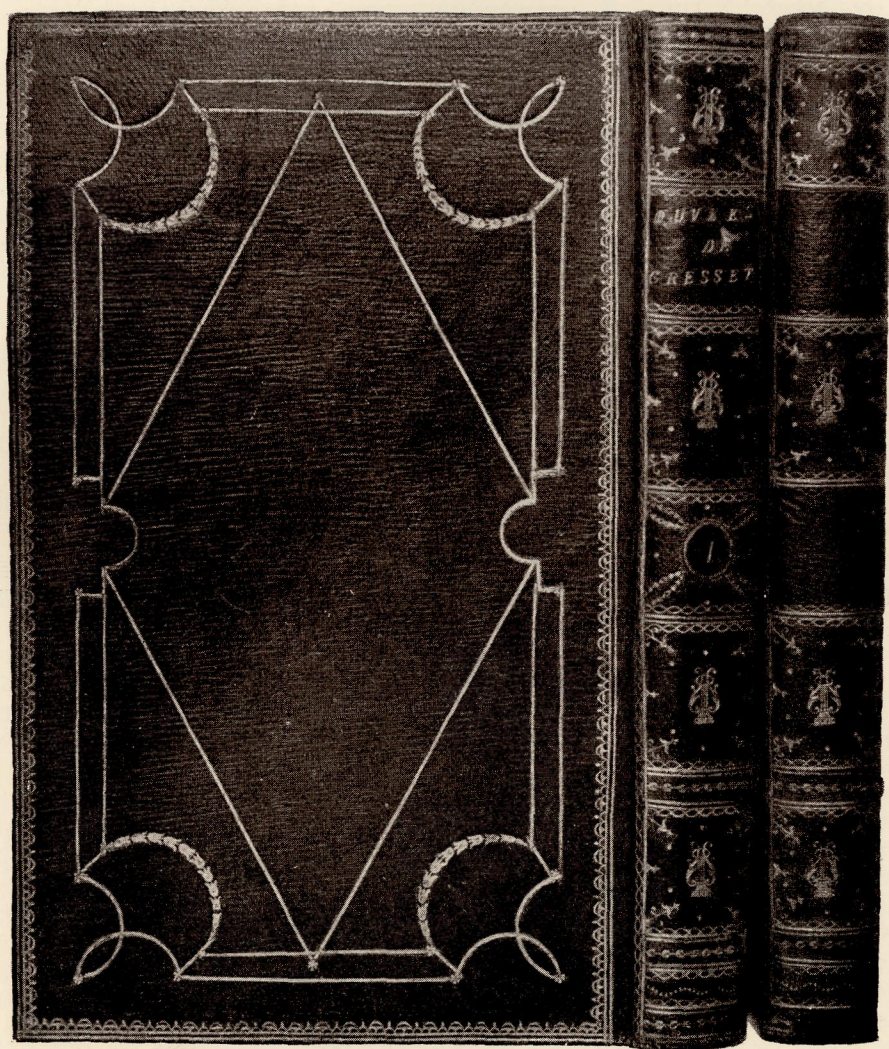
Въ срединѣ молодые дворяне, раздѣленные на двѣ партіи, всѣ одѣтые въ бѣлое, половина съ краснымъ поясомъ, половина съ синимъ. Они догоняють другъ друга, ловятъ и уводятъ въ плѣнъ. Отсюда ихъ освобождаютъ лица ихъ партіи. Все это очень красиво, происходитъ въ порядкѣ и представляетъ прекрасное зрѣлище.

Отсюда мы поѣхали на розыгрышъ лоттерей. Мы взяли билетовъ на одинъ луидоръ и выиграли 9 книгъ. Остальное время дня мы ѣздили по лавкамъ. Я вернулась очень рано и легла спать раньше обыкновеннаго, но очень плохо спала, будучи взволнована разными, мѣшающими спать мыслями. Моя старшая сестра приснилась мнѣ, и я была очень этимъ встревожена.

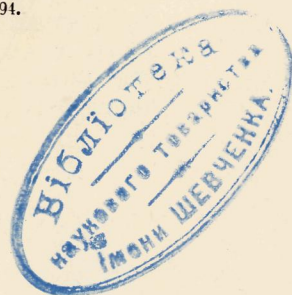
17-го я была въ баняхъ г-на Потевень съ графиней Шуваловой и моей кузиной, которая тоже поѣхала изъ любезности. Мнѣ очень понравилось. Тамъ очень удобно, каждый имѣетъ свою комнату и все, что нужно. Плата отъ 3 до 10 ливровъ съ персоны. Мы имѣли ложу въ театрѣ г-жи де Монтезонъ, гдѣ она играла сама. Давали „Дюпюи и Дероне“ и затѣмъ „On ne s'avise jamais de tout“.

20 марта мы были въ библіотекѣ Аббатства св. Женевьевы. Она очень красива. Корабль церкви въ формѣ креста прекрасенъ. Тамъ есть также кабинетъ естественной исторіи и античныхъ монетъ очень рѣдкихъ и любопытныхъ. Изображеніе новой церкви Св. Женевьевы, построенной по рисункамъ Соффо, королевскаго архитектора — чудесно. Картинная галлерей Пале-Руаяля, принадлежащая герцогу Орлеанскому, очень обширна и знатоки находятъ ее прекрасной. Есть модели различныхъ ремеслъ, которыя показались мнѣ превосходными. Оттуда мы пошли смотрѣть кабинетъ камней и геммъ, принадлежащихъ тому же принцу.

25-го. Этотъ день былъ мнѣ очень удаченъ. Я имѣла честь видѣть все королевское семейство. Графъ Адемаръ доставилъ намъ мѣсто на верхней галлерей дворцовой капеллы и мы туда пошли: графъ С. съ женой, г-нъ Ботемани и я. Мы слушали „королевскую“ мессу, т. к. не было никого кромѣ его и двухъ его братьевъ изъ королевскаго семейства. По окончаніи обѣдни они ушли и началась месса королевы. Она пришла съ графиней Артуа и принцессой Елизаветой, сестрой короля;

Переплетъ книги (Библиотека гр. Стrogанова): Oeuvres de Gresset, Paris 1793 — 94.
Maroquin rouge. (Bibl. comte Stroganoff).

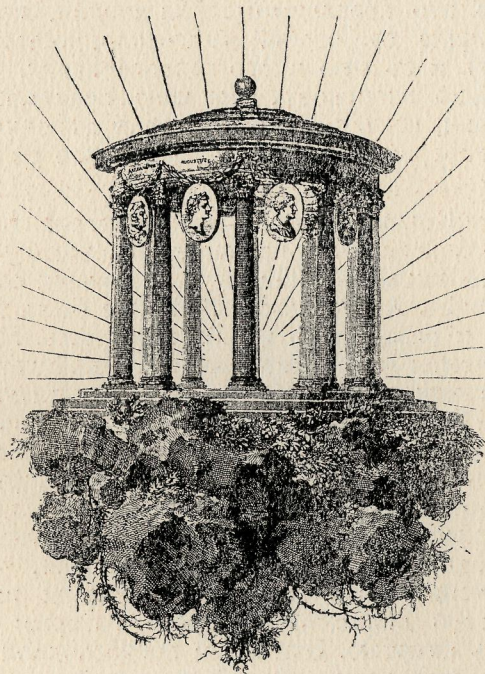

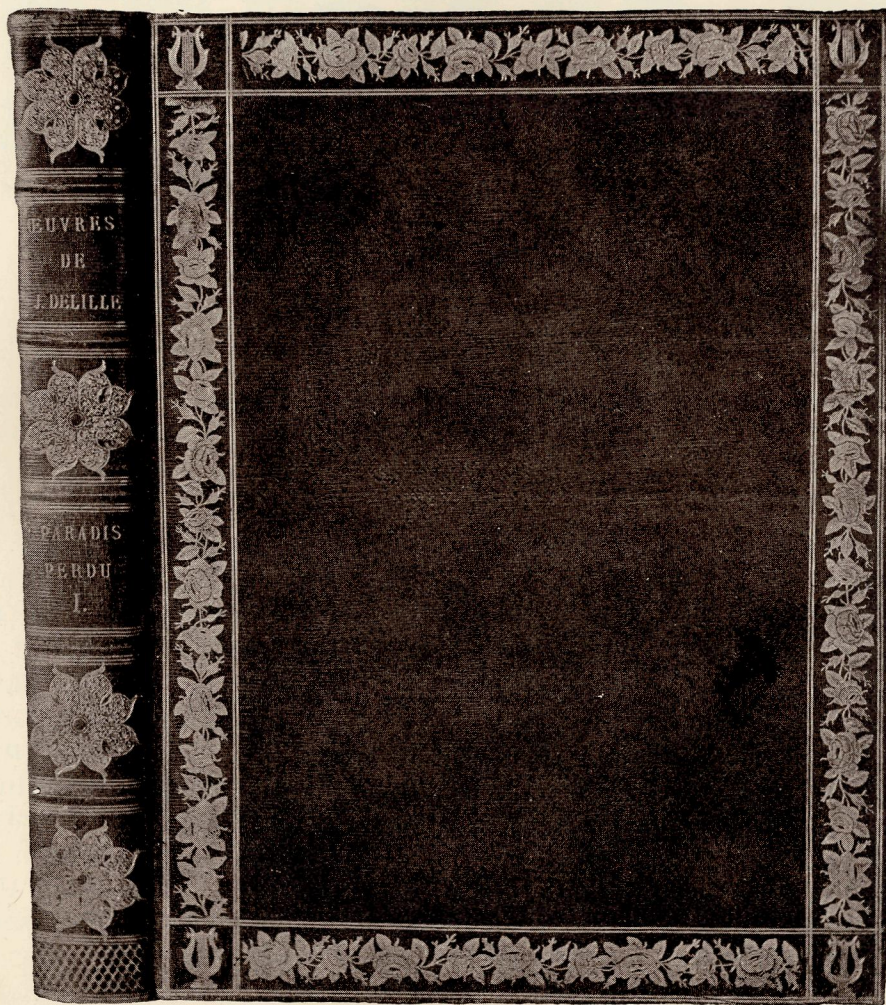
принцесса Софи слушала мессу въ маленькомъ боковомъ придѣлѣ. Мы отправились смотрѣть домашій обѣдъ короля, точно также какъ и королевы. Явилось много дамъ ухаживать за ними. Обѣдъ плохо сервированъ, безъ всякаго порядка. Оттуда мы пошли смотрѣть обѣдъ тетокъ короля, но въ это время онѣ уже вставали изъ за стола, и я не могла замѣтить сходства, которое находятъ между принцессой Аделаидой и моей кузиной гр. С. Отсюда мы отправились обѣдать къ г-ну Адемару. Когда мы сидѣли за столомъ, мы увидѣли вышедшаго лакея, который что то сказалъ на ухо г-ну Адемару, который ему отвѣтилъ, что ничего не знаетъ и не дѣлалъ никакого предложенія. Эта тайна была выяснена намъ послѣ обѣда. Г-нъ Адемаръ предложилъ намъ познакомиться съ его родственницей г-жею Жюль де Полиніакъ. Мы ему отвѣтили, что очень бы желали ее видѣть, но такъ какъ мы ее не знаемъ, то было бы нескромно съ нашей стороны посѣтить ее не предупредивъ заранѣе. Г. Адемаръ сказалъ намъ тогда прямо, что въ настоящее время у ней находится королева, и что она желала бы насъ видѣть, и что по этой то причинѣ онѣ и дѣлаютъ намъ это предложеніе. Мы пошли; королева была уже тамъ. Она насъ приняла съ особой благосклонностью; она пошла навстрѣчу моей кузинѣ и съ нею много разговаривала. Она намъ предложила много любезныхъ вопросовъ. Она намъ показала свои брилліанты, которые очень хороши, какъ то: — ожерелье и цѣпочка отъ часовъ; все это было, какъ говорятъ, новое и доставляло ей большое удовольствіе.

Она намъ предложила осмотрѣть ея апартаменты. Въ ея кабинетѣ есть часы высшей красоты. Она приказала господину Адемару о насъ заботиться и отвести насъ къ принцессѣ, ея дочери; она была въ высшей степени любезна. Графъ Артуа, который также былъ тамъ, подошелъ къ намъ разговаривать и разсыпался въ любезностяхъ. Мы наконецъ пошли осматривать апартаменты и кабинетъ, который дѣйствительно очень красивъ и высшей элегантности. Ея балдахинъ и ея главные апартаменты обтянуты чернымъ. Затѣмъ мы пошли смотрѣть апартаменты короля. Его спальня, гдѣ происходятъ всѣ утренніе пріемы, и всѣ главные апартаменты обтянуты лиловымъ — это есть высшій трауръ (надо знать, что Дворъ въ траурѣ, по случаю смерти императрицы и королевы); кровать вся изъ лиловаго атласа, что очень красиво. Его частные маленькіе апартаменты, которые показываютъ только по протекціи, чудесны. Тамъ находятся мебель и очень рѣдкія вещи. Мнѣ указали на два маленькихъ столика и двѣ вазы изъ окаменѣлаго дерева, которыя императрица завѣщала королю передъ смертью. Эти вещи превосходной и чудной работы. Галерея показалась мнѣ великолѣпной по своей величинѣ. Орнаменты во вкусѣ старины, какъ и весь замокъ. Масса народу, который наполнялъ всѣ комнаты, меня удивила. Прихожія отвратительны и удивительно грязны. Мы тамъ видѣли массу дровъ для поддержанія огня въ камінахъ. Посреди комнаты поваренки подогрѣвали кушанья. Это мнѣ не понравилось. Оттуда мы отправились отдать визитъ г-жѣ Гемене, воспитательницѣ королевскихъ дѣтей. Ея мы не застали и расписались. Эту церемонію заставилъ насъ продѣлать господинъ Адемаръ, прежде чѣмъ пойти къ принцессѣ, дочери короля. Комната съ балдахиномъ этой дѣвочки также обтянута чернымъ. Сообщили ея гувернанткамъ, что королева приказала намъ ее показать. Они ее намъ привели.

Поддерживаемая на помочахъ она намъ поклонилась и ничего не сказала. Ей только два года. Это очень красивый ребенокъ. Она похожа на королеву. По выходѣ отъ нея мы отправились гулять въ садъ, или, лучше сказать, бросили на него взглядъ, такъ какъ уже день кончался. Мы видѣли тамъ двухъ сыновей графа Артуа. Старшій зовется герцогомъ Ангулемскимъ, — онъ очень красивъ, — а другой — герцогомъ Беррійскимъ. Дочь, которая красива какъ ангелъ, носитъ титулъ „Mademoiselle“.

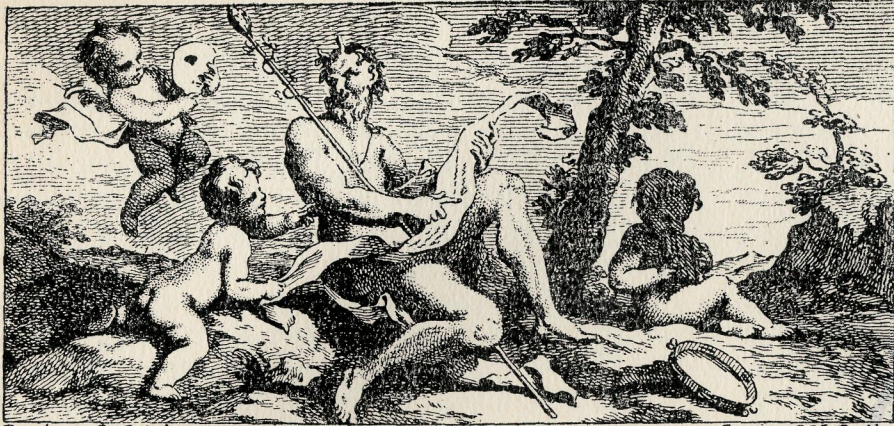
Послѣ этихъ скитаній мы зашли на минуту въ аппартаменты господина Адемара, а оттуда отправились въ Парижъ.

Переплёт книги (Библиотека гр. Строганова): Delille J. Oeuvres, Paris. 1805 — 7.
Reliure maroquin rouge. (Bibl. comte Stroganoff).

Dess. par C. Natour.

Gr. par C. N. Cochun.

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ АВТОРСТВѢ НЕПОДПИСАННЫХЪ СТАТЕЙ
А. С. ПУШКИНА, КН. П. АН. ВЯЗЕМСКАГО И ДРУГИХЪ
ВЪ „ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТѢ“ 1830 г.

L'authenticité de quelques articles attribués à A. Pouchkine, Pr. P. Wiazemsky et autres, parus dans „La Gazette Littéraire“ de l'année 1830, par A. Fomine.

I.

Какъ то, во время работъ въ Парижѣ, въ архивѣ П. Н. Тургенева, я разбирался на чердакѣ подъ желѣзной крышей, при температурѣ, доходившей на улицѣ до 40° — 42° по Реомюру, въ горахъ газетъ, журналовъ и переплетенныхъ книгъ. Среди нихъ то и дѣло попадались изданія съ автографами, замѣтками, а иногда и даже цѣлыя тетради рукописей. Такъ, на-примѣръ, на этомъ чердакѣ нашлись дневники дочери Николая Ивановича Тургенева — Фанни — Александры ¹⁾ — въ количествѣ болѣе сорока тетрадей.

Тамъ же оказался экземпляръ „Литературной Газеты“ 1830 года — тотъ самый экземпляръ, о которомъ Кн. П. Ан. Вяземскій писалъ Ал. Ив. Тургеневу 25-го Апрѣля 1830 года: „Посылаю тебѣ, любезнѣйшій другъ, отъ Дельвига его „Газету“ и седьмую пѣсню „Онѣгина“. Въ „Газетѣ“ означилъ я имена авторовъ надъ нѣкоторыми ²⁾ статьями. Ты удивишься на страницѣ 94-й стихамъ Пушкина къ Филарету: онъ былъ задранъ стихами его преосвященства, который пародировалъ или, лучше сказать, палинодировалъ стихи Пушкина о жизни, которые нашелъ онъ у общей ихъ пріятельницы, Элизы Хитровой, пылающей

¹⁾ Родилась въ 1835 г., ум. въ 1890 году.

²⁾ Курсивъ нашъ.

къ одному христіанской, а къ другому языческой любовью. Въ статьѣ о Видокѣ на стр. 162-й, ты узнаешь Видока-Булгарина. Она написана Пушкинымъ въ отвѣтъ на пакостную статейку Булгарина въ „Сѣверной Пчелѣ“, гдѣ Пушкинъ (подъ видомъ французскаго писателя, а Булгаринъ — Гофмана французскаго) — названъ картежникомъ, пьяницей, вольнодумцемъ предъ чернью и подлецомъ предъ сильными. И все потому, что Булгаринъ принялъ критику Дельвига на романъ его за критику Пушкина и разсердился, что его называютъ полякомъ, а вѣроятно же всего, еще болѣе за то, что обвиняють его въ напрасной клеветѣ на „Самозванца“, котораго онъ представляетъ шпиономъ. Вотъ еще отвѣтъ Пушкина:

„Не то бѣда, что ты полякъ;
Косцюшко — ляхъ, Мицкевичъ — ляхъ;
Пожалуй будь себѣ татаринъ,
И тутъ не вижу я стыда;
Будь жидъ, и это не бѣда;
Бѣда, что ты Ѳаддей Булгаринъ 1)“.

Непосредственное отношеніе къ этому письму кн. Вяземскаго имѣетъ конецъ его предыдущаго письма, начатаго 1-го января и конченнаго имъ 20-го апрѣля 1830 года 2). Въ немъ онъ сообщаетъ Тургеневу:

„Дельвигъ сейчасъ былъ у меня и тебѣ кланяется и посылаетъ свою „Газету“. Въ ней найдешь статью Пушкина на Булгарина подъ именемъ Видока. Видокъ-Булгаринъ бранилъ его въ своихъ журналахъ на чемъ свѣтъ стоитъ за то, что почиталъ рецензію „Дмитрія Самозванца“ писанную имъ, а она Дельвига“.

Тургеневъ долго не получалъ этого экземпляра „Литературной Газеты“: 23-го мая онъ пишетъ кн. Вяземскому изъ Парижа:

„Газеты“ Дельвига, о коей ты пишешь, я не получалъ. Отдали ли ты ее Матусевичу? Неужели Булгаковъ не увѣдомляетъ тебя о курьерахъ? Похлопочи о семъ и присылай, что подъ руку попадетъ. Теперь когда нѣтъ надежды къ возвращенію, еще сильнѣе захотѣлось русскаго духу, но не въ Россіи, а изъ Россіи только“ 3).

1) См. Остафьевскій Архивъ. Томъ III, стр. 192. Письмо № 719.

2) См. Ост. Архивъ Т. III стр. 187—192. Письмо № 718.

См. Ост. Архивъ. Т. III. стр. 197—198. Письмо № 720.

И только 2-го Іюня 1830-го же года Александръ Ивановичъ могъ сообщить кн. Вяземскому, что онъ наконецъ, окольнымъ путемъ получилъ посланный ему барономъ Дельвигомъ экземпляръ „Литературной Газеты“.

Это письмо Тургенева очень важно въ данномъ случаѣ, такъ какъ, съ одной стороны, наглядно рисуетъ, какое впечатлѣніе произвела на него „Литературная Газета“ и работы ея сотрудниковъ; въ числѣ послѣднихъ Тургенева заинтересовалъ авторъ — Ив. В. Кирѣевскій. Съ другой стороны, важно отмѣтить, какую роль сыгралъ именно этотъ экземпляръ „Литературной Газеты“ въ ихъ кружкѣ и въ средѣ русскихъ и иностранныхъ литераторовъ. И, наконецъ, интересно то дополненіе о Н. И. Новиковѣ къ работѣ Кирѣевскаго и къ статьѣ о ней Пушкина, которое дѣлаетъ Александръ Ивановичъ на основаніи фактовъ, протекшихъ на глазахъ его самаго, его братьевъ и отца.

2-го іюня 1830 г.

„Въ отвѣтъ на первое письмо твое, въ продолженіе цѣлой трети года писанное, отвѣчалъ я тебѣ съ Ивановой, которую найдешь у Козлова. Съ тѣхъ поръ madame Récamier прислала ко мнѣ письма твои и Карамзиныхъ, „Литературную Газету“ и седьмую часть „Онѣгина“. За все спасибо, а особливо за письма. Отвѣчаю особо Карамзинымъ. Поблагодари Дельвига за журналъ. Право, давно не читалъ такой занимательной газеты. Въ ней столько оригинальныхъ статей: твои, Пушкина, Дельвига и другія можно прочесть и перечесть, хотя во многомъ я и не согласенъ съ тобою. Какъ много знаете вы о насъ, европейцахъ! Какъ умно многое судите, или какъ дѣльно, по крайней мѣрѣ, о многомъ намекаете! „Газета“ Дельвига — петербургскій «Globe». Кто таковъ Кирѣевскій? Пришлите мнѣ скорѣе его обозрѣніе въ „Денницѣ“. Не сынъ ли онъ пріятельницы Жуковскаго? Не онъ ли будетъ жить, или уже живетъ въ Мюнхенѣ. Высылайте его скорѣе въ Европу: дайте ему дозрѣть! Я уже люблю его за Новикова и сообщилъ бы ему записку Карамзина о немъ и о больной его дочери, если бы мой архивъ былъ со мною.

Я всегда досадовалъ, что никто въ исторіи нашего просвѣщенія ни слова не сказалъ о Новиковѣ, а онъ точно и просвѣтитель, и мученикъ. Вольныя типографіи имъ созданы въ Россіи, хотя вольнаго въ нихъ были только шрифты, а не то,

что ими печаталось. Но онъ прожился и прожилъ другихъ на нихъ. Не забудьте и Походяшина, и типографіи Лопухина и ихъ товарищей. Новиковъ былъ часто ихъ орудіемъ и употреблялъ и ихъ, какъ орудіе. Переспросите у Дмитріева, какъ хаживали поэты и литераторы-переводчики къ Новикову и получали не одно одобреніе. Впослѣдствіи дарилъ несчастныхъ онъ чѣмъ только могъ — слезою. Я видѣлъ его въ нищетѣ, видѣлъ его прежде, при выпускѣ изъ крѣпости Павломъ, въ бородѣ. Россія, или ея словесные представители не должны забывать этой бороды: она отпущена въ шестилѣтнемъ заточеніи за изданіе Іоанна Арндта, за „Лексиконъ“, конфискованный въ Москвѣ профессоромъ Геймомъ, издателемъ „Лексикона“. Эти случаи принадлежатъ исторіи, ибо образуютъ, характеризуютъ эпоху и принадлежатъ именно къ исторіи нашей словесности. Замѣчательно и то, что сколько ни хлопотали мы о вознагражденіи Новикова, онъ умеръ самъ и оставилъ дочь и, кажется, сына безъ куска хлѣба, съ ужасною болѣзнію, слѣдствіемъ мученическихъ страданій отца и шестилѣтняго сиротства его.

Еще разъ спасибо Кирѣевскому, хотя въ мнѣніи о второмъ цензурномъ уставѣ я не согласенъ съ нимъ: начала тѣ же, что и въ предшествующемъ: оставленъ произволъ и вымарана прекрасная статья 1803-го года; но послѣ безчестнаго варварства Шишкова онъ, конечно, долженъ казаться памятникомъ государственной мудрости. Въ немъ нѣтъ наказанія за одобренное, за дозволенное закономъ. Еще разъ: присылайте Кирѣевского, въ лицахъ или въ „Денницѣ“. Я прочту ему и переписку нашу о двѣнадцатомъ томѣ „Исторіи Государства Россійскаго“, которой сообщить не могу.

На сихъ дняхъ я нарочно познакомился на балѣ у Орлеанскаго съ молодымъ St.-Priest, чтобы предложить ему переводъ статьи твоей о Фонвизинѣ. Онъ беретъя обѣими руками, и сегодня мы свидимся, чтобы переговорить о ней. Онъ отдаетъ ее въ „Revue Française“ для Гизо, которому я давно обѣщалъ и на сихъ дняхъ подтвердилъ обѣщаніе прислать статью твою о русской литературѣ вообще, и твое введеніе къ Фонвизину можетъ замѣнить ее. Жаль, что подробности статьи о московскихъ журналахъ не могутъ быть любопытны и даже понятны для здѣшнихъ читателей, но и въ статьѣ о Фонвизинѣ сдѣлалъ бы я кой-какія перемѣны, хотя въ слогѣ. Ты слишкомъ вольничаешь; ты уже не письма ко мнѣ пишешь и долженъ говорить и договаривать и особенно не слишкомъ шеголять смѣлостью выраженій. Конечно, „смѣлымъ Богъ владѣетъ“, и я въ твоёмъ

слогѣ люблю самые недостатки его, но публика составлена не изъ пріятелей, и не всѣ угадають тебя“...

3-го іюня.

„Вчера провелъ я съ St.-Priest часа два въ разговорѣ о нашей словесности, о политикѣ, о планахъ новыхъ его сочиненій и онъ взялъ Дельвигову „Газету“, чтобы перевести для Гизо статью твою и дочесть остальное. Я указалъ ему и на другія статьи твои и Пушкина, кои познакомятъ его съ нашею новѣйшею литературою или, по крайней мѣрѣ, съ журналистикою“...

4-го іюня.

„...я вчера встрѣтилъ и здѣшняго собирателя древностей историческихъ и литературныхъ — Бюшона, издателя de la „Revue trimestrielle“, недавно воскресшей. Онъ давно просилъ меня сообщить въ его „Revue“ кое-что о русской литературѣ. Я указалъ ему на вашу журналистику, изъ матеріаловъ коей можно бы составить статью „Sur l'état présent de la littérature russe“¹⁾...

II.

Экземпляръ „Литературной Газеты“, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, вклеенъ въ обложку изъ сѣрой оберточной бумаги и заключаетъ въ себѣ только №№ отъ 1 до 23-го включительно; т. е. все, что могъ тогда послать кн. Вяземскій.

Какъ и многое другое — далеко не привлекательное по своему внѣшнему виду, по мнѣнію Петра Николаевича, этотъ документъ подлежалъ сожженію, какъ нѣчто „совсѣмъ неинтересное“, какъ что то „никуда негодное“.

Не мало подобныхъ вещей откладывалъ Петръ Николаевичъ въ сторону, предназначая ихъ къ уничтоженію.

При этомъ онъ всегда находилъ въ этомъ замыслѣ полную поддержку со стороны своихъ домашнихъ²⁾.

Къ сожалѣнію мнѣ далеко не всегда удавалось отсрочить

¹⁾ См. Ост. Архивъ. Т. III стр. 201—207. Письмо № 723.

²⁾ См мой очеркъ „П. Н. Тургеневъ и его даръ русской наукѣ“. СПБ. 1913 г., стр. 34—38.

такое auto da Fé и спасти то, что, во всякомъ случаѣ, представляло, всегда, въ большей или меньшей степени, извѣстную историческую цѣнность.

Петръ Николаевичъ обыкновенно самъ, и за свой счетъ отправлялъ въ Россію всѣ отобранные мною матеріалы, не смотря на то, что иногда количество ихъ доходило до 10 — 12 большихъ ящиковъ.

Отправкѣ предшествовала его послѣдняя ревизія, въ результатѣ которой то одно, то другое въ Россію не отправлялось. Бывало, однако, что въ одинъ изъ слѣдующихъ моихъ пріѣздовъ въ Парижъ эта застрявшая тамъ рукопись или книга снова попадалась мнѣ, снова, конечно, откладывалась мною „для Россіи“ и, иногда, уже благополучно проходила черезъ послѣднюю ревизію.

Къ большому сожалѣнію, были случаи и окончательнаго исчезновенія нѣкоторыхъ матеріаловъ.

На этотъ разъ, имѣя въ виду крайне невзрачный внѣшній видъ „Литературной Газеты“ и, слѣдовательно, очень большіе шансы на гибель ея, я попросилъ Петра Николаевича отдать ее лично мнѣ: это давало мнѣ право взять ее тотчасъ же съ собой.

Я получилъ согласіе и, такимъ образомъ, этотъ экземпляръ „Литературной Газеты“ все-таки вернулся въ Россію ¹⁾.

Болѣе близкое изслѣдованіе этого литературнаго документа показало, что заключающіяся въ немъ, на видъ,—мелкія и немногочисленныя карандашныя замѣтки ²⁾ представляютъ, тѣмъ не менѣе, большую историческую цѣнность.

Одни имена авторовъ этихъ замѣтокъ уже говорятъ за то, что съ этими замѣтками нельзя не считаться. И кн. П. А. Вяземскій и Ал. Ив. Тургеневъ — величины настолько исторически крупныя, что, хотя бы, даже все ихъ авторство сводилось, какъ въ данномъ случаѣ, къ одному только слову, состоящему всего на всего изъ трехъ буквъ ³⁾, все таки ихъ показанія являются безусловно цѣнными и, тѣмъ болѣе, что, судя по приведенному въ началѣ письма кн. Вяземскаго, замѣтки эти сдѣланы были въ ближайшее къ выходу этого изданія изъ печати время.

¹⁾ Въ виду его непосредственнаго отношенія къ Ал. С. Пушкину предоставляю его въ распоряженіе „Пушкинскаго Дома“, который, какъ это наглядно доказываетъ первый выпускъ его „Временника“, сумѣлъ въ короткій срокъ своего существованія сосредоточить въ своихъ собраніяхъ такое громадное количество драгоценныхъ историко-литературныхъ матеріаловъ.

²⁾ Одна только чернильная, сдѣланная рукой Ал. Ив. Тургенева.

³⁾ Какъ, напримѣръ, „моя“.

III.

„Литературная Газета“ сослужила свою службу въ свое время.

Если она не была бьющимъ въ глаза изданіемъ, или первокласснымъ органомъ русской періодической печати; если въ ней даже и наши крупные таланты не заявили себя какими либо выдающимися, эффектными произведеніями, то, во всякомъ случаѣ, это было изданіе вполнѣ добросовѣстное, безусловно скромное и серьезное. И, наконецъ, если оно не оставило блестящаго слѣда въ русской исторіи, то ни въ какомъ случаѣ нельзя отрицать того, что оно оставило по себѣ хорошую и добрую память.

„Литературная Газета“ была основана въ 1830 году барономъ А. А. Дельвигомъ, подъ редакціей котораго выходила съ 1-го января 1830 года по Іюль 1831 г.

Въ обращеніи къ читателю редакторъ - издатель заявлялъ, что „цѣль сей газеты — знакомить образованную публику съ новѣйшими произведеніями литературы Европейской и въ особенности Россійской“.

Для характеристики періодической печати того времени и для характеристики самой „Литературной Газеты“ очень интересна специальная оговорка, помѣщенная на первомъ планѣ обращенія къ читателю, непосредственно вслѣдъ за объясненіемъ характера новаго изданія.

„Издатель признаетъ, говоритъ баронъ Дельвигъ, необходимымъ объявить, что въ Газетѣ его не будетъ мѣста критической перебранкѣ“.

И на ряду съ этимъ предупрежденіемъ было добавленіе, касающееся настоящей, не личной критики.

„Критики, имѣющіе въ виду не личныя привязки, а пользу какой либо науки или искусства, будутъ съ благодарностью принимаемы въ „Литературную Газету“.

И новое изданіе честно выполнило свое обѣщаніе: въ „Литературной Газетѣ“, не смотря, повидимому, на всю трудность удержаться отъ сведенія личныхъ счетовъ (на это есть вполнѣ опредѣленные указанія) — не появлялось статей некорректныхъ въ указанномъ отношеніи.

Подтвержденіемъ вышеуказанныхъ намѣреній новаго періодическаго изданія могутъ служить слѣдующія строки изъ письма кн. Вяземскаго къ Ал. Ив. Тургеневу:

„Пиши литературныя письма для „Газеты“ нашей и присылай ко мнѣ; пиши, хотя не письма, а такъ, кидай на бумагу свои литературныя впечатлѣнія и пересылай ко мнѣ, а мы здѣсь это сошьемъ. Надобно оживлять „Газету“, что бы морить „Пчелу“ — півку, чтобы поддержать хотя одинъ честный журналъ въ Россіи“¹⁾).

Во время издательства барона Дельвига, кромѣ него самого въ „Литературной Газетѣ“ печатали свои произведенія кн. П. А. Вяземскій, Денисъ Давыдовъ, Н. В. Гоголь, И. И. Козловъ, Ал. В. Кольцовъ, М. Максимовичъ, кн. А. И. Одоевскій, Ал. Ал. Перовскій, Ив. Ан. Крыловъ, Ал. С. Пушкинъ, В. Л. Пушкинъ, Ал. С. Хомяковъ, Н. М. Языковъ и нѣкоторые другіе.

Въ это время „Литературная Газета“ выходила черезъ каждые пять дней.

Впослѣдствіи, въ 1840 году, „Литературная Газета“ возродилась и въ ней снова принимали участіе такія крупныя литературныя силы, какъ В. Г. Бѣлинскій, В. Г. Бенедиктовъ, Е. П. Гребенка, В. И. Даль, Н. А. Некрасовъ, гр. В. А. Соллогубъ и др.

Характеръ изданія сталъ шире и газета выходила въ концѣ 40-хъ годовъ уже ежедневно.

IV.

На данномъ экземплярѣ „Литературной Газеты“ — сдѣлано всего 30 помѣтокъ.

28 изъ нихъ принадлежатъ кн. Вяземскому, а 2 — Ал. Ив. Тургеневу.

Вотъ ихъ полный перечень.

№ по пор.	№ „Л. Газ.“	Мѣс.	Число.	Стр.	Чья.	Къ чему.	Какая.
1	1	Янв.	1	1	Кн. Вяз.	„Магнетизеръ“ отрывокъ романа.	„Алексѣя Перовскаго“.
2	2	—	6	11	—	„Введеніе къ жизнеописанію Фонъ-Визина.	„Моя“.
3	3	—	11	21	—	„Отвѣтъ“ (подпись „Крс“).	„Пушкина“.

¹⁾ См. Ост. Архивъ Т. III стр. 194. Письмо № 719.

²⁾ См. подробнѣе объ этомъ изданіи въ „Пантеонѣ“ 1853 г. т. X, кн. 7, въ „Русскомъ Архивѣ“ 1882 г. III, въ „Современникѣ“ 1854 г., въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1886 г. XXVI.

№ по пор.	№ „Л. Газ.“	Мѣс.	Число.	Стр.	Чья.	Къ чему.	Какая.
4	4	—	16	31	Кн. Вяз.	Библіографія. Русскія книги. „Исторія Русскаго народа“ Н. Полеваго т. I. Статья I.	„Пушкина“.
5	5	—	21	39	—	Смѣсь. „О запискахъ Самсона, Парижскаго палача“.	„Пушкина“.
6	6	—	26	44	—	Критическія замѣчанія на I-й т. книги подъ названіемъ: „Древніе и нынѣшніе Болгаре въ отношеніи къ Россіанамъ“.	„Отца Іакинфія“.
7	8	Февр.	5	59	Ал. Ив. Тург.	Стихотвор. „Душенька“.	„Быль“. (Поправка).
8	—	—	—	60	Вяз.	—	„Дениса Давыдова“.
9	—	—	—	—	—	„О Московскихъ журналахъ“.	„Моя“.
10	—	—	—	62	—	Библіографія. Альманахи 1830 г. „Денница“.	„Пушкина“.
—	—	—	—	—	Ал. Ив. Тург.	„О Московскихъ журналахъ“.	„Нибуръзнаетъ по русски. Я далъ ему 12 томъ Исторіи Карамзина“.
12	10	—	15	76	Кн. Вяз.	„Бородинское поле“. Элегія.	„Дениса Давыдова“.
13	12	—	25	94	—	„Станцы“ подпись: А. Пушкинъ.	„Митрополиту Филарету“.
14	—	—	—	96	—	Библ. „Исторія Русскаго Народа“. Н. Полеваго. Статья II. „Асамблея“.	„Пушкина“.
15	13	Мар.	2	99	—	Отрыв. изъ I ч. романа „Монастырка“.	„Алексѣя Перовскаго“.
16	14	—	7	107	—	Библ. Рус. кн. „Димитрій Самозванецъ“ Булгарина.	„Дельвига“.
17	—	—	—	112	—	Отрыв. изъ 1-й части „Монастырки“.	„Перовскаго“.
18	15	—	12	115	—	Библ. Рус. кн. „Монастырка“.	„Моя“.
19	16	—	17	129	—	Библ. Рус. кн. „Евгеній Онѣгинъ“ Пушкина.	„Плетнева“.
20	17	—	22	135	—		

№ по пор.	№ „Л. Газ.“	Мѣс.	Чис-ло.	Стр.	Чья.	Къ чему.	Какая.
21	18	—	27	143	—	„Нѣсколько словъ о Полемикѣ“.	„Моя“.
22	—	—	—	144	—	Библ. Рус. кн. „Евдора“ П. Сумарокова.	„Моя“.
23	19	Апр.	1	152	—	Библ. Рус. кн. „Нижній“ А. Подолинскаго.	„Дельвига“.
24	20	—	6	155	—	„Почтовый Домъ въ Шато-Тьерри“ Сомова.	„Сомова“.
25	—	—	—	158	—	Стихотв. „Къ А. О. Р.“.	„Моя къ Россетти“.
26	—	—	—	162	—	Смѣсь. „О запискахъ парижск. палача“.	„Пушкина“.
27	21	—	11	169	—	„Неколебимая дружба чухломск. жителей“.	„Моя“.
28	22	—	16	172	—	„Новая тяжба о буквъ“.	„Моя, а письмо Перовскаго“.
29	23	—	21	182	—	Объясненія современныхъ вопросовъ литературы.	„Моя“.
30	—	—	—	183	—	Библ. Рус. кн. „Записки Москвича“.	„Моя“.

Въ общемъ замѣтокъ, относящихся, къ установленію авторства неподписанныхъ статей:

Ал. С. Пушкина	7
Кн. П. Ан. Вяземскаго	10
Алексѣя Перовскаго	3
Дениса Давыдова	2
Барона Дельвига	2
Отца Іоакима	1
Сомова	1
Плетнева	1
Замѣтка о томъ, кому посвящено стихотвореніе Ал. С. Пушкина	1

V.

Надо имѣть въ виду, что въ тѣхъ же 23 №№ „Литературной Газеты“ 1830 года нѣкоторыми изъ названныхъ выше авторовъ былъ помѣщенъ за своими подписями цѣлый рядъ статей.

Ал. С. Пушкинъ помѣстилъ слѣдующія стихотворенія и статьи:

- 1 — въ № 1 — Отрывокъ изъ VIII главы „Евгенія Онѣгина“ (стр. 2—3.).
- 2 — въ № 2 — „Станцы“ („Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ“) (стр. 10—11.).
- 4 — въ № 12 — „Станцы“ „Митрополиту Филарету“ („Въ часы забавъ иль праздной скуки“) (стр. 94.).
- 5 — въ № 12 — Смѣсь. „Объ Иліадѣ“ (стр. 98.).
- 6 — въ № 13 — „Къ***“ („Когда твои младыя лѣта“) (стр. 101.).
- 7 — въ № 20 — Стих. „Въ альбомѣ“ („Что въ имени тебѣ моемъ?“) (стр. 158.).
- 3 — въ № 8 — „Военная грузинская дорога“ (стр. 57.).

Кн. П. Ан. Вяземскій напечаталъ:

- 1 — въ № 2 — „Эпиграмма“ (изъ Ж. Ж. Руссо) (стр. 11.).
- 2 — въ № 3 — „Дорожная дума“ (стр. 20—21.).
- 3 — въ № 3 — Введеніе къ жизнеописанію Фонъ-Визина (окончаніе) (стр. 21.).
- 5 — въ № 14 — „Къ***. При подаркѣ книги съ бѣлыми листами“ (стр. 110.).
- 6 — въ № 17 — Отрывокъ изъ жизнеописанія Фонъ-Визина (стр. 133, 134, 135.).
- 4 — въ № 5 — Стих. „Къ Нинѣ“ („За что служу я цѣлью мести вашей“) (стр. 36.).

Денисъ Давыдовъ напечаталъ:

- 1 — въ № 9 — Стихотв. „Зайцевскому, Поэту-моряку“ (стр. 69.).
- 2 — въ № 17 — „N. N.“. „Вы хороши — вашъ локонъ золотой“ (стр. 133.).

Кромѣ пьесъ, подписанныхъ авторами и тѣхъ, которыя опредѣлены замѣтками кн. Вяземскаго, въ этихъ 23 №№ „Литературной Газеты“ помѣщено нѣсколько такихъ, которыя ни авторами не подписаны, ни кн. Вяземскимъ не опредѣлены, но которыя опредѣлены нашими изслѣдователями по различнымъ другимъ соображеніямъ.

Къ числу такихъ пьесъ относятся слѣдующія, принадлежащія Ал. С. Пушкину.

Въ № 16 „Языкову“ („Издревле сладостный союзъ“, стр. 126.). Стихотвореніе Ал. С. Пушкина.

VI.

Замѣтки кн. П. Ан. Вяземскаго представляютъ интересъ въ двухъ отношеніяхъ.

Съ одной стороны онѣ подтверждаютъ авторство тѣхъ или другихъ лицъ въ тѣхъ случаяхъ, когда это было уже раньше установлено при посредствѣ какихъ нибудь другихъ данныхъ или соображеній. Таковы замѣтки отмѣченныя въ перечнѣ подъ №№ 1, 2, 3, 4, 5, 13, 14, 15, 16, 18, 26 и нѣкоторыя другія.

Съ другой стороны замѣтки кн. Вяземскаго устанавливаютъ авторство вышеназванныхъ лицъ въ нѣсколькихъ случаяхъ, когда раньше для этого не было еще достаточнаго количества матеріала.

Изъ этихъ замѣтокъ наиболѣе важной является статья, принадлежащая перу Ал. С. Пушкина, помѣщенная въ нашемъ перечнѣ подъ № 10, и представляющая критическій обзоръ альманаха „Денница“.

Въ этомъ обзорѣ на первомъ планѣ отведено мѣсто „Обозрѣнію Русской Словесности 1829 года“, принадлежащему перу Ивана Васильевича Кирѣевскаго, къ труду котораго Пушкинъ относится съ полнымъ одобреніемъ.

Онъ не соглашается только съ конечнымъ выводомъ Кирѣевскаго.

„Гдѣ найдемъ мы“, пишетъ Кирѣевскій о русской литературѣ конца XVIII и начала XIX вѣка, „произведеніе достоинства Европейскаго?“.

Пушкинъ на это остроумно, съ большимъ достоинствомъ и скромностью отвѣчаетъ:

„Мы улынулись, прочитавъ сей меланхолическій эпилогъ. Но замѣтимъ г-ну Кирѣевскому, что тамъ, гдѣ двадцатитрехъ-лѣтній Критикъ могъ написать столь занимательное, столь краснорѣчивое Обозрѣніе Словесности, тамъ есть Словесность — и время зрѣлости оной уже недалеко“.

Конечно, кому же, какъ не Пушкину, принадлежало неотъемлемое право выдать молодой русской словесности самый законный аттестатъ зрѣлости.

Александръ Ооминъ.

КЪ СТОЛѢТІЮ „ОПЫТА РОССІЙСКОЙ БИБЛЮГРАФИИ“
В. С. СОПИКОВА ¹⁾.

Le centenaire de la première ouvrage bibliographique en Russie
de V. Ssopikoff, par A. Polyakoff.

(1813—1913).

Василій Степановичъ Сопиковъ родился въ купеческой семьѣ въ 1765 году, одно время былъ приказчикомъ въ книжной лавкѣ, потомъ имѣлъ собственную торговлю въ Петербургѣ. Всего книжнымъ дѣломъ, по его словамъ, онъ занимался около двадцати лѣтъ. Пробовалъ В. С. стать и издателемъ. Первой напечатанной имъ книгою была „Лѣтопись св. Дмитрія Ростовскаго“; ²⁾ въ 1808 году онъ переводитъ съ французскаго „Законы Пифагоры ³⁾“, такъ какъ, судя по запискѣ Оленина, Сопиковъ, „будучи призванъ по природнымъ дарованіямъ къ познанію наукъ и словесности, старался усовершенствовать себя въ отечественномъ языкѣ и выучился межъ тѣмъ разумѣть языкъ французскій ⁴⁾“. Переводъ Сопикова не отличался достоинствами, книга не встрѣтила большого сочувствія у читающей публики, а Евгеній Болховитиновъ отнесся къ изданію труда даже холодно. Сбыть свой переводъ для Сопикова оказалось дѣломъ не легкимъ, и онъ при покупкѣ новой изданной имъ книги Монтескье ⁵⁾ предлагалъ „Законы Пифагоры“ уже бесплатно.

¹⁾ Докладъ, читанный въ засѣданіи Библиологическаго общества 13 декабря 1913 года.

²⁾ Лѣтопись св. отца нашего Дмитрія митрополита Ростовскаго, изд. второе, въ 2-хъ частяхъ; съ портретомъ сочинителя. СПб. 1796 — въ 8^о (см. Сопиковъ № 6082).

³⁾ Законы Пифагоры и нравственныя его правила; перевелъ съ французскаго Василій Сопиковъ; СПб. 1808, въ 12^о (см. Сопиковъ № 4157).

⁴⁾ Цитировано по статьѣ М. Сухомлинова—„Библиографъ В. С. Сопиковъ“—(Древн. и Нов. Росс. 1876 г. № 1 стр. 62).

⁵⁾ Осушествл. законовъ 4 части М. и СПб. 1809—1814 пер. Д. И. Языкова (см. Роспись Смирдина № 2148).

Кромѣ перечисленныхъ, выпущены въ свѣтъ сочиненія Мармонтеля ¹⁾, „Переписка Вольтера“ ²⁾. „Мѣсяцесловъ“ ³⁾ и, кажется, этимъ ограничилась дѣятельность Сопикова, какъ издателя. Большой переворотъ въ жизни библіографа произвело назначеніе его помощникомъ библіотекаря Публичной библіотеки, тогда еще не открытой. Выборъ былъ сдѣланъ помощникомъ директора А. Н. Оленинымъ. Вмѣстѣ съ Н. И. Гнѣдичемъ 12 іюля 1811 г. состоялось опредѣленіе „находящагося не у дѣль, сочинителя опыта російской библіографіи г. Сопикова“ помощникомъ библіотекаря по части русской словесности. За свой пока еще не напечатанный трудъ Сопиковъ, по протекціи того же Оленина, получаетъ чинъ, „которымъ награждаются ученики выходящіе изъ педагогическаго класса“, т. е. коллежскаго регистратора.

О жизни Сопикова мы имѣемъ очень мало свѣдѣній. Русская литература не позаботилась своевременно обезпечить себя данными о его личности, можетъ быть, мало интересной и заурядной, но оказавшей большую услугу русскому просвѣщенію. Правда, митрополитъ Евгеній для своего словаря составилъ біографію Сопикова еще въ 1821 г., но, къ сожалѣнію, до насъ она не дошла и сохранилась ли вообще — неизвѣстно.

Изъ поданной Оленинымъ записки директору библіотеки графу А. С. Строганову, гдѣ онъ, между прочимъ, хлопоталъ объ изданіи „Опыта“ на счетъ Кабинета, мы узнаемъ, что Сопикова „состояніе не весьма зажиточное“, но и не бѣдственное, какъ можно заключить изъ его переписки съ Калайдовичемъ ⁴⁾, хотя въ 1812 году общія несчастія страны отозвались и на его матеріальномъ положеніи.

Осенью 1812 года Сопиковъ по распоряженію правительства, боявшагося похода Наполеона въ Петербургъ, былъ отправленъ на бригъ съ тремя тысячами пудовъ книгъ публичной библіотеки въ глушь Олонечской губерніи, перенесъ много мытарства и въ декабрѣ 1812 г. возвратился обратно, чтобы сдѣть драгоцѣнный грузъ въ полной сохранности.

В. С. былъ холостъ, имѣлъ воспитанницу, за жестокое обращеніе съ которой едва не попалъ подъ судъ. Самъ онъ фактъ такого обращенія отрицаетъ и называетъ его небылицей и выдумкой „подлыхъ полицейскихъ душъ“.

Съ 1814 года Сопиковъ начинаетъ прихварывать, жалуется на боль въ груди и, несмотря на горячее участіе Оленина, который приглашалъ для него лучшихъ докторовъ, болѣзнь взяла свое — В. С. скончался одинокимъ на своей казенной квартирѣ 22 іюня 1818 года.

Связи по книжной торговлѣ, потомъ занятія по библіографіи доставили Сопикову, простому, малообразованному купцу, важное знакомство, открыли предъ нимъ двери Публичной библіотеки, администрація которой содѣйствовала изданію его „Опыта“.

¹⁾ Велизеръ соч. г. Мармонтеля. 2 части съ картинкой СПб. 1803. 12°. (См. Сопиковъ № 2425).

²⁾ Переписка Вольтера съ Екатериной II; издалъ Василій Сопиковъ, 2 части. Спб. и М. 1802, 8° (См. Сопиковъ 2579).

³⁾ См. Сопиковъ № 6410—6411.

⁴⁾ Письмо В. С. Сопикова къ К. Ѳ. Калайдовичу. Сообщилъ И. Шляпкинъ. Записки И. А. Н. т. 45. 1883 г. Прилож. № 2.

„Опытъ російской бібліографіи“ начать былъ Сопиковымъ, приблизительно, въ одно время съ „Систематическимъ Обзорѣніемъ“ Шторха и Аделунга, т. е. въ самые первые годы XIX столѣтія. Нужда въ подобномъ изданіи ощущалась уже давно. Евгенийъ Болховитиновъ въ одномъ изъ своихъ писемъ такъ выразился о важности появленія такого бібліографическаго пособія: „имѣемъ ли мы о сию пору классическую словесность? Если хоть двѣсти книгъ оригинальныхъ русскихъ, исчислите ихъ и опишите: иногда и эта книга будетъ классической въ словесности нашей 1)“.

По мысли будущаго митрополита, и при нѣкоторомъ его содѣйствіи, приступилъ Сопиковъ къ своему труду и далеко не съ русскимъ терпѣніемъ довелъ его почти до конца. Во все время выхода онъ не переставалъ пользоваться указаніями Евгенія и время отъ времени жаловаться на его „ученую скупость“. Кромѣ Евгенія, было еще лицо, сочувствующее появленію труда Сопикова не только на словахъ, но и на дѣлѣ — К. Ѳ. Калайдовичъ, который почти непрерывно помогалъ Сопикову своими совѣтами и весьма обширными и цѣнными добавленіями. Изъ сохранившейся между ними переписки 2), видно, насколько нуждался В. С. въ услугахъ своего компетентнаго пріятеля. „Это дѣло (т. е. составленіе „Опыта“), пишетъ Сопиковъ Калайдовичу 3) „согласитесь требуетъ общихъ соединенныхъ силъ, а одинъ всякій встанетъ въ пень“. Калайдовичъ оказалъ большое содѣйствіе В. С., что послѣдній и констатируетъ вскорѣ послѣ выхода первой части „Опыта“. „Первая часть Библіографіи“ 4), умножена Вами вдвое самыми рѣдкими книгами мнѣ неизвѣстными“, пишетъ Сопиковъ и не разъ выражаетъ благодарность Калайдовичу „за безпримѣрное участіе“ въ его „Библіографіи“. При содѣйствіи такихъ просвѣщенныхъ людей, работа шла быстро впередъ, хотя иногда доставляла Сопикову чувствительныя непріятности. Горькія слова срываются съ пера нашего бібліографа за нѣсколько дней до выхода первой части: „труда много, а добра по жалкой способности моей и безъ дѣятельнаго Вашего участія въ томъ видятъ не много“. При началѣ работы Сопиковъ предполагалъ издать не больше двухъ или трехъ томовъ, но опытъ разросся до пяти частей: процензурована 1 часть была еще въ 1812 г. въ маѣ мѣсяцѣ, время для печатанія работы было неподходящее и своимъ выходомъ она запоздала болѣе чѣмъ на годъ. Появленіе бібліографіи относится къ началу октября 1813 года.

Сопиковъ, принявшись за изданіе, дѣйствуетъ энергично. Уже въ декабрѣ 1813 г. начала печататься вторая часть; наборъ третьей онъ общаетъ лѣтомъ 1814 г., „если буду здоровъ“ добавляетъ С. Несмотря на болѣзнь, ему удалось къ іюню 1815 г. выпустить въ свѣтъ и третью часть. 6 октября 1816 г. вышелъ послѣдній при жизни бібліографа томъ опыта, четвертый, и было отпечатано нѣсколько листовъ пятаго. Послѣдняя появилась только въ 1821 г., когда Анастасевичъ допечаталъ описаніе послѣднихъ ста номеровъ „Опыта“ (съ № 13150 — 13249.

Планъ бібліографіи былъ широко задуманъ его составителемъ.

1) Сухомлиновъ etc.

2) См. прим. 8.

3) Письмо отъ 13 янв. 1814 г.

4) Письмо отъ 4 дек. 1814 г.

5) Письмо отъ 13 сент. 1813 г.

Трудъ Сопикова долженъ былъ заключать полный алфавитный и систематическій каталогъ русскихъ книгъ, указатель именъ авторовъ и роспись книгамъ церковной печати, а также и русскимъ картамъ.

Началу перваго тома предшествуетъ обширная статья — предувѣдомленіе, гдѣ составитель даетъ цѣлый рядъ опредѣленій терминамъ, мало знакомымъ большою публикѣ. Здѣсь же онъ пытается установить, что такое библіографія, которая „въ нашемъ отечествѣ наука совершенно новая“. „Библіографія (книгоописаніе) или основательное познаніе о книгахъ составляетъ существенную часть исторіи Народнаго Просвѣщенія“, говоритъ Сопиковъ. „Польза ея очевидна и неоспорима для каждого, а наиболѣе для занимающихся словесными науками. Помощью ея науки и изящныя искусства гораздо удобнѣе распространяются и достигаютъ совершенства“¹⁾. Въ томъ же предувѣдомленіи онъ говоритъ о плачевномъ состояніи нашей библіографіи и, увѣренно заявляетъ „придетъ, конечно, время и мы не будемъ завидовать иностранцамъ“. Сопиковъ оказался оптимистомъ. Сто лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ была выражена такая заманчивая мысль, но и теперь мы съ неменьшей завистью взираемъ на Западъ и ждемъ желаннаго времячка.

Въ томъ же предисловіи дается исторія книгопечатанія на Западѣ и въ Россіи, при чемъ можно думать, что предувѣдомленіе едва ли составляетъ самостоятельную работу Сопикова; по крайней мѣрѣ исторія книгопечатанія въ Россіи заимствована составителемъ Библіографіи изъ Новаго опыта о Россійскихъ писателяхъ²⁾ принадлежавшаго перу неумоимаго Евгенія.

Для своей работы Сопиковъ не имѣлъ образца въ русской библіографіи, такъ какъ всѣ предшествующіе труды не придерживались какого нибудь метода и составители ихъ не задавались такимъ грандіознымъ планомъ, какъ Сопиковъ. Труды Бакмейстера, Шторха и Аделунга, работы Евгенія, Бантышъ-Каменскаго, и др., каталоги печатные и писанные разныхъ общественныхъ и частныхъ библіотекъ служили ему пособиями не всегда полными и точными, но дающими нѣкоторыя данныя для начала его работы. Онъ могъ ими воспользоваться, переписать, но научиться по нимъ работать было невозможно. Принимаясь за трудъ, онъ долженъ былъ чувствовать, что его источники „далеко еще не достигаютъ той степени, до какой по сему предмету доведены оные у другихъ просвѣщенныхъ Европейцевъ“³⁾.

„Просвѣщенные Европейцы“ не даютъ покоя трудолюбивому Сопикову, хотя кромѣ работъ французскихъ библіографовъ, онъ едва ли зналъ изъ первоисточниковъ о другихъ европейскихъ трудахъ по книгоописанію. Извѣстный Оленинъ готовъ звать своего подчиненнаго „россійскимъ Дебюдомъ“ и говорить, что онъ, изучивъ французскій языкъ, „идетъ по стопамъ славнѣйшихъ иностранныхъ библіографовъ, какъ то Дебюда⁴⁾ и прочихъ“. Правильнѣе будетъ назвать Сопикова вторымъ Оленинымъ, такъ какъ система Библіографіи цѣликомъ

1) Опытъ. Изд. Суворина. Ч. I. стр. XVI.

2) Помѣщенъ въ „Другѣ просвѣщенія“ 1806 г. вып. IV, стр. 147—167.

3) Опытъ. Изд. Суворина. Часть I стр. XVII.

4) Гильомъ Дебюдъ младшій (1731—1782) считается основателемъ французской библіографіи, авторъ „Bibliographie instructive ou traité de la connaissance des livres rares et singuliers“; первый томъ его библіографіи вышелъ въ 1763 г. Онъ же издалъ *Museum typographicum* въ количествѣ 12 экземпляровъ.

заимствована имъ изъ труда Оленина „Опытъ новаго библиографическаго порядка для Санктпетербургской Императорской Библіотеки“ (Спб. 1809, 4^о). Появленіе работы Оленина объясняется чисто практическими мотивами, что видно, какъ изъ самаго названія книги, такъ и изъ приложеннаго къ ней посвященія. Трудъ этотъ, конечно, не оригинальный. Оленинъ только просмотрѣлъ литературу интересующаго его вопроса и написалъ компиляцію „О библиографическомъ порядкѣ“. Правда, онъ сдѣлалъ нѣсколько отступленій „отъ прочихъ библиографическихъ системъ“ и тѣмъ самымъ выказалъ себя чистѣйшей воды эклектикомъ. Работы Гарнія, Фонтанини не удовлетворяли Оленина, Мартинъ и Дебюдъ, по его мнѣнію, „слѣдовали предшественникамъ“ а система Лейбница не опредѣлила связи между науками, искусствами и словесностью, поэтому „по соображенію лучшихъ библиографическихъ писателей и по соглашенію оныхъ между собой, почтено было нужнымъ сначала раздѣлить вообще науки и искусства по ихъ свойствамъ и положить соотвѣтственные имъ предѣлы“ ¹⁾.

Воспользовавшись эклектической систематикой Оленина, Сопиковъ перепечаталъ ее въ своемъ предисловіи и примѣнилъ къ первой части своего труда. Въ нашу задачу не входитъ критика дѣленія „наукъ и искусства по ихъ свойствамъ“ и разборъ наивной оленинской системы, которая теперь, конечно, никого не убѣдитъ и изъ послѣдователей имѣетъ только одного Сопикова. Работа Анастасевича, произведенная нѣсколько лѣтъ спустя, совершенно игнорировала библиографическій порядокъ, предложенный Оленинымъ и, роспись Смирдина сдѣлала большой шагъ впередъ въ методѣ русской библіографіи.

Появленіе опыта не вызвало большой литературы ²⁾, а напечатанные отзывы не удовлетворяли Сопикова. Объ одномъ изъ нихъ, помѣщенномъ въ Вѣстникѣ Европы нѣкимъ Козловымъ, онъ сердито заявляетъ, что авторъ замѣтки его „трудъ не читалъ, а только пробѣгалъ“. Сочувственная рецензія была въ „Варшавскомъ Памятникѣ“ въ 1815 году, въ статьѣ о русской литературѣ лексикографа Линде, въ 1816 г., перепечатанная съ сокращеніями въ „Вѣстникѣ Европы“.

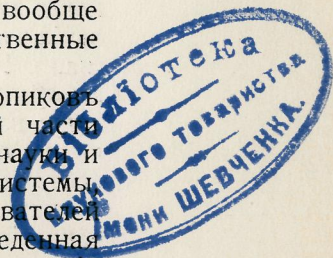
Тепло отнеслись къ работѣ Сопикова: Сперанскій, архіепископъ рязанскій Феофилактъ, петербургскій митрополитъ Амвросій, который находилъ содержаніе книги Сопикова „достойнымъ труда и трудолюбца“, и цѣлый рядъ другихъ просвѣщенныхъ людей того времени.

Болѣе основательная критика „Опыта российской библіографіи“ появилась въ изданіяхъ извѣстнаго Кеппена. Въ первомъ № своихъ „Матеріаловъ“ Кеппенъ характеризуетъ составителя опыта, какъ книгопродавца, а не ученаго, „почему напрасно стали бы мы искать полной системы въ библиографическомъ его твореніи. Предполагать должно, что тому, кто хочетъ написать удовлетворительную систему Библіографіи должно имѣть основательное познаніе въ философіи, которая одна можетъ служить руководствомъ къ порядочнымъ энциклопедическимъ идеямъ, излагая взаимную связь и отношенія между собой наукъ, искусствъ, художествъ и самыхъ ремеслъ“ ³⁾.

¹⁾ „Опытъ новаго библиографическаго порядка“ стр. 23.

²⁾ Первое „Извѣстіе“ о выходѣ „Опыта“ было напечатано въ „Сынѣ Отечества“ за 1813 г. № 10.

³⁾ Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи. Спб. 1819. VI стр. 63—64.

Въ 3 № „Библіографическихъ листовъ“ ¹⁾ помѣшена болѣе обстоятельная статья, чѣмъ предыдущая и сдѣлано много исправленій въ „Опытѣ“, хотя не всѣ указанія являются цѣнными; есть даже ошибочныя.

Спустя сто лѣтъ критиковать трудъ Сопикова весьма легко, да мы и не собираемся дѣлать этого, укажемъ только на нѣкоторыя промахи его работы и перечислимъ тѣ недостатки, которые не разъ отмѣчались въ русской критикѣ. Отмѣтимъ на первый взглядъ несущественный, а на самомъ дѣлѣ, значительный недостатокъ работы Сопикова, именно — многочисленность опечатокъ, которыя, какъ говорилъ еще Кеппенъ, въ библіографическомъ трудѣ такъ же недопустимы, какъ и въ таблицѣ логариѣмъ.

Сопиковъ, какъ мы выше упоминали, описывалъ книги больше по источникамъ, по указаніямъ со словъ другихъ. Многихъ книгъ онъ никогда не видѣлъ, благодаря чему встрѣчаются большія ошибки въ указаніи года изданія, формата книги. Встрѣчаются фантастическіе города (напр. Убіетціи вмѣсто Венеціа), имя переводчика значится въ качествѣ автора и пр. Позднѣйшіе библіографы относительно нѣкоторыхъ книгъ даже выражали сомнѣнія, что онѣ дѣйствительно существуютъ и только послѣ основательныхъ изысканій установлено, что во всякомъ случаѣ составитель „опыта россійской библіографіи“ не былъ фантазеромъ и своихъ книгъ, не придумывалъ. Онъ часто былъ неточенъ въ передачѣ заглавія книги и этимъ его трудъ рѣзко отличается отъ росписи Анастасевича, на указанія котораго можно смѣло положиться. Хотя „россійскій Дебюдъ“ и пошелъ по стопамъ своего патрона Оленина въ распредѣленіи книгъ, но систематической росписи онъ не далъ. „Ни время, ни случай не дозволили мнѣ роспись мою разположить систематическимъ порядкомъ: на сей разъ хотя главнѣйше держался я Азбучнаго разположенія, но, для удобнѣйшаго приисканія всѣхъ сочиненій, составлены особыя росписи по наукамъ и приложены въ началѣ каждой части“. ²⁾ Къ сожалѣнію Сопиковъ, кромѣ первой части, не выполнилъ своего обѣщанія и трудъ навсегда остался безъ систематической росписи.

Насколько не разработаны были приемы въ библіографическихъ трудахъ и какъ неопытенъ былъ Сопиковъ, можно судить уже потому, что и въ приѣмахъ „азбучнаго разположенія“ онъ оказался не силенъ и не выдержалъ дѣйствительнаго алфавита. Онъ на каждомъ шагѣ мѣшаетъ алфавитъ по названію съ алфавитомъ по содержанію или по фамиліи автора. Напрасно вы будете искать „Кандида“ Вольтера подъ буквой К., онъ отнесенъ къ сочиненіямъ Вольтера и помѣщенъ въ алфавитѣ подъ В. Рядомъ съ заглавіями книгъ на Д. напечатаны и всѣ тѣ пьесы, которыя соотвѣтствуютъ названію Драмы, при чемъ самыя пьесы уже расположены въ алфавитномъ порядкѣ. Кромѣ того, алфавитъ книгъ иногда соблюдался то по первому существительному, то по первому слову названія. Ввиду такой путаницы легко было повторить одно и тоже изданіе нѣсколько разъ. Неточность заглавія книгъ, невыдержанность въ алфавитѣ, а главное, отсутствіе указателя авторовъ, дѣлали работу Сопикова неудобной при справкахъ. Самъ составитель, вѣроятно, болѣе кого-либо чувствовалъ слабыя стороны своего труда и прилагалъ всѣ старанія,

¹⁾ Библіографическіе листы П. Кеппена 1825 г. № 3 стр. 33 — 41.

²⁾ Опытъ. Изд. Суворина ч. I стр. XVII.

чтобы указатель вышелъ и даже просилъ Калайдовича¹⁾, на ряду съ дополненіемъ свѣдѣній о типографіяхъ, заняться и указателемъ авторовъ книгъ.

Изъ всѣхъ частей самая слабая первая, касающаяся книгъ церковно-славянской печати. Въ нее вошли изданія не только русскія, но и вышедшія за границей въ славянскихъ земляхъ, въ Венеціи, Амстердамѣ и др. Какъ бывший книгопродавецъ, Сопиковъ болѣе, видимо, зналъ изданія печати гражданской, благодаря чему въ I части больше пропусковъ, чѣмъ въ другихъ. Но есть въ ней и излишества, за который упрекали его еще современники, это перепечатка отдѣльных страницъ изъ книгъ, выписки мало выразительныя и неинтересныя. Въ предисловіи къ III части Сопиковъ оправдывался тѣмъ, что хотѣлъ выписками оказать услугу молодымъ и неопытнымъ читателямъ, а также живущимъ далеко отъ культурныхъ центровъ, гдѣ книга рѣдкихъ можетъ и не случится.

На отсутствіе указателя къ „Опыту“ Сопикова обратилъ вниманіе еще Кеппенъ и ровно 63 года пришлось русской наукѣ дожидаться его, когда въ 1876 г. П. О. Морозовъ составилъ „Алфавитный указатель авторовъ, переводчиковъ, издателей и другихъ лицъ къ послѣднимъ 4 частямъ“ и напечаталъ въ XXVIII томѣ Записокъ Импер. Акад. Наукъ.

На работу П. О. Морозова появились замѣтки и разъясненія В. И. Саитова,²⁾ который указалъ недостатки морозовской работы и отмѣтилъ неполноту ея и путаницу, допущенную въ алфавитѣ авторовъ.

Въ 1904 году въ изданіи Суворина вышло второе изданіе „Опыта Россійской библіографіи“ подъ редакціей покойнаго В. Н. Рогожина съ его примѣчаніями, дополненіями и указателемъ. Съ появленіемъ работы Рогожина, который воспользовался исчерпывающимъ образомъ прежними указаніями библіографовъ и библіофиловъ и почти подъ каждымъ номеромъ Сопиковскаго труда ввелъ примѣчанія и ссылки на различныя работы по библіографіи, „Опытъ“ Сопикова получилъ еще большую цѣну, чѣмъ онъ имѣлъ раньше.

Цѣлое столѣтіе русская научная мысль пользовалась и теперь пользуется работой скромнаго помощника библіотекаря Сопикова, и до сихъ поръ его трудъ оказывается не превзойденнымъ. Аналогичные Сопиковскому „Опыту“ каталоги Анастасевича во многомъ дополнили и исправили, но обезцѣнить „Опытъ“ совершенно трудолюбивому составителю Росписи не удалось.

Во всякомъ случаѣ, несмотря на взглядъ митр. Евгенія, что пальма первенства въ библіографіи принадлежитъ другимъ, такъ какъ „первый систематическій у насъ библіографъ Бантышъ Каменскій, а первый алфавитный и обстоятельный — Новиковъ“, мы теперь безпристрастно должны заявить, что приоритетъ за В. С. Сопиковымъ не по времени, конечно, а по широтѣ задуманной работы, по тому плану, который С. терпѣливо выполнилъ.

Мы лишены возможности привести, по недостатку данныхъ, ту Сциллу и Хариду, между которой осторожно лавировалъ нашъ библіографъ. Знаемъ, что были люди, по заявленію самого Сопикова, которые плохо вѣрили въ „жалкую его способность“ выполнить такую огромную работу; не

¹⁾ Письмо отъ 23 ноябр. 1816 года.

²⁾ Замѣтки и разъясненія къ „Опыту русск. библіографіи“. В. Сопикова. В. Саитовъ. Журн. Мин. Нар. Просв. 1878 г.

такъ легко Сопикову было достать и матеріалъ для своего труда, по крайней мѣрѣ занятія въ библіотекѣ Академіи Наукъ были обставлены большими ограниченіями и доступъ туда Сопиковъ получилъ только послѣ значительныхъ хлопотъ его начальства. Много непріятностей было у С. и съ напечатанной страницей изъ Путешествія Радищева, которая въ концѣ концовъ была цензурой вырѣзана.

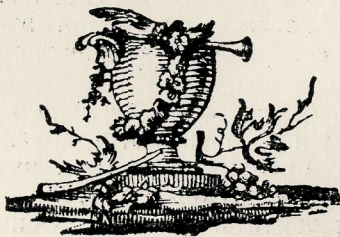
Лучшаго лица для выполненія „Опыта“ трудно представить. Сопиковъ былъ трудолюбивъ, съ дѣтства изучилъ книгу, а главное, онъ любилъ ее и заботился о ней съ исключительной старательностью. Его начальство, конечно, хорошо знало, кому оно поручаетъ національное богатство, когда отправляло его въ далеко нелегкую поѣздку въ Олонецкую губернію. Для такого путешествія нуженъ былъ человѣкъ, который соединялъ въ себѣ способность на черновую, грязную работу съ рѣдкой преданностью къ дѣлу.

Съ какой горечью и рѣзкостью пишетъ Сопиковъ о правительствѣ и администраціи Московскаго Университета, когда узналъ, что много книжныхъ богатствъ погибло въ Москвѣ въ дни нашествія Наполеона.

Самъ Сопиковъ былъ очень скромнаго мнѣнія о своемъ трудѣ: „Есть ли бѣ знанія мои и способности соотвѣтствовали желанію моему и усердію быть полезнымъ обществу, я сдѣлалъ бы гораздо болѣе. Но я не ученый, слѣдовательно не по должности, а единственно по особенной моей охотѣ нѣсколько лѣтъ занимался я симъ скучнымъ трудомъ. Одобрѣнія и благосклонные отзывы просвѣщенныхъ любителей русской словесности будутъ мнѣ совершенной наградой“... ¹⁾

Сопикову не пришлось долго ждать награды. Опыту суждено было сдѣлаться классическимъ еще при жизни его составителя, счастье выпадающее не всякому ученому.

А. Поляковъ.

¹⁾ „Опытъ“ въ изданіи Суворина. Ч. I, стр. XVIII.

ПИСЬМА А. И. ГЕРЦЕНА.

Lettres de A. Herzen.

I.

Herzen à Carl Vogt.

London 15 Aug. 1853.

Cher Vogt

Probablement Vous êtes maintenant à Neuhaus. Vous y faites certainement des expériences de physiologie, d'embriologie car Vous avez des filles au logis sans être philologue. Et nous toujours dans le sombre Albion. Je suis bon conteur et Vous remercie de tout mon cœur pour le portefeuille aussi pour m'acquitter envers M-r Rodiger je lui ai trouvé un protosubjonctif qui en réalité est un homme excellent comment le disent ses amis. Je prie M. Malardier de se charger d'un petit paquet avec des imprimés Russes. Caro Vogt Vous avez aussi applaudi à mon inocution (inoculation?) (tout cela m'a réussi d'une manière parfaite) maintenant Vous devez aussi aider. Je Vous envoie q-q exemplaires de l'annonce et d'une adresse à la noblesse. Donnez cela à Bern et à Genève à des libraires radicales s'ils en veulent, ou s'ils en veulent envoyer quelque part ils n'ont qu'à s'adresser à moi. Ne pouvez Vous pas faire faire imprimer (sic) deux trois lignes dans un journal de Bern ou de Genève. La gazette d'Augsbourg et les journaux de Londres en ont parlé. „La Nation“ aussi. Je Vous envoie encore un article traduit du „Democrat Polonais“ pour Vous et si je trouverai avant le départ de Malardier l'article de Linton sur le mariage de Kudlich je l'enverrai aussi.

Alexandre a une esquinancie

Haky a l'Australie —

London a Golovine

Le lièvre a le Taf

Et moi j'ai soif.

Il y a juste un an que j'ai quitté Berne. Certes je n'ai jamais pensé de rester ici un an. Pourtant après une année je répète que London est le seul point habitable de l'Europe. Vogt allez en Amérique. Car dans deux années l'Europe sera Moldachie et Valavie (sic). On fait une nouvelle édition des „Idées revolut“... — augmentées et corrigées. — Linton publie idem en Anglais. Je salue toute votre famille et deux trois fois de plus votre père.

Adieu. Tout à vous.

A. Herzen.

2.

Dresden 1. März. Das offizielle Dresdener Journal veröffentlicht das Schreiben welches der bekannte russische Flüchtling Alexander Herzen an den Minister des Innern Herrn v. Beust gerichtet hat als dieser den Debit seiner Zeitschriften in Sachsen verbieten liess. Das Schreiben welches das Dr. J. natürlich nur von Herrn v. Beust selbst zur Veröffentlichung erhalten haben kann lautet folgendermassen:

Herr Minister! Durch eine Verordnung von 29 Januar haben Sie für Sachsen den Vertrieb unserer Londoner Publicationen in russischer Sprache untersagt. Bei der Bekanntmachung dieser Verordnung an die Polizei des Königreichs sagen Sie um diese seltsame Massregel zu motiviren das die periodische Schriften welche ich veröffentliche von böswilligen und verläumdnerischen Anschuldigen gegen die russische Regierung und die Person des Kaisers erfüllt seyen. Dass Sie als sächsischer Minister sich zum Organ der russischen Polizei machen, ist ganz natürlich wenn man den unglücklichen Zustand, worin sich Deutschland befindet, in Betracht zieht; aber unbeschadet der eifrigen Ausführung der Befehle die aus der Kanzlei des Herrn Gortschakoff kommen würden Sie nichts verlieren, wenn Sie falsche Anführungen nicht wiederholten. Ich habe Ueberzeugungen; vermüthlich sind sie nicht die Ihrigen. Ich diene meinem Lande auf meiner Art, indem ich durch meine Publicationen dem Mangel der Oeffentlichkeit in Russland abhelfe. Sie können darin ein Verbrechen finden; aber Sie haben nicht das Recht — ohne eine Entgegnung von meiner Seite zu provociren — zu veröffentlichen dass ich Verläumdungen drücken liesse. Die Reinheit meiner Absichten ist in St. Petersburg sehr wohl bekannt und darin besteht meine Stärke. Ich fordere die russisch-sächsische Regierung heraus mir eine einzige Verläumdung zu citiren, die in der „Glocke“, den „Polarstern“, oder den „Stimmen Russlands“ gedruckt stände... eine einzige! Uebrigens habe ich den regierenden Kaiser angegriffen. Ich beklage ihn, das er sich in einer schlechten Umgebung befindet, aber gewiss bin ich es nicht, der ihn in dem Augenblicke wo er durch die Emancipation der Bauer eine wahre sociale Revolution hervorbringt, verläumden würde. Sein Name gehört der Geschichte an und er thut sich darin bereits auf eine Weise hervor, welche ihn vor dem seiner Collegen sehr auszeichnet. Uebrigens wünsche ich Ihnen Herr Minister da ich keinen Groll hege aufrichtig das Sie das Kreuz des St. Anneordens um den Hals bekommen und schon gegenwärtig meine auticipirten Glückwünsche wohl aufnehmen mögen.

London 10. Februar 1858.

Alexander Herzen.

1.

Герценъ — къ Карлу Фохту.

Лондонъ 15 Авг. 1853.

Дорогой Фохтъ.

Вѣроятно Вы теперь въ Неугеймѣ(?) Вы тамъ конечно занимаетесь экспериментами по физиологii, эмбриологii, такъ какъ Вы имѣете des „filles au logis“, не будучи сами филологомъ. А мы — все въ мрачномъ Альбiонѣ. Я хороший счетчикъ и благодарю Васъ отъ всего сердца за портфель, точно также за расчетъ меня съ г. Родигеръ (я ему нашель одинъ protosubjonctif), который въ сущности прекрасный человекъ, какъ утверждаютъ его друзья. Я прошу г. Малардье принять въ видѣ порученiя небольшой пакетъ съ русскими изданiями. Дорогой Фохтъ, Вы такъ аплодировали моей пропагандѣ (все это мнѣ удалось въ наилучшемъ видѣ), что и теперь Вы должны также помочь. Я Вамъ посылаю нѣсколько экземпляровъ извѣщенiя и адреса къ дворянству. Пере-

дайте это въ Бернѣ или въ Женевѣ радикальнымъ книготорговцамъ, если они ихъ пожелаютъ, а если же хотятъ переслать ихъ куда-нибудь, пусть обратятся ко мнѣ. Не можете ли Вы заставить напечатать 2—3 строчки (объ этихъ брошюрахъ) въ какомъ-нибудь журналѣ Берна или Женевы? Аугсбургская газета и Лондонскіе журналы о нихъ говорили. „Nation“ — точно также. Я Вамъ посылаю еще переводъ статьи изъ „Польскаго Демократа“ для Васъ и, если найду до отъѣзда Малардьеръ, статью Линтона по поводу свободы Kudlich'a, то пришлю также.

У Александра — воспаленіе горла
 У Австраліи — колючки
 У Лондона — Головинъ
 У зайца — мягкіе башмачки
 А у меня — жажда.

Ровно годъ, какъ я покинулъ Бернъ. Конечно, я никогда не думалъ оставаться здѣсь цѣлый годъ. И все-таки по прошествіи года я повторяю, что Лондонъ есть единственный пунктъ, въ которомъ можно жить въ Европѣ. Фохтъ, отправляйтесь въ Америку. Такъ какъ черезъ два года Европа станетъ Молдахіей и Валавіей. Здѣсь готовятъ новое изданіе „Революц. идей“, добавленное и исправленное. Линтонъ издаетъ тоже самое на англійскомъ языкѣ. Кланяюсь всему Вашему семейству и всего больше — Вашему отцу.

Прощайте. Весь Вашъ
 А. Герценъ.

2.

Дрезденъ, 1 Марта 1858.

Официальный Дрезденскій журналъ напечаталъ письмо, адресованное извѣстнымъ русскимъ эмигрантомъ Александромъ Герценомъ Министру Внутреннихъ дѣлъ г. Фонъ-Бейстъ, когда этотъ послѣдній воспрепятствовалъ распространеніе его журналовъ въ Саксоніи. Письмо это, которое Дрезденскій журналъ могъ, очевидно, получить не иначе, какъ отъ самого г. ф.-Бейста, заключаетъ въ себѣ слѣдующее:

Господинъ Министръ! Распоряженіемъ отъ 29 Января Вы воспретили продажу въ Саксоніи нашихъ Лондонскихъ изданій, выходящихъ на русскомъ языкѣ. При сообщеніи объ этомъ распоряженіи органамъ Полиціи Королевства, Вы — чтобы мотивировать таковую диковинную мѣру — утверждаете, что періодическія изданія, мною выпускаемая — злонамѣренны и наполнены клеветою, направленною противу Русскаго Правительства и Особы Императора. Что Вы, нашъ Саксонскій министръ, принимаете на себя роль органа русской полиціи, это вполнѣ естественно, такъ какъ Вы Вашимъ поведеніемъ доказываете лишь то несчастное положеніе, въ которомъ находится Германія, но ревностному выполненію повелѣній исходящихъ изъ канцеляріи г. Горчакова не принесло бы вреда, если бы оно на будущее время и не сопровождалось Вашими ложными разъясненіями. Я имѣю свои убѣжденія, которыя, какъ предполагаю, несходственны

съ Вашими. Я служу своей странѣ по своему способу и полагаю, что черезъ свои изданія восполняю недостатокъ въ Россіи гласности. Вы можете въ этомъ находить преступленіе, но Вы не имѣете права — безъ того, чтобы не вызвать съ моей стороны возраженія — опубликовывать, что я допускаю печатаніе статей клеветническихъ. Чистота моихъ взглядовъ очень хорошо извѣстна въ Петербургѣ и въ этомъ то и заключается моя сила. Я требую отъ Русско-Саксонскаго Правительства привести мнѣ хотя бы одну клевету, которая бы была напечатана въ „Колоколѣ“, въ „Полярной Звѣздѣ“ или въ „Голосахъ Россіи“, хотя-бы одну единственную! Я вообще на особу царствующаго Императора не нападаю. Я жалѣю, что онъ находится въ плохомъ обществѣ лицъ его окружающихъ, но конечно, я не сталъ бы клеветать на него въ тотъ моментъ, когда онъ освобожденіемъ крестьянъ совершаетъ истинную социальную революцію. Его имя принадлежитъ исторіи и онъ высоко поставилъ себя надъ рядами своихъ коллегъ¹⁾. Въ заключеніе желаю Вамъ, господинъ министръ, чтобы Вы къ гнѣву моему отнеслись безпристрастно, чтобы въ настоящій моментъ получили бы орденскій крестъ Св. Анны на шею и, чтобы, такимъ образомъ, мои преждевременныя пожеланія Вамъ всякаго счастья оказались бы для Васъ своевременными.

Александръ Герценъ.

Лондонъ, 10 Февраля 1858.

¹⁾ Извѣстная впослѣдствіи статья Герцена послѣ великаго акта 19 Февраля Galilee vicisti указываетъ, что уже въ 1858 г. Герценъ привѣтствовалъ великую реформу Государя.

ФОНВИЗИНЪ И ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ — „ЧЕРТИКЪ НА ДРОЖКАХЪ“ И „МАТЮШКА-РАЗНОШИКЪ“.

Deux ouvrages attribués à Fonviesine. — Par V. Sseménnikoff.

Фонвизинъ въ ранніе годы своей литературной дѣятельности, какъ извѣстно, писалъ стихотворенія. Изъ числа ихъ особенной популярностью пользовалось въ свое время извѣстное „Посланіе къ слугамъ моимъ — Шумилову, Ванькѣ и Петрушкѣ“. Кромѣ этого „Посланія“, изъ стихотвореній Фонвизина сохранилось очень немногое: въ собраніи сочиненій находятся только — басня „Лисица-кознодѣй“, отрывокъ изъ „Посланія къ Ямшикову“, краткое обращеніе „Къ уму моему“ и эпиграмма въ двѣ строки („О Климъ! дѣла твои велики!“).

Къ этому небольшому поэтическому наслѣдію Фонвизина изслѣдователи его дѣятельности предположительно относятъ комическую поэмку „Чертикъ на дрожкахъ“, вопросъ о принадлежности которой Фонвизину имѣетъ довольно большую литературу. Кромѣ того, современники Фонвизина оставили намъ преданіе еще объ одномъ его написанномъ стихами произведеніи — посланіи „Матюшка-разношикъ“. Но это посланіе до сего времени неизвѣстно въ подлинникѣ; напечатано оно не было, а рукопись никому не попадалась. Нѣкоторые соображенія о „Чертикѣ на дрожкахъ“ и „Матюшкѣ-разношикѣ“ мы предлагаемъ въ настоящей статьѣ.

1. „Чертикъ на дрожкахъ“.

Первое указаніе на связь съ именемъ Фонвизина комической поэмки „Чертикъ на дрожкахъ“ было сдѣлано А. Н. Пыпинымъ въ его замѣткѣ, специально посвященной этому вопросу, въ „Вѣстникѣ Европы“ 1885 года 1).

Пыпинъ обратилъ вниманіе на то, что въ одномъ изъ объявленій „Санктпетербургскихъ Вѣдомостей“ XVIII вѣка, въ перечнѣ вновь поступившихъ въ продажу книгъ, былъ названъ среди нихъ и „Чертикъ на дрожкахъ“, причемъ въ объявленіи было означено, что это — сочиненіе Фонвизина 2). Вотъ на основаніи этого-то указанія и возникъ вопросъ о возможности считать „Чертикъ на дрожкахъ“ принадлежащимъ перу автора „Бригадира“.

Конечно, указаніе книжнаго объявленія — источникъ весьма шаткій, но тѣмъ не менѣе, при нѣкоторыхъ дополнительныхъ соображеніяхъ, могушій имѣть свое значеніе.

Самъ Пыпинъ не могъ разыскать подлинника „Чертика на дрожкахъ“, но, кромѣ ссылки на объявленіе, привелъ еще указаніе изъ Сопи-

1) „Библиографическая замѣтка“ („Вѣстникъ Европы“, 1885 г., № 3).

2) Это объявленіе было помѣщено въ „Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 1799 г., № 68, гдѣ указаны книги, поступившія въ продажу въ лавкѣ Сытина. Въ объявленіи приведенъ цѣлый рядъ книгъ, и въ концѣ перечня значится: „Посланіе къ слугамъ моимъ Шумилову, Ванькѣ и Петрушкѣ, соч. Фонъ-Визина, въ золотой бум. 15 коп. — Чертикъ на дрожкахъ, его же соч. въ бум. 15 коп.“.

ковского „Опыта російской бібліографіи“, гдѣ названное изданіе было упомянуто подъ № 12572, безъ означенія имени Фонвизина, но съ пометкой, указывавшей, что „Чертикъ“ напечатанъ въ 1761 году. Не имѣя подлиннаго экземпляра, Пыпинъ въ такихъ словахъ высказался о возможности считать книжку произведеніемъ Фонвизина:

„Чтобъ она могла дѣйствительно принадлежать Фонвизину, говорить Пыпинъ, маловѣроятно, такъ какъ въ литературныхъ воспоминаніяхъ о Фонвизинѣ, у современниковъ и болѣе позднихъ писателей, сколько мы знаемъ, о ней никогда не упоминалось. Всего скорѣе, она подложно приписана знаменитому писателю, какъ была ему приписана „Жизнь нѣкотораго мужа и перевозъ куріозной души его чрезъ Стиксъ рѣку 1)“ и т. д. Основаніе къ этому могло быть то, что въ числѣ сочиненій Фонвизина было нѣсколько пьесъ шуточного свойства, и простодушные почитатели могли по ненамѣренной ошибкѣ присвоить ему безыменные вещи, заключавшія, по ихъ мнѣнію, такое же остроуміе, или же эти пьесы подставлялись Фонвизину по соображеніямъ книгопродавцевъ — для лучшаго сбыта. Или, наконецъ, мы имѣемъ здѣсь дѣйствительное сочиненіе Фонвизина, оставленное имъ самимъ безъ вниманія, какъ было оставленъ (и до сихъ поръ не былъ отысканъ), напримѣръ, его „Матюшка разнощикъ?“

Подлинникъ „Чертика на дрожкахъ“ удалось разыскать Н. С. Тихонравову; печатный экземпляръ оказался въ Россійскомъ Историческомъ Музеѣ, куда поступилъ изъ Чертковской бібліотеки. Это — брошюра въ 8-ую долю листа, въ 8 страницъ, безъ титула и безъ означенія года и мѣста напечатанія. Тихонравовъ, описывая книжку, для разясненія времени ея выхода въ свѣтъ, ссылается на хранящіеся въ главномъ архивѣ Министерства иностранныхъ дѣлъ рукописные бібліографическіе матеріалы Н. Н. Бантыша-Каменскаго, гдѣ „Чертикъ на дрожкахъ“ датированъ 1791-мъ годомъ.

Н. С. Тихонравовъ включилъ текстъ „Чертика на дрожкахъ“ въ „Матеріалы для полнаго собранія сочиненій Д. И. Фонвизина 2)“. Упомянутая о соображеніяхъ Пыпина, Тихонравовъ, съ своей стороны, добавилъ такіе указанія: „Если допускать, что „Чертикъ на дрожкахъ“ есть дѣйствительное произведеніе Фонвизина, то, безъ сомнѣнія, эту піесу слѣдуетъ относить, какъ и всѣ прочія его стихотворенія, къ раннему періоду его литературной дѣятельности. Въ такомъ случаѣ, не было бы невѣроятнымъ, что „Чертикъ на дрожкахъ“ имѣлъ въ прошломъ вѣкѣ два изданія, изъ которыхъ одно, 1761 года, отмѣчено Сопиковымъ, а другое, 1791 года, описано Бантышемъ-Каменскимъ“. При этомъ Тихонравовъ указываетъ, что изданіе „Чертика“, хранившееся въ Чертковской бібліотекѣ (которое, по всему вѣроятію, соотвѣтствуетъ изданію, отмѣченному Бантышемъ-Каменскимъ) слѣдано крайне небрежно, такъ что нѣкоторые стихи въ немъ лишены размѣра. Тихонравовъ сообщаетъ также, что въ Россійскомъ Историческомъ Музеѣ, въ поступившей въ него биб-

1) Что это сочиненіе принадлежитъ не Фонвизину, а Степану Колосову разяснено Д. Д. Языковымъ („Любопытныя книги“, статья въ „Русскомъ Обзорѣніи“, 1896 г., сентябрь, стр. 335 — 340).

2) „Матеріалы для полнаго собранія сочиненій Д. И. Фонвизина. Посмертный трудъ академика Н. С. Тихонравова“ (СПБ., 1894 г.), стр. 357 — 360 и примѣчанія на стр. 375 — 377.

лютекъ Шапова, оказалось другое изданіе того же стихотворенія также, въ видѣ брошюры, но съ заглавіемъ „Французъ на дрожкахъ“, причѣмъ на послѣдней страницѣ означено мѣсто и годъ печатанія: „Москва. Въ губернской типографіи у А. Рѣшетникова, 1805 года“. Сравнительно съ текстомъ Чертковскаго экземпляра изданіе 1805 года представляетъ нѣкоторыя совсѣмъ незначительныя измѣненія. Тихонравовъ перепечаталъ „Чертика на дрожкахъ“ по экземпляру Чертковской библіотеки.

С. А. Венгеровъ въ сборникѣ „Русская поэзія“ также перепечаталъ „Чертика на дрожкахъ“, но по другому экземпляру — третьему, найденному въ Императорской Эрмитажной Библіотекѣ (брошюрка въ 16°, на грубой синей бумагѣ, 11 страницъ)¹⁾. По вопросу объ авторствѣ Фонвизина С. А. Венгеровъ высказывается такъ: „Нельзя сказать, чтобы „Чертикъ“ отличался большимъ остроуміемъ. Но стихъ тѣмъ не менѣе очень боекъ, и если еще принять во вниманіе насмѣшливый тонъ по отношенію къ наѣзжимъ иностранцамъ, столь идущій къ автору „Бригадира“ и создателю типа Вральмана, то принадлежность поэмки Фонвизину не есть дѣло невозможное“²⁾.

Таковы взгляды, которые были высказаны изслѣдователями литературы о „Чертикѣ на дрожкахъ“ въ связи съ именемъ Фонвизина.

Намъ удалось разыскать еще одно изданіе этого стихотворенія, но напечатанное не отдѣльно, а въ журналѣ, именно — въ „Вечерней Зарѣ“, издававшейся въ 1782 году Н. И. Новиковымъ. Это заставляетъ насъ пересмотрѣть вопросъ о возможности авторства Фонвизина. Въ „Вечерней Зарѣ“ поэмка напечатана (часть II, стр. 311—314) подъ другимъ заглавіемъ, именно — „Французской променадъ“, но текстъ совпадаетъ съ тѣмъ, каковой напечатанъ С. А. Венгеровымъ; есть только мелкія отличія, происшедшія, очевидно, отъ того, что отдѣльное изданіе „Чертика“ 1805 года было напечатано не совсѣмъ тщательно.

Такимъ образомъ, изъ всѣхъ извѣстныхъ экземпляровъ „Чертика на дрожкахъ“ указываемое нами изданіе, относящееся къ 1782 году, самое раннее.

Объ участіи Фонвизина въ „Вечерней Зарѣ“, какъ и вообще въ московскихъ изданіяхъ Новикова, ничего не извѣстно. Журналъ „Вечерняя Заря“ служилъ продолженіемъ „Утренняго Свѣта“ и отражалъ уже масонскіе взгляды Новикова а къ масонству Фонвизинъ не имѣлъ никакого отношенія. Изданіемъ завѣдывали студенты, преимущественно, изъ питомцевъ „Дружескаго общества“; изъ переводовъ и сочиненій студентовъ и составлялся, главнымъ образомъ, журналъ.

Обращаясь къ содержанію „Вечерней Зари“, мы прежде всего можемъ замѣтить, что „Чертикъ на дрожкахъ“ не является здѣсь единственнымъ сатирическимъ стихотвореніемъ. Такихъ стихотвореній здѣсь нѣсколько, причѣмъ тотъ бойкій и очень для своего времени характерный слогъ, которымъ написанъ „Чертикъ“, замѣчается и въ нѣкоторыхъ другихъ стихотвореніяхъ сатирическаго характера. Особеннаго же вниманія, по

¹⁾ „Русская поэзія“ С. А. Венгерова, вып. VI, стр. 397—399.

²⁾ Кромѣ указанныхъ изслѣдователей, вопроса о „Чертикѣ на дрожкахъ“ коснулся въ своихъ примѣчаніяхъ къ „Опыту“ Сопикова (при № 12572) В. Н. Рогожинъ, предполагающій, что у Сопикова въ означеніи года печатанія „Чертика“ имѣется ошибка. О „Чертикѣ на дрожкахъ“ упоминаетъ также Д. Д. Языковъ въ статьѣ „Д. И. Фонъ-Визинъ въ русской литературѣ“, въ „Библіографическихъ Запискахъ“ 1892 г., стр. 806.

несомнѣнному сходству стиха, заслуживаетъ стихотвореніе „Быль. Французская лавка“ (часть II, стр. 230—233), помѣщенное въ предыдущей, іюльской, книжкѣ „Вечерней Зари“ („Чертикъ“ помѣщенъ въ августѣ). Оба стихотворенія написаны совсѣмъ одною манерою, сходство стиха несомнѣнное и разительное; мало того: сатира и того и другого стихотворенія имѣетъ одну цѣль — осмѣять заѣзжихъ иностранцевъ.

Чтобы показать замѣчательное сходство этихъ двухъ стихотвореній въ стихѣ и манерѣ разсказа, намъ придется привести здѣсь текстъ обоихъ стихотвореній, напечатанныхъ въ „Вечерней Зарѣ“. ¹⁾

ФРАНЦУЗСКОЙ ПРОМЕНАДЪ

Французъ, который былъ въ Парижѣ пивоваромъ,
 А послѣ кузнецомъ,
 Съ Парижскимъ шегольскимъ къ намъ выѣхавъ товаромъ,
 Московскимъ сталъ купцомъ;
 Въ Москвѣ переродился
 И сталъ уже не тотъ,
 Въ Москвѣ изъ мужика въ Монсье онъ претворился,
 Вступилъ въ дворянской родъ.
 Но чтожь? Иль малую онъ честь тѣмъ сдѣлалъ граду,
 Что началъ торговать?
 Вить онъ французскую помаду
 Въ Москвѣ сталъ продавать,
 Съ душистой пудрою картузы,
 Что также дѣлали французы,
 И спирты и духи,
 Какими прыщутся, уже и пѣтухи.
 Въ бутикѣ словомъ, все, французовомъ то было,
 Что только къ шегольству и роскоши служило;
 А этимъ не шути; не дешево сей товаръ,
 Его въ Россіи мало.
 Великой это даръ!
 Такоель наше сало?
 Такая ли мука?
 Нѣтъ; хуже все. А чѣмъ? Мой умъ не постигаетъ.
 Спроси французскаго объ этомъ батрака,
 И онъ ужъ это знаетъ.
 Но пусть, хотя и всѣ въ Россіи вещи тѣжъ;
 Однакожь не такой за нихъ у насъ платежъ:
 А ежели и тоже
 Продастся подороже,
 Оно ужъ превзойдетъ
 Дешевое въ добротѣ,
 И что-то придаетъ,
 Не знаю я, къ охотѣ,
 Скорѣ, разщедрясь, и деньги заплатить,
 Хотя и передать, да только бы купить.
 Монсье ле Пти-Дьяблетъ (французъ такъ назывался)
 На всякъ день болѣе торгомъ обогащался.
 Не знаю подлинно, онъ большель торговаль,
 Иль больше плутоваль?
 Французскіе народы
 Пристрастны къ мотовству;
 Французъ сей отъ природы
 Былъ склоненъ къ плутовству.
 Но это все не чудно,

¹⁾ При перепечаткѣ соблюдаемъ орѳографію и пунктуацию подлинника.

И дива въ этомъ нѣтъ.
 Вотъ что рѣшить претрудно,
 Вотъ стоитъ что, чтобъ весь о томъ помыслилъ свѣтъ:
 Французъ сей, хоть толикой
 Въ торгу имѣлъ успѣхъ,
 Скупяга былъ великой
 Противъ французовъ всѣхъ.

Случилось ему однажды недосужно
 Тогда, какъ было нужно,
 За чѣмъ-то побывать

Въ томъ мѣстѣ, что слыветъ въ народѣ куръ и ножки.
 И такъ онъ долженъ былъ извозника нанять.

Пришедъ къ извозику сказалъ онъ: въ эти дрожки
 Пожала мне вези на пьетукови ногъ.
 Извозикъ разумѣть сихъ словъ хотя не могъ,
 Но видя, что французъ отнюдь съ нимъ не рядился,
 И деньги давъ въ передъ на дрожки съ нимъ садился,
 Везетъ его, иль мчитъ, не зная самъ куда.

Онъ мнилъ, что мѣсто то ему сѣдокъ укажетъ,
 Туда, иль не туда,
 Ему конечно скажетъ;
 А тотъ не зная самъ
 Кричитъ лишь, о! не тамъ!

„Куда же васъ сударь? извозикъ вопрошаетъ.

„На пьетукови ногъ, ему онъ отвѣчаетъ,

„Монъ Дье! эки каналъ, извозикъ ти гранъ плутъ,

„Не тутъ, не тутъ, не тутъ!

Извозикъ по Москвѣ съ французомъ всюду рыщетъ,
 Ногъ пѣтуховыхъ ищетъ,
 Не можетъ ихъ найти.

Французъ же бѣсится, не хочетъ съ дрогъ сойти,
 Съ извозикомъ бранится,
 И говоритъ ему:

„Тебе мне обмануть ебога не годится,

„Ты это шеловекъ негодна ни къ шему.

„Иа деньги тебе далъ, э ти меня не кошешь

„Везти вонъ тамъ домой“.

„Напрасно ста хлопчешъ,

„Честной бояринъ мой:

„И радъ бы, да не знаю,

„Ну какъ я угадаю,

„Куда занесъ те Богъ?

„Никола больше крестъ, на пьетукови ногъ.

Монсье Ле Пти-Дьяблетъ ужъ трижды повторяетъ,

Большой слыша Крестъ извозикъ понимаетъ,

На куръ и ножки въ мигъ француза онъ отвезъ.

Когда жъ онъ съ дрожекъ слѣзъ,

Извозикъ къ платѣ той еще прибавки проситъ,

Ему доноситъ,

Что лишнихъ съ нимъ онъ верстъ проѣздилъ близъ пяти.

„Э то, онъ отвѣчалъ, мене везъ долго ти?

„А кто те баринъ зналъ? Извозикъ продолжаетъ,

„По чемъ кто угадаетъ?

„Давнобъ ты такъ сказалъ,

„На куръ и ножки свезъ себя бъ ты приказалъ;

„А то вить фхатъ ты на пѣтуховы ноги

„Велѣлъ; а эдакой дороги

„У насъ въ Москвѣ лихъ нѣтъ“.

„Пошолъ, отвѣтствуетъ ему, Ле-Пти-Дьяблетъ,

„Иа даль тебе, эшо я больше не имѣю,

У мене нѣтъ ни полюшъ.

Пошолъ, я разумѣю,

„Я знаю все равно, что курится, что пьетукъ“.

Б Ы Л Ь.

ФРАНЦУЗСКАЯ ЛАВКА.

Разврата обошла
 Ряды всѣхъ Рускихъ лавокъ,
 Нигдѣ по мысли не нашла
 Ни лентъ, ни шпилекъ, ни булавокъ.
 Все было не по ней;
 Ей не хотѣлось Рускихъ.
 На что дешевыхъ ей!
 Ей надобно французскихъ.
 Французское добро годится ко всему,
 Хоть дорого да мило;
 А Руское всегда не годно ни къ чему,
 Что дешево, то гнило.
 Россійской глупъ народъ,
 Не смыслить вымышлять различныхъ дамскихъ модъ.
 По правилу сему Разврата поступала,
 Что дорого, она лишь то и покупала.
 Пришедъ она къ купцу сказала: „буржуа!
 „Пожалуй покажи мнѣ ленты мердъ д'уа.
 Купецъ отъ радости себя позабываетъ,
 Кусокъ лентъ лучшихъ подаетъ,
 И чтобы скорѣй продать ей тотчасъ объявляетъ,
 Что онъ ихъ продаетъ
 Не дорогой цѣною.
 Маршанъ! монъ бонъ монсье, ты шутишь надо мною!
 Разврата слыша то, со гнѣвомъ бросивъ ихъ,
 Купцу такъ говоритъ: ты подаль видно Рускихъ,
 Не надо мнѣ такихъ;
 Мнѣ надобно французскихъ.
 Въ французскихъ лавкахъ тѣжъ изволите купить,
 Отвѣствуетъ купецъ, лишь только подороже.
 „Ахъ! Руская свинья! тебѣль меня учить,
 „И вкусъ въ нарядахъ знать твоей ли мерзкой рожѣ?
 „Какъ смѣлъ противъ меня разинуть ты свой ротъ?
 „Фуй! поврѣ дьябль ке тю э! ты глупъ, ты Руской скотъ!
 Сказавъ сіе она съ досадою уходитъ,
 Французскихъ лентъ купить къ французенкамъ приходитъ.
 Разврата въ лавку лишь французскую вошла,
 По мысли все нашла.
 Какія чепчики! какія это шляпки!
 Какіе калеси!
 Флеръ, крепъ, лино, цвѣты, и перья и накладки!
 И словомъ въ лавки сей всѣ вещи хороши;
 Да тутъ же и сидитъ не руская торговка,
 Старинная плутовка;
 Но честная мадамъ
 Французскія породы,
 Котора принимать умѣетъ знатныхъ дамъ,
 И изъ Парижа къ намъ выписываетъ моды.
 Что вымыслить сама, то модою зоветъ,
 И съ даннымъ именемъ Парижскимъ то слыветъ
 Парижская дрянца Московской лучше дряни,
 Достойна налагать на дамъ Россійскихъ дани,
 Достойна всѣхъ похвалъ.
 Не всякъ ли это скажетъ?
 И гордый самохвалъ
 Почтеніе къ ней кажетъ.
 А вы! Издатели французскихъ разныхъ модъ
 Достойны всякой славы!

Вы Руской учите перемѣнять народъ
 Свои на ваши нравы;
 Вы мудростью своей
 Въ изобрѣтѣніи всѣдневно моды новой
 Госпожъ и щеголей
 Увеселяете какой-нибудь обновой.
 За ваши всѣ труды
 И малы тѣ плоды,
 Что гривенную вещь за рубль вы отдаете,
 И Руское въ пять разъ дороже продаете.
 Какая въ лавкѣ сей дороже вещь была,
 Развратѣ болѣе казалась та мила.
 За все она платила
 Роскошною рукой,
 Мадамъ обогатила,
 Поѣхала домой.
 Дорогой веселится,
 Француженку благодаритъ;
 Хорошимъ все ей мнится,
 Она съ собой такъ говоритъ:
 Безсмысленные знать скоты вы Россіяне,
 Французы вамъ ли, ахъ, чета!
 И вы такіежъ Хрістіане
 Но мысль не знаю я чѣмъ ваша занята!

Оба приведенныхъ сатирическихъ стихотворенія, какъ можно видѣть, написаны очень бойко и характернымъ легкимъ стихомъ. „Французская лавка“ высмѣиваетъ слѣпое пристрастіе къ иностранцамъ, выражающееся въ данномъ случаѣ въ томъ, что „Разврата“ хочетъ обязательно покупать себѣ французскія ленты, несмотря на то, что русскія дешевле и нисколько не хуже. Во „Французскомъ променадѣ“ (или „Чертикѣ на дрожкахъ“), въ первой части стихотворенія, проводится та же самая мысль о томъ, что наши товары ничуть не хуже французскихъ, „однакожъ не такой за нихъ у насъ платежъ“, то есть наши вещи продаются дешевле. И въ томъ и другомъ стихотвореніи выводятся ловкіе французы — торговцы моднымъ товаромъ, склонные оба къ плутовству, наживающіеся и богатѣющіе на счетъ русскихъ. Замѣтимъ, что очень характеренъ также языкъ, которымъ говорятъ дѣйствующія лица той и другой пьески: Ле Пти-Дьяблеттъ коверкаетъ русскій языкъ, вмѣшивая въ него французскія слова („Монъ Дье“, „ти гранъ плутъ“), тогда какъ „Разврата“, говоря русскимъ языкомъ, вставляетъ въ разговоръ французскія выраженія („Маршанъ“, „монъ бонъ монсье“, „повръ дьябль ке тю э“).

Такимъ образомъ, ясно сходство этихъ двухъ пьесокъ, какъ въ отношеніи манеры разсказа, легкости стиха, такъ въ цѣли сатиры, направленной въ томъ и другомъ случаѣ на одинъ предметъ. Если же къ тому прибавить, что оба стихотворенія помѣщены въ одномъ журналѣ, въ одной и той же его части, въ смежныхъ номерахъ, то, кажется, можно считать несомнѣннымъ, что обѣ пьески написаны однимъ лицомъ.

Но авторъ „Французской лавки“ — А. Ѳ. Лабзинъ, бывший тогда студентомъ и сотрудничавшій въ „Вечерней Зарѣ“. Стихотвореніе „Французская лавка“, повидимому, въ свое время понравившееся, было въ слѣдующемъ — 1783 году перепечатано въ „Собесѣдникѣ любителей Россійскаго слова“, издававшемся княгиней Е. Р. Дашковой. Здѣсь, подъ текстомъ „Модной лавки“, имѣется подпись въ видѣ нѣсколькихъ цифръ,

которыя, по замѣнѣ ихъ соотвѣтствующими буквами, указываютъ имя автора — А. Лабзина. Это было разъяснено еще Н. А. Добролюбовымъ въ его извѣстной статьѣ о „Собесѣдникѣ“. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что и авторомъ другого стихотворенія — „Чертикъ на дрожкахъ“ (или „Французскій променадъ“) по всѣмъ основаніямъ можно считать того же А. Ѳ. Лабзина, а не Д. И. Фонвизина.

Такимъ образомъ, въ указываемомъ Пыпинымъ объявленіи, на основаніи котораго „Чертикъ на дрожкахъ“ приписывался Фонвизину, слѣдуетъ видѣть или случайную ошибку, или преднамѣренную неправильность въ означеніи имени автора, допущенную книгопродавцемъ для лучшаго сбыта книжки, въ расчетѣ, что читателей привлечетъ имя Фонвизина.

Что касается А. Ѳ. Лабзина, то біографамъ его слѣдуетъ отмѣтить, что, подобно своему учителю Н. И. Новикову, литературную дѣятельность онъ началъ сатирическими произведеніями. Въ той же „Вечерней Зарѣ“ найдутся другія пьески, которыя совершенно напоминаютъ два вышеуказанныя стихотворенія.

2. „Матюшка-разнощикъ“.

О посланіи „Матюшка-разнощикъ“ оставилъ свидѣтельство Новиковъ въ своемъ „Словарѣ писателей“. Говоря о томъ, что Фонвизинъ написалъ „много острыхъ и весьма хорошихъ стихотвореній“, Новиковъ упомянулъ особо о двухъ изъ нихъ — „Посланіи къ слугамъ“ и другомъ „Матюшка-разнощикъ“. По словамъ Новикова, оба эти сочиненія Фонвизина „свидѣтельствуютъ остроту его разума и тонкость въ сатирахъ“.

Кромѣ Новикова, о „Матюшкѣ-разнощикѣ“ упоминаетъ одинъ изъ писателей XVIII-го вѣка, современникъ Фонвизина — А. С. Хвостовъ. У Хвостова есть направленное на Фонвизина „Посланіе къ творцу посланія, или копія къ оригиналу“¹⁾. Высмѣивая здѣсь нѣкоторые литературные труды Фонвизина, Хвостовъ касается и его посланій, причемъ, кромѣ „Матюшки-разнощика“, и „Посланія къ слугамъ“, упоминаетъ также про „Посланіе къ Ямшикову“, отрывокъ изъ котораго печатается теперь въ полномъ собраніи сочиненій Фонвизина. Иронически сравнивая Ломоносова и Фонвизина, Хвостовъ, обращаясь къ послѣднему, говорить:

¹⁾ Указываемое посланіе А. С. Хвостова относится, несомнѣнно, къ 1781—82 г.г. Это видно изъ того, что Хвостовъ называетъ Фонвизина „почты членомъ“, а членомъ „Департамента правленія почтовыхъ дѣлъ“ Фонвизинъ былъ назначенъ въ 1781 году. Черезъ два года этотъ департаментъ былъ уничтоженъ, почтовое управленіе получило совсѣмъ новое устройство, но, какъ указываетъ А. П. Пятковский въ біографіи Фонвизина (въ „Сочиненіяхъ“, ред. П. А. Ефремова, Спб. 1866 г., стр. XXXI), онъ оставилъ службу въ почтовомъ вѣдомствѣ еще ранѣе: въ адресъ-календарѣ 1783 г. Фонвизина уже нѣтъ въ спискѣ чиновъ. Несмотря на то, что посланіе относится къ 1781—82 г.г. Хвостовъ касается въ немъ, главнымъ образомъ, раннихъ переводовъ и стихотвореній Фонвизина и лишь бѣгло упоминаетъ о „Бригадирѣ“. Это, конечно, объясняется тѣмъ, что Хвостовъ могъ направить свои насмѣшки только на слабыя стороны дѣятельности Фонвизина, которыя, естественно, болѣе проявились въ его раннихъ переводахъ и стихотвореніяхъ. — Посланіе Хвостова напечатано было кн. П. А. Вяземскимъ въ его книгѣ о Фонвизинѣ, а затѣмъ было включено, въ приложеніи къ тексту, въ „Полномъ собраніи сочиненій кн. П. А. Вяземскаго“, томъ V, Спб., 1880 г., стр. 216—220.

„А Ломоносову съ тобою лъзя ль равняться?
Онъ не заставилъ насъ ни разу размѣяться
Безсмертныхъ и живыхъ картинъ своихъ огнемъ;
Тебя жъ читая, мы всегда отъ смѣха мремъ.
Онъ славу Россiянъ, онъ славу пѣлъ Петрову;
А ты посланiе отправилъ къ Ямшикову;
Тотъ риторъ, тотъ пiитъ, любитель тотъ наукъ
И это все твоихъ не миновало рукъ.
Россiйскiй Пиндаръ сей на небеса взвивался;
Ты съ челядью своею въ системѣ упражнялся,
Что тряско разсуждать о свѣтѣ — утвердилъ,
И чрезъ Шумилова ¹⁾ то міру объявилъ“.

Переходя затѣмъ къ насмѣшкамъ надъ переводами Фонвизина — „Юсифомъ“ Битобе, „Сиднеемъ и Силли“, „Словомъ похвальнымъ Марку-Аврелію“, „Жизнью Сифа“, „Альзирой“, Хвостовъ послѣ этого снова возвращается къ посланіямъ, говоря:

„Но симъ не всѣ твои таланты изочтенны.
Чтобъ показать невѣждѣ великому числу.
Сколь гибокъ къ всякому твой разумъ ремеслу,
Особымъ ты перомъ и кистию своею,
Какъ яблочникъ писалъ къ разнощику Матвѣю ²⁾,
Задумалъ пошутить, и унтеръ офицеръ
Въ минуту сдѣлался проказъ твоихъ примѣръ,
Которымъ для затѣй такъ счастлива жеріоба,
Благословенная содѣлалась утроба ³⁾.
Актеромъ вздумалъ быть? всѣ знаютъ, какъ игралъ.
Софію полюбивъ, философомъ ты сталъ,
И мудреца титулъ почтенный, рѣдкій въ свѣтѣ,
Стяжалъ благодаря себѣ, конямъ, каретѣ ⁴⁾.
О, ты, котораго себѣ на похвалу,
Творецъ пустилъ на свѣтъ, какъ куклу по столу“!

Таковы упоминанія Хвостова о Фонвизинскихъ посланіяхъ. Мы хотимъ обратить вниманіе на слѣдующіе стихи изъ послѣдняго отрывка:

„Особымъ ты перомъ и кистию своею
Какъ яблочникъ писалъ къ разнощику Матвѣю
Задумалъ пошутить, и унтеръ-офицеръ
Въ минуту сдѣлался проказъ твоихъ примѣръ“.

Изъ этихъ словъ видна тѣсная связь между „унтеръ-офицеромъ“ и „Матюшкой разнощикомъ“. Мы понимаемъ эти слова такъ. Фонвизинъ задумалъ шутливо описать („пошутить“), „какъ яблочникъ писалъ къ разнощику Матвѣю“, и въ результатѣ — „въ минуту“ былъ выведенъ какой-то унтеръ-офицеръ, являющийся примѣромъ литературныхъ „проказъ“ Фонвизина. Значитъ, этотъ унтеръ-офицеръ фигурируетъ въ „Матюшкѣ-разношкѣ“.

Исслѣдователи дѣятельности Фонвизина обращали вниманіе на то, что въ посланіи Хвостова есть намекъ на „Матюшку-разнощика“, но никто не указалъ на связь этого стихотворенія Фонвизина съ упоми-

¹⁾ Одинъ изъ слугъ Фонвизина, къ которому было адресовано „Посланіе“.

²⁾ Конечно, намекъ на „Матюшку разнощика“.

³⁾ Здѣсь и ниже курсивъ подлинника.

⁴⁾ Эта строка намекаетъ на „Посланіе къ слугамъ“, изъ котораго взяты два слѣдующихъ стиха.

наніємъ о какомъ - то унтеръ - офицерѣ. Между тѣмъ, если мы, замѣтивъ это, обратимся къ печатающемуся въ собраніяхъ сочиненій Фонвизина отрывку изъ „Посланія къ Ямшикову“, то получимъ весьма любопытное указаніе. Вотъ начало этого посланія:

„Натуры пасынокъ, проказъ ея примѣръ,
Піита, философъ и унтеръ - офицеръ....“.

Далѣе рѣчь идетъ исключительно объ этомъ унтеръ - офицерѣ. Значитъ, онъ выведенъ въ томъ стихотвореніи Фонвизина, которое печатается подъ названіемъ отрывка изъ „Посланія къ Ямшикову“. Между тѣмъ, на основаніи словъ Хвостова, мы заключили, что унтеръ - офицеръ фигурируетъ въ „Матюшкѣ - разношикѣ“.

Для большаго уясненія вопроса приводимъ текстъ всего сохранившагося отрывка изъ „Посланія къ Ямшикову“.

„Натуры пасынокъ, проказъ ея примѣръ,
Піита, философъ и унтеръ - офицеръ!
Ограбленъ мачехой, обиженный судьбою,
Имѣетъ рѣдкій даръ — довольнымъ быть собою.
Простри ко мнѣ глаголь, скажи мнѣ свой секретъ:
Какъ то нашлось въ тебѣ, чего и въ умныхъ нѣтъ?
Доволенъ ты своей и прозой и стихами.
Доволенъ ты своимъ разсудкомъ и дѣлами,
И, цѣну чувствуя своихъ душевныхъ силъ,
Ты зависти въ себѣ ни въ комъ не возбудилъ.
О чудо странное! Блаженна та утроба,
Котора нѣкогда тобою была жерѣба!
Какъ погребъ начиненъ и пивомъ и виномъ,
И днемъ и ночью объятый крѣпкимъ сномъ,
Набивши носъ себѣ багровый лучезарный,
Блаженъ родитель твой, совѣтникъ титулярный!
Онъ бывши умными очами близорукъ,
Не ищетъ проникать во глубину наукъ,¹⁾

.....
Не ищетъ различать и вѣсить колкихъ словъ.
Безъ грамоты пить, безъ мыслей философъ,
Онъ, не читавъ Руссо, съ нимъ тотчасъ согласился,
Что чрезъ науки свѣтъ лишь только развратился,
И мнитъ, что
Блаженна, что отъ нихъ такой родился плодъ,
Который въ свѣтѣ семъ возстановитъ ихъ родъ“...

Сдѣланное выше заключеніе, что „піита, философъ и унтеръ - офицеръ“ выведенъ именно въ „Матюшкѣ - разношикѣ“ получаетъ въ текстѣ этого отрывка еще подтвержденіе. Въ посланіи Хвостова, въ связи съ упоминаніемъ „Матюшки - разношика“, приведена курсивомъ фраза, взятая, очевидно, изъ этого стихотворенія, именно:

„Которымъ для затѣй такъ счастлива жеріоба
Благословенная содѣлалась утроба“.

Но подобная фраза находится именно въ вышеприведенномъ текстѣ отрывка, печатаемаго подъ названіемъ „Посланія къ Ямшикову“. Здѣсь,

¹⁾ Далѣе гдѣ поставлены точки — пропускъ въ печатающемся отрывкѣ.

какъ видно изъ приведенныхъ стиховъ, эта фраза находится въ такомъ видѣ:

„ Блаженна та утроба,
Котора нѣкогда тобой была жереба“!

Изъ сказаннаго мы, основываясь на словахъ Хвостова, можемъ заключить, что тотъ отрывокъ, который печатается подъ названіемъ, „Посланіе къ Ямшикову“ является отрывкомъ изъ „Матюшки-разнощика“. Въ объясненіе этого недоразумѣнія мы можемъ предположить, что послѣднее посланіе имѣло два названія: одно, данное авторомъ — „Посланіе къ Ямшикову“, другое — сложившееся среди читателей — „Матюшка-разнощикъ“. Въ такомъ случаѣ этотъ „Матюшка“, вѣроятно, и есть выведенный въ посланіи „піита, философъ и унтеръ-офицеръ“.

Въ пользу нашего мнѣнія о тождественности „Матюшки-разнощика“ съ „Посланіемъ къ Ямшикову“ можетъ говорить также то, что ни Новиковъ, ни митрополитъ Евгеній совершенно не указываютъ „Посланія къ Ямшикову“. Новиковъ называетъ два посланія Фонвизина — „Матюшка-разнощикъ“ и „Посланіе къ слугамъ“. Между тѣмъ несомнѣнно, что если бы было бы еще третье — „Посланіе къ Ямшикову“, то оно относилось бы, какъ и два другія посланія, къ раннему періоду дѣятельности Фонвизина, къ 60-ымъ годамъ, точнѣе даже — къ серединѣ ихъ. П. А. Ефремовъ предполагаетъ, что „Посланіе къ Ямшикову“ (отождествляемое нами съ „Матюшкой“) относится къ 1761—64 году ¹⁾. Въ такомъ случаѣ Новиковъ, думается, упомянулъ бы и о третьемъ посланіи, если бы оно существовало.

Что касается того, кого именно вывелъ Фонвизинъ подъ именемъ „піиты, философа и унтеръ-офицера“, то по этому поводу осталось одно указаніе въ „Запискахъ“ С. П. Жихарева ²⁾. Этотъ мемуаристъ упоминаетъ тамъ объ „извѣстномъ уличномъ стихотворицѣ старикѣ Патрикѣичѣ“. Въ позднѣйшемъ примѣчаніи къ тексту воспоминаній Жихаревъ сообщилъ еще кое-что объ этомъ стихотворицѣ: „Патрикѣичъ, говоритъ Жихаревъ, въ свое время былъ въ модѣ и служилъ потѣхою многимъ умнымъ людямъ, въ томъ числѣ и Фонвизину, на котораго написалъ онъ, такъ называемую имъ, эпиграмму:

„Открылся нѣкій Діонистръ (то есть Денисъ)
Мнимый намѣстникъ и министръ
Столпотворенію себя уподобляетъ!“ и проч.

Авторъ, „Недоросля“ „отвѣтилъ ему также стихами, оканчивающимися такъ:

„Счастлива та утроба,
Котора нѣкогда тобой была жереба“.

Приведенное выраженіе какъ мы видѣли, находится въ печатающемся отрывкѣ изъ „Посланія къ Ямшикову“. Такимъ образомъ, это и указываетъ на кого, по словамъ Жихарева, было направлено это посланіе ³⁾.

¹⁾ „Сочиненія Фонвизина“, ред. П. А. Ефремова, 1864 г., стр. 665.

²⁾ „Записки С. П. Жихарева. Изданіе „Русскаго Архива“, Москва, 1890 г., стр. 385.

³⁾ Сопоставленіе словъ Жихарева, съ „Посланіемъ къ Ямшикову“ было сдѣлано въ замѣткѣ „Русскаго библіографа“, въ „Библіографическихъ Запискахъ“, 1892 г., № 11, стр. 807—808.

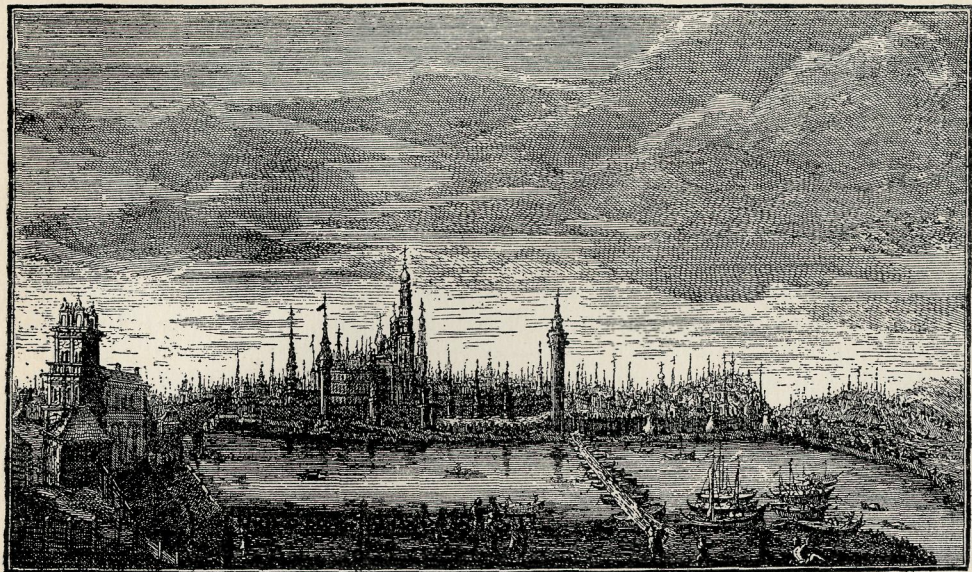
Жихаревъ приводитъ еще нѣкоторыя свѣдѣнія о Патрикѣичѣ и сообщаетъ, между прочимъ, начало какого-то нелѣпаго стихотворенія, поднесеннаго имъ архіепископу калужскому Теофилактѣ. Стихотвореніе это оканчивалось пожеланіемъ, чтобы преосвященный взглянулъ „любезно“ на посланіе, приносимое имъ „безмездно“, но въ выноскѣ къ этому было прибавлено, что послѣднее выраженіе употреблено только для риѣмы, а сочинитель не прочь и отъ подарка.

Указаніе Жихарева на Патрикѣича, какъ на лицо, выводимое въ посланіи Фонвизина, представляется намъ очень сомнительнымъ. Этотъ Патрикѣичъ, кстати сказать упоминающійся въ одной изъ сатиръ писателя начала Александровскаго царствованія С. Н. Марина, видимо, жилъ позднѣе того времени, когда было написано Фонвизинское посланіе. По крайней мѣрѣ, архіепископъ калужскій Теофилактъ, которому Патрикѣичъ поднесъ свои нелѣпыя вирши, былъ назначенъ въ Калугу лишь въ 1803 году. Жихаревъ упоминаетъ о Патрикѣичѣ подъ 1807 годомъ своихъ „Записокъ“. Поэтому мы думаемъ, что Патрикѣичъ славился, притомъ едва ли въ особенно широкомъ кругу, приблизительно въ это время. Посланіе же къ Ямшикову написано въ 60-ыхъ годахъ XVIII вѣка. Очень трудно допустить, чтобы этотъ Патрикѣичъ въ теченіе цѣлаго полустолѣтія былъ какимъ-то „уличнымъ стихотворцемъ“, какъ его называетъ Жихаревъ. Да и, судя по приведенному началу эпитаграммы — „Открылся нѣкій Діонистръ“, по характеру посвященія стиховъ Теофилактѣ и по совершенно бессмысленному (судя по сообщеннымъ Жихаревымъ начальнымъ строкамъ) ихъ содержанію, Патрикѣичъ былъ просто ничтожнымъ слагателемъ риѣмъ на вирши котораго Фонвизинъ, конечно, не обратилъ бы никакого вниманія.

Гораздо вѣроятнѣе, что „піита, философъ и унтеръ-офицеръ“ — это кто-нибудь изъ писателей 60-ыхъ годовъ, но кто именно, на основаніи сохранившагося отрывка, сказать невозможно.

В. Семенниковъ.

Грав. Иванъ Соловьевъ

ЗАПИСКИ КН. И. М. ДОЛГОРУКОВА.

Mémoires du prince J. Dolgoroukoff.

(Продолженіе).

1793.

Десять лѣтъ какъ я Исторіею моею не занимался. Десять лѣтъ записки мои ѣздили со мной съ мѣста на мѣсто и въ большомъ нашлись безпорядкѣ, когда я въ 1803 году опомнился, и въ свободной какъ то часть заглянувши въ нихъ, вздумалъ продолжать такое сочиненіе, котораго польза со временемъ можетъ быть ощутительна для дѣтей моихъ. Много съ тѣхъ поръ какъ я остановился воды утекло. Много людей померло, возвеличилось, — паки упало, — словомъ, перемѣнъ много было вокругъ меня. Разбиваемъ бывъ въ сіе время разными приключеніями, какъ на волнахъ носимый по произволу непогодъ яликъ наконецъ отдохнулъ у тихаго пристанища, и подобно какъ мореходецъ, который послѣ долгаго на морѣ плаванія возвращаясь домой находить свои пожитки цѣлы и сохранны, такъ благодаря Бога и я, взглянувъ въ свои записки, сравнивая себя нынѣ съ собой десять лѣтъ назадъ, нахожу душу мою, сердце и правила все тѣми же; несчастія, злосудія тѣснили меня до вратъ адовыхъ, но духъ мой устоялъ, и непоколебимъ пребылъ противу всѣхъ покушеній моихъ недоброхотовъ. Хотя я еще далеко отстаю отъ конца моего путешествія, ибо человѣкъ, который не по волѣ своей, но по обстоятельствамъ живетъ внѣ своей родины, долженъ надѣяться что рано или поздно воротится въ оную, и слѣдовательно еще странствовать будетъ; но смѣю нынешнее положеніе мое назвать пристанищемъ потому, что опытность научила смотрѣть на все равнодушнѣе прежняго, снисходить

больше слабостямъ человѣческимъ; научила чувствовать что противу силы политической также опасно вооружаться, какъ и противу рожна прать, и потому сталъ я смиренѣе, а кто съ равнодушіемъ смотритъ на людей на того и они, обращая взоръ самой холодной, оставляютъ его въ покоѣ; вотъ въ какомъ отношеніи разумѣю я жизнь свою нынешнею тихимъ пристанищемъ. Не найдетъ ли здѣсь кто противурѣчія, ибо я выше сказалъ что правила мои тѣже, — да тѣже конечно, но употребленіе ихъ въ мірѣ внѣ себя съ прочими совсѣмъ стало иное. По етому опытность была мнѣ полезна? Всеконечно; безъ нее были ли бы люди то, что они есть подъ старость? Конечно нѣтъ, и въ етомъ никто не сомнѣвается.

Не ужели воротится назадъ, напомнить живымъ образомъ и какъ бы вновь почувствовать такіе случаи, кои хотѣлось бы въ вѣчное погрузить забвеніе. Не ужели? Но начавши дѣло, и начавши съ предвидимою отъ него пользою стыдно остановится и не кончить. И такъ начну. Я не буду съ тою подробностію останавливаться на многихъ не вообще замѣчательныхъ произшествіяхъ, какъ прежде бесѣдуя объ нихъ надоѣдалъ юному моему читателю, (ибо я все въ предмѣтѣ имѣю сына моего, или сыновей вмѣстѣ) но не пропущу ничего такого, что нужно будетъ для утвержденія на сердцахъ ихъ печати нравственности, для вкорененія въ нихъ страха Божія и любви къ чести, которая должна быть первою пружиною всѣхъ дѣйствій человѣка, и для того все то почту не лишнимъ, что къ сей цѣли приблизить меня можетъ.

Въ прошедшемъ годѣ сказано было, что я собирался въ отпускъ ѣхать и дѣйствительно я оного на поданное отъ меня по формѣ прошеніе начиналъ ожидать. Скоро сказка сказывается, но не скоро дѣлается. Я пишу по русски какъ человѣкъ простой и не грамотѣй, слѣдовательно кстати включить пословицу русскую мнѣ не запретится. Прозьба моя подана была въ Намѣстническое Правленіе, откуда пошла въ Сенатъ. Сенатъ долженъ былъ ее слушать, хотя и слушать въ едакой бумагѣ нѣчего, доложить Государынѣ. Государынѣ объявить указъ, и наконецъ указъ сей изъ Сената дошолъ бы въ Губернское Правленіе, а оное мнѣ черезъ Казенную Палату о семъ дало знать. Вотъ порядокъ дѣла. Вотъ какія потребны были предисловія на то, чтобъ мнѣ сѣсть въ карету и ѣхать въ Москву. Все сіе могло бы сдѣлаться легче, что мы увидимъ гораздо позже, но тогда всякой еще любилъ держатся заведеннаго порядка изстари, и къ облегченію затрудненій во всякомъ родѣ никакихъ не прилагалъ трудовъ своихъ. Путешествіе, къ которому я приготовлялся, составляло Эпоху въ Исторіи моей не только того года, но и многихъ лѣтъ, что послѣдствія оказали, ибо я уже съ тѣхъ поръ въ Петербургѣ не бывалъ, а потому объ немъ и стану говорить, какъ о вещи для меня достопамятной. Но прежде не лишнее будетъ для связи описываемаго года съ предшествовавшими нѣчто молвить и о настоящихъ моихъ въ самой Пензѣ обстоятельствахъ. Ссора моя съ Губернаторомъ продолжалась, онъ дѣлалъ мнѣ всякія неудовольствія, которыми я отвѣчалъ упорствомъ и непреклонностію; сіи два свойства ужасны въ подчиненномъ для начальника, которой по характеру, по грубому сложенію ума и костей хочетъ быть деспотомъ. Между нами двумя меньше было согласія чѣмъ между холода и жара. Не стану я описывать здѣсь разныхъ бумажныхъ нашихъ раздоровъ, повторять ихъ скучно и для

меня и для читателя; нѣкоторой имъ обрашкѣ показалъ я съ самага начала, а для любопытнаго полную далъ свободу порыться въ статскомъ моемъ журналѣ. Тамъ онъ найдетъ собраніе всѣхъ тѣхъ бумагъ, кои изъ пера моего выходили, а изъ нихъ увидитъ и свойство моихъ досадъ на Губернатора. Тогда я еще любилъ службу какъ любовницу. Въ восхищеніи юнаго человѣка, которой на все смотритъ съ пламеннымъ желаніемъ свѣтъ образованъ и сдѣлать лучшимъ, я писалъ не приказнымъ слогомъ и не авторскимъ, а вдохновеннымъ самой Природою т. е. такъ какъ думалъ и чувствовалъ, слѣдовательно много найдется въ рукописяхъ моихъ не стройнаго, но для чувствъ моихъ оборотъ рѣчи можетъ ли быть предосудителенъ. Ахъ! — ежели бы люди всегда писали то, что подлинно чувствуютъ и мыслятъ, менѣ ли бы мы были благополучны? Но нѣтъ! Съ тѣхъ поръ какъ стали мы красоту слога наблюдать, съ тѣхъ поръ помрачилась красота чувствъ нашихъ и мыслей. Вѣкъ краснорѣчія и во Франціи не былъ вѣкъ блаженства. Говоря о слогѣ кстати скажу здѣсь что кн. Куракинъ писалъ ко мнѣ поздравительное письмо съ новымъ годомъ по французски; нѣсколько строкъ въ немъ было немѣскихъ для моего Павлуши; такъ то помнилъ князь все что мнѣ принадлежало; онъ мнѣ желалъ благъ земныхъ и подписывался моимъ другомъ. Нѣсколько лѣтъ спустя какъ явственно онъ мнѣ доказалъ и то и другое. Письмо было написано прекрасно; нигдѣ ни одной ошибки, и я читая его при всякой строкѣ, готовъ былъ ему сказать какъ въ комедіи называемой Злоумъ: Да ты етого не думаешь. Онъ самъ можетъ быть тяготился такимъ самому себѣ наглýmъ противорѣчіемъ, но онъ думалъ что такъ должно. Будучи поставщикъ и откупщикъ не смотря на величавость свою и надутое мнѣніе о важной его породѣ, сей князь охотно снисходилъ и до самыхъ низкихъ степеней въ свѣтѣ, ибо скоро получилъ я отъ него въ томъ же году письмо (въ коемъ онъ мнѣ рекомендовалъ Злобина, рекомендовалъ его какъ друга и рекомендовалъ именемъ нашего дружества). Кътожь етотъ Злобинъ? Купецъ изъ города Вольска, котораго немаловажной капиталъ служилъ часто князю вспомогательнымъ войскомъ въ его винной промышленности. Довольно сей причины чтобъ употребить до нѣскольку разъ въ письмѣ писанномъ въ его пользу священное имя дружбы. О! наша могла быть такъ унижена. Она состояла въ однихъ буквахъ, составляющихъ ея названіе, но сколь далеко отстояла отъ сердца нашихъ.

Мы питались безпрестанно чаяніемъ быть въ Москвѣ и видится съ милыми сердцу. Во ожиданіи такого пріятнаго времени провождалъ я въ Пензѣ настоящее очень скучно. Будущее всегда врагъ настоящему, но принесло мнѣ нѣкоторое удовольствіе тогда посѣщеніе Палласа.¹⁾ Сей ученый человѣкъ извѣстный въ Европѣ натуралистъ, ѣхалъ въ Астрахань и намѣревался обнять въ пути своемъ Пензу и Саратовъ; онъ имѣлъ ко мнѣ нѣкоторыя рекомендательныя письма, я же съ нимъ былъ знакомъ и прежде. Свиданіе съ нимъ было для меня пріятнѣе тутъ, нежели въ иномъ мѣстѣ, ибо внѣ своей родины живучи обрадуешься и самому равнодушному знакомцу, который подъ однимъ съ то-

¹⁾ Петръ Симонъ Палласъ докторъ мед., ордин. академикъ Спб. Ак. Наукъ, путешественникъ и естествоиспытатель. Авторъ многихъ трудовъ по описанію Россіи. Вызванъ Императрицею въ 1767 г. (1741—1811).

бой небомъ жилъ прежде. Съ нимъ сопутствовали жена его, дама любезная, и дочь дѣвица милая, которая къ пригожеству лица присоединяла пріятные таланты и играла на Арфѣ. О! какъ плѣнительно слышать такую сладкую музыку, гдѣ же? Въ Камчадалахъ! Ошибся — въ Пензѣ — все равно! Онъ не много нашелъ пищи для своего любопытства. Г. Мартыновъ громогласно похваляющійся своимъ кабинетомъ и собранными минералами, показывалъ ему оной съ большимъ высокоуміемъ, и дѣйствительно Палласъ признавался что онъ штуки двѣ нашелъ замѣчательными; довольно было для тщеславія владѣльца; вездѣ гдѣ онъ ни встрѣчался съ кѣмъ, вездѣ твердилъ о Палласѣ и о своихъ двухъ рѣдкостяхъ. Вивать просвѣщеніе! Наконецъ получилъ я отпускъ, и не медля ни мало отправился съ женою въ Москву. Поспѣшность моя уѣхать изъ Пензы доказывалась тѣмъ, что я на самой масленицѣ отправился, но дабы въ такую пьяную пору не подвергнуться разнымъ непріятностямъ и остановкамъ, мы прошатались по своей Губерніи, гдѣ гораздо болѣе спосовъ имѣли проѣхать спокойно нежели въ другой. И такъ мы посѣтили въ уѣздѣ Таптыкова ¹⁾ и побывавъ на первой недѣли поста въ Саровской пустынѣ прямо поскакали въ Москву. Это было въ мартѣ, дорога и погода были наилучшія.

Въ разѣздахъ кои часто встрѣчаются съ нами по нашей доброй волѣ, а чаще того по необходимости, мало бы было для насъ пользы, еслибъ мы, равнодушно взирая на всѣ предмѣты безъ разбора, не давали мѣста въ памяти нашей тому что нѣкотораго вниманія стоитъ. Не всѣ мѣста на путяхъ нашихъ лежащія, достойны отличены быть продолжительнымъ объ нихъ напоминаніемъ, но нѣкоторыя, такъ какъ въ етомъ нашемъ переѣздѣ упомянутая пустыня заслуживаетъ краткое о себѣ описаніе. Саровская пустыня окружена прекрасною лѣсною дачею, которая ей укрѣплена грамотою Екатерины Вторыя. Монастырь прекрасно обстроенный камнемъ стоитъ на горѣ и въ самой густой внутренности лѣса, такъ что не прежде его можно увидѣть какъ подъѣхавши почти подъ звукъ его колоколовъ; братіи тутъ человѣкъ до двухъ сотъ тогда было, и настоятель ихъ Пахомій старецъ весьма учтивый и добродѣтельный. Онъ былъ монахъ безъ реторики и угрожалъ Богу безъ Богословскихъ аргументовъ. Богатство пустынное повсюду показывалось у нихъ между разныхъ заведеній доказывающихъ трудолюбіе ихъ и трезвую жизнь. (Но я не говорю о всѣхъ; въ семьѣ не безъ уroda). Была и аптека которой управлялъ лѣкарской ученикъ прилѣпившійся къ ихъ смиренной жизни и промѣнявшій на чотки тупой свой ланцетъ. О вкусахъ спорить не лзя; по мнѣ я бы и то и другое бросилъ на дорогѣ. Ахъ нѣтъ! Я бы ланцетъ сберегъ, отдалъ бы его врачу и онъ въ его рукахъ былъ бы полезенъ, а чотки ни въ какихъ ни на что не нужны. Я былъ въ ихъ пустынѣ въ самой Чистой Понедѣльникъ. Рѣдкой и унылой звонъ колокола, ихъ вседневное пѣніе въ церкви, въ которую и женщинъ не пускаютъ, а одни Монахи по очереди денно и ночью воспѣвають псалмы, сіи неподобныя стихотворенія краснорѣчиваго Давида, отголосокъ толстой столповыхъ пѣсней, которой кажется самыя стѣны въ уши мои ужасно отражали, мрачное одѣяніе унылыхъ анахоретовъ, — все мнѣ представляло живую картину поста, и воображеніе мое погру-

¹⁾ Николай Михайловичъ пензенскій помѣщикъ. См. „Капище“.

жало всѣ мои чувства въ благоговѣйное нѣкое иступленіе, которое соотвѣтствовало видимымъ предметамъ. Саровская пустыня одна изъ знатнѣйшихъ въ нашемъ Государствѣ. Но какое противорѣчіе! Пустыня, и двѣсти человѣкъ живущихъ въ одномъ обществѣ; пустыня и пушки, ибо и у нихъ были свои маленькія орудія, кои по праздникамъ бывали не безъ употребленія; пустыня и пребогатыя олтари, утвари, кельи, избильныя поварни, роскошныя трапезы. Согласите все сіе въ умѣ вашемъ. Когда мой языкъ выговариваетъ слово пустыня, то мысль съ тѣмъ вмѣстѣ представляетъ нѣчто пустое, пещеру отдаленную отъ глазъ постороннихъ, убѣжище въ разсѣлинѣ каменной, въ пещерѣ и горѣ не обитаемой, а не собраніе въ прекрасномъ храмѣ сіяющемъ фольгою и золотомъ; нѣсколько тучныхъ монаховъ, кои пообѣдавши какъ Сибариты, поютъ вечерню для единого только провѣденія времени и во увѣреніе изумленнымъ зрителямъ, что они иногда и въ церковь ходятъ. На что монастырь? На что монахъ? Покровительство праздности и тунеатству на счетъ слабоумныхъ, кои, подавши на свѣчу гривну, думаютъ закупить тѣмъ Царство Божіе. О! Какое уничижительное мы имѣемъ понятіе о Царствѣ Божіемъ! Мы христіане! Мы которыя именемъ его и чудесами такъ гордо превозносимся, и мы то душаемъ что Царство Божіе, предъ которымъ милліоны сокровищъ нашихъ меньше зерна песочнаго на краю пространнаго моря, можетъ быть куплено и приобрѣтено золотникомъ ладона, полушечной свѣчкой и тому подобными приношеніями, да еще и въ самомъ худшемъ видѣ; ибо я ни въ одной церкви не видалъ свѣчъ передъ образами изъ чистаго воску, а масло, и его жгутъ самое худое и ни на что другое не нужное. О какое чистосердечное пожертвованіе избытковъ нашихъ, тогда какъ въ клобахъ, маскарadaхъ по тысячи сгараютъ свѣчъ въ вечеръ наичистѣйшаго воска. О смертныя! О мои друзья! На что всѣ ети игрушки? На что такое притворство? и передъ кѣмъ? Передъ нашимъ Творцомъ! Жизнь безпорочная по крайней мѣрѣ по возможности благотворная, вотъ даръ, вотъ жертва наша Богу! Другой ему не надо. Но какъ далеко я отбился отъ своей матеріи, — однако не напрасно. Дѣти мои сіе прочтутъ, и да воспользуются моимъ краткимъ примѣчаніемъ, которое кончу тѣмъ, что ежели монастыри уже стали необходимы, то желательно чтобы они всѣ походили на Саровскую пустыню, ибо бывъ въ ней въ разныя времена, нашелъ что въ числѣ монаховъ многіе трезвы, не всѣ воняютъ, и ни одного нѣтъ ханжи.

До пріѣзда еще моего въ Москву, мысль моя уже ее встрѣчала. Воображенію моему представлялись яркія верхи соборныхъ главъ Московскихъ, которыхъ никогда не могъ я видѣть, подѣлывая къ Москвѣ, безъ сердечнаго трепетанія. Я видѣлъ каждой уголокъ моего родительскаго дома, я глядѣлъ мысленно на стѣны того флигеля, изъ котораго меня въ слезахъ выпроводили въ Пензу. Ахъ! слезы мною тогда пролитыя были предвѣстники моихъ несносныхъ огорченій, и теперь обрадовался ли бы я столько увидя Московскую заставу, еслибы я умѣлъ предчувствовать что я ѣду въ послѣдній разъ обнять Отца? Пріѣзжаемъ мы въ Москву, нахожу я Отца моего въ болѣзненномъ состояніи изнемогающаго подъ игомъ различныхъ недуговъ соединившихся для нанесенія ему послѣдняго удара. Все впрочемъ въ семействѣ нашемъ было благополучно; дочь наша Маша росла и забавляла дѣдушку. Мать моя была здорова, сестра съ мужемъ заводились дѣтьми,

другія сохли по Отцѣ, свидѣтельницами бывъ ежечастной его муки; все было бы хорошо, но онъ таялъ: онъ умиралъ, и мы оба не могли другъ отъ друга скрыть что мы въ послѣдній разъ видимся. Умъ его однако не терялъ своей силы и сіе удвоивало его страданія. Проѣзжая Москву какъ молнія, я представлялъ себѣ видѣть друзей моихъ и пріятелей на возвратномъ пути, а тутъ дня три пребыванія моего употребилъ на безпрестанное бесѣдованіе съ Отцомъ моимъ; въ послѣдній разъ изустныя его наставленія селились въ душѣ моей. Я изъяснилъ ему цѣль поѣздки моей въ Петербургъ. Мнѣ хочется, такъ говорилъ я ему, рекомендовать себя лично новому Генералъ Прокурору, показать ему нѣкоторыя мои бумаги, на счетъ многихъ съ нимъ посовѣтываться; словомъ обратить на себя вниманіе Правительства, убѣдить его взглянуть на мои труды, дать имъ вѣсъ, и поставить преграду притѣсненіямъ моего Начальника. Опытной мой старикъ слушалъ и улыбался; онъ радовался моимъ патриотизмомъ, но зная что онъ никогда успѣха не имѣетъ, смѣялся моимъ словамъ, моему пылкому воображенію какъ затѣямъ юноши, которой въ мечтахъ розоваго цвѣта, всю жизнь свою провождаетъ. Планъ мой, продолжалъ я, великъ, срокъ отпуска моего малъ и приближается почти; все правда, но я надѣюсь что человѣку, которой не послѣднее мѣсто въ Губерніи занимаетъ и попеченію коего, порученъ миллионъ слишкомъ казеннаго дохода, дадутъ время объясниться, отсрочатъ, выслушаютъ его, я же не о себѣ, не о своихъ выгодахъ, но о пользѣ Государевой въ томъ краю гдѣ она мнѣ препоручена хлопотать ѣду. Довольно думать я и того, что я принужденъ на свой счетъ ѣхать съ полудня на сѣверъ, для соглашенія обстоятельствъ, имѣющихъ вліяніе на выгоды не столько мои какъ казенныя. Въ порядочномъ образѣ правленія и сію необходимость можно бы почестъ наглým принужденіемъ Правительства; но гдѣ слово рабъ только Государемъ истребляется, а вельможею еще проповѣдуется со всею его тягостію, тамъ не должно надѣяться что по почтѣ посланная бумага произведетъ свое дѣйствіе. Тамъ жадной взоръ Генералъ Прокурора, Экспедиторовъ и сенатскихъ Секретарей такъ привыкъ видѣть вездѣ корысть и находку, что никакой Вищъ Губернаторъ не могъ успѣть ни въ чемъ, когда самъ не спѣшилъ себя показать симъ полу-боярамъ. Но мнѣ съ етой стороны ѣхать и не ѣхать было все равно, ибо зная отчасти что въ Питерѣ слово завтра въ большемъ употребленіи, и боясь, чтобъ оно не довело меня до невозможности скоро выѣхать, рѣшился я предохранить себя и взять съ собой только сто рублей, дабы прожить не больше времени какъ во сколько можно бы было прожить ихъ, слѣдовательно сею выдумкою я вооружась самъ противъ себя, ставилъ себя въ необходимости не взирая ни на какія лестныя къ завтраму упованія, которымъ бы не было конца, выѣхать и тогда, когда бы мнѣ не хотѣлось. Не всегда человѣкъ долженъ опираться на свое благоразуміе, часто оно обманчиво иногда нужно руки себѣ связать чтобы не шалить ими, и подкрѣплять моральное благонравіе, отнятіемъ физической возможности поступать вопреки добрымъ правиламъ и чести. Все это я сдавалъ съ души отягощенной, съ души убитой худыми противу меня поступками, милому моему родителю и другу. Мы бесѣдовали вмѣстѣ, онъ слушалъ меня со вниманіемъ, видѣлъ мою неопытность, незрѣлое мое о вещахъ помятіе, видѣлъ что я не вижу человѣка каковъ онъ есть, а воображаю

его какимъ я хочу, но вмѣстѣ съ етимъ познавалъ зрѣлость вперенныхъ въ меня его правилъ, видѣлъ, что я преемникомъ буду его безкорыстія, что мздопріятіе не заражаетъ сердца моего, и что честность не причастна порчи во мнѣ. Таковыя примѣчанія его успокоивали, нѣжили его на одрѣ болѣзни; онъ былъ мною доволенъ, а я тѣмъ то и былъ счастливъ, ибо хорошее его обо мнѣ мнѣніе составляло всю цѣль моихъ заботъ. Въ такомъ пріятномъ употребленіи нѣсколькихъ дней, забывалъ я Пензенскія непогоды, и отдохнувъ съ вожделеніемъ оставилъ жену въ Москвѣ, а самъ поѣхалъ въ Петербургъ, и дорогою готовился къ новымъ трудамъ. Кто знаетъ Петербургъ, тотъ легко вообразить можетъ какое множество ихъ должно было меня встрѣтить къ пріобретенію успѣха въ моемъ намѣреніи, а паче послѣ извѣстныхъ правилъ, коими набита была у меня голова и сердце. Поѣдемъ читатель, поѣдемъ. Скоро будемъ на Невѣ, и увидимъ шпигъ Адмиралтейства.

Вотъ и онъ, сказалъ мнѣ мой слуга подѣбжая къ заставѣ. Я спалъ тогда въ саняхъ своихъ, проснулся, увидѣлъ Семеновскія свѣтелки, вспомнилъ свое въ нихъ житіе бытіе и горестно вздохнулъ о томъ, что все это прошло. Часовой мимо котораго я ѣхалъ едва обратилъ бы наше вниманіе во всякое другое время; тутъ я лишь увидѣлъ синій воротникъ, которымъ отличался Семеновской полкъ, готовъ былъ обнять его какъ роднаго. Остановился я въ четвертой ротѣ, нанялъ горенку у одного придворнаго служителя за плату очень небольшую, а именно за пять рублей съ отопкой на десять дней; я болѣе жить тамъ не располагался и каждой день ложась спать, также вставая, искренно совѣтывался съ кошелькомъ своимъ и руководствовался его наставленіемъ. Вотъ какъ приготовлялся жить въ Петербургѣ Низовой Вицъ Губернаторъ, который могъ бы проживать тысячи; и въ самой вещи одинъ изъ подобныхъ мнѣ въ тоже время случившійся наѣздомъ въ Петербургѣ, жилъ у Демута ¹⁾ въ трактирѣ, платилъ по дватцати пяти рублей за горницу въ мѣсяцъ, и ѣздилъ цугомъ по ямскому. Хозяинъ мой сперва считалъ меня за скрягу, но скоро увидѣлъ что не душа лжетъ, мощна, и сталъ сквозь зубы бормотать что я дуракъ. Подлинно такъ, другъ мой, говорю и я спустя десять лѣтъ; правильно ты разсуждалъ обо мнѣ тогда какъ я ни о себѣ, ни о вещахъ меня одежащихъ разсуждать еще не смыслилъ.

Отдохнувши нѣсколько часовъ и выспавшись хорошенько поѣхалъ къ Генералу Прокурору Самойлову ¹⁾. Повезли меня туда въ кареткѣ наемной на смиренной четверкѣ. Я былъ еще первой гость въ его передней, понеже было рано — скоро наполнилась эта зала; онъ жилъ въ великолѣпномъ домѣ; мало по малу начали къ нему пускать его посѣтителей по одиначкѣ и по выбору, но до меня не доходило очереди. Наконецъ, и этаго конца ждалъ я все утро, вышелъ его высокопревосходительство, и удостоилъ меня самою Музюльманскою улыбкою. Первой на него взглядъ меня чрезмѣрно удивилъ. Чтожъ такое? Онъ былъ въ армейскомъ мундирѣ и въ шпорахъ. Генераль Прокуроръ въ шпорахъ не общалъ что то ничего благоразумнаго и дѣльнаго. Послѣ мы ко всему такому привыкли, но при Екатеринѣ, статская служба еще не нашивала ботфортовъ, и хотя въ ней знатные люди нашу братью мѣлочъ и безъ

¹⁾ См. № III, стр. 75.

шпоръ задѣвали сильнѣе, чѣмъ ими худой кавалеристъ подстрѣкаетъ драгунскую клячку, однако всѣ такія ухватки они еще закрывали подъ своими барскими епанчами. Для перваго утра довольно было и того что его Высокопревосходительство изволилъ меня увидетьъ, на завтра я надѣялся удостоится больше. Между тѣмъ Генераль Прокуроръ шаркнулъ, стукнулъ шпорами, потрясъ ексельбантомъ, и поднявъ очень высоко голову выступилъ. Я примѣтилъ, что у кого душонка въ вершокъ, у того голова всегда съ большую тыкву, и очень высоко посажена на плечи. За нимъ толпа челобитчиковъ и тѣхъ къ кому они до Генераль Прокурора по одиначкѣ ходятъ; всѣ разѣхались по своимъ мѣстамъ, а я сѣлъ въ карету, и помчался по всему городу, навѣщалъ безъ разбору родныхъ и знакомыхъ; всему дивился, иному радовался, но ничѣмъ почти не скупчалъ. О новости! Какія ты имѣешь пріятности! Въ самое ето время гостилъ въ Петербургѣ графъ д'Артоа¹⁾, принцъ крови, отрасль гонимаго Бурбонскаго дома. По смерти Лудовика XVI, котораго въ Генварѣ посадили на Гильотину, и заточенія жены его въ тѣмницу, откуда она, не помѣшавъ, вышла на ту же плаху, Принцы сіи ѣздили по бѣлу свѣту въ черной своей одеждѣ, ища хлѣба и пристанища. Екатерина! Кто Тебѣ въ Царяхъ бывалъ когда подобенъ? Ты его приняла, обогатила щедрыми своими дарами, заставила забыть на минуту всю тягость его положенія. Ахъ! для несчастнаго такая минута при всей ея краткости драгоценнѣе цѣлаго года въ праздникахъ убитаго роскошнымъ тунеядцомъ. Графъ д'Артоа всюду ѣздилъ, вездѣ отворены ему были двери; онъ любопытствовалъ все видѣть, и Самойловъ ему все казалъ. Постъ не позволялъ ни баловъ, ни музыки, которая при глубокомъ траурѣ двора по Французскихъ Монархахъ, была бы не у мѣста и во всякое другое время; но богатые Господа, Министры Иностранная давали ему вечеровыя пиршества, и изъ нихъ на нѣкоторыхъ случилось и мнѣ его видѣть, какъ то: у гр. Строгонова²⁾ моего дяди, и у Неаполитанскаго Посланника. Слѣдовательно въ сихъ собраніяхъ удавалось мнѣ видѣть весь городъ, т. е. лучшихъ людей, но какъ не всѣ лучшія люди по пирамъ ѣздить, а многія сидятъ и дома, то я въ тогдашнее мое пребываніе въ Питерѣ возобновилъ знакомство со многими старыми моими пріятелями какъ то съ Ададуровымъ³⁾ Виламовой и прочими кои со мною продолжали переписку, и нѣсколько писемъ ихъ въ томъ году ко мнѣ писанныхъ свидѣтельствуютъ искренность ихъ пріязни т. е. тогдашней. Время вывело меня изъ заблужденія.

Родъ жизни моей въ Питерѣ былъ очень пріятенъ т. е. съ полдень. Я всюду былъ въѣжжъ; всѣ меня ласкали. Ничего нѣтъ любезнѣе знатнаго барина до котораго дѣла нѣтъ; къ нему можно пріѣзжать безъ чиновъ, онъ вѣжливъ, обходителенъ; его кабинеты рѣдкостей, драгоценныя уборы гостинныхъ покоевъ, все ето тебѣ принадлежитъ когда ты у него. Смотри на все безъ принужденія, восхищайся, и восхищай самаго хозяина для котораго твой восторгъ есть фиміамъ наиблаговоннѣйшій; онъ имъ курится ежеминутно, хочетъ чтобы все тебѣ нравилось, подчиваетъ тебя лучшими своими винами, кормитъ какъ Лукуллъ, — словомъ, можно на него глядя сказать:

1) Братъ Лудовика XVI, будущій король Карлъ X.

2) Александръ Сергѣевичъ.

3) См. Р. Б. 1913 г. № VIII.

Oui, le diner du riche occupe les deux mondes. Но есть ли до них нужда, полно! и вся пріятность исчезаетъ. Они тутъ глухи, нѣмы, жестоки и своенравны; языкъ ихъ ничего не выговариваетъ какъ: завтра, посмотрю, справлюсь, потерпите, и прочія техническія слова гражданскаго характера, а особливо слово завтра, гораздо чаще бѣгаетъ изъ устъ въ уста въ бесѣдѣ по утру у всякаго большаго чиновника, чѣмъ на именинномъ пиру передается бутылка добраго вина у тороватаго хозяина. По утрамъ я бывалъ очень недоволенъ, ибо всякой день ѣздилъ къ тѣмъ людямъ, кои имѣли съ моею частію дѣлъ или связь, или на нее вліяніе. Тогда значили по статской службѣ по части Государственнаго Казначея и всѣхъ Экспедицій Финансовъ кн: Куракинъ¹⁾, братъ нашего помѣщика, совсѣмъ другихъ свойствъ человѣкъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, которой иногда настраивалъ и Самойлова тяжелое понятіе; но вить бываютъ такіе инструменты въ свѣтѣ, которыхъ Механизмъ столь испорченъ съ самаго начала, что никакой настройщикъ не приведетъ его на ладъ; такъ къ несчастію и обширная голова Самойлова создана была для выведенія изъ терпѣнья всѣхъ имѣющихъ къ ней прибожище. По 1-му Департаменту Сената много вѣсу имѣлъ г-нъ Храповицкой²⁾. Въ Герольдіи дремалъ надъ списками Тредьяковской, а Васильевъ³⁾ хотя бодрствовалъ, но клонился къ западу своего счастья, и терялъ политическую свою силу. Вотъ тѣ люди до коихъ я имѣлъ нужду, и у нихъ я каждой день бывалъ по утру. Не скажу я здѣсь иначе ничего объ нихъ вообще въ отношеніи ко мнѣ, какъ то, что они меня жаловали, любили, принимали благосклонно, выслушивали терпѣливо, наставляли съ кротостію и безъ надмѣнности. Нѣсколько писемъ ихъ ко мнѣ у меня хранятся; они будутъ навсегда залогомъ ихъ ко мнѣ благорасположенія, а для дѣтей моихъ свидѣтельствомъ что я не лгу.

Фаворитомъ числился еще кн: Зубовъ, и случай его, довѣренность къ нему Монаршая, были почти несомнѣннымъ доказательствомъ естественнаго разслабленія духа Великой Екатерины, ибо прежде сего всѣ ея фавориты какъ: Корсаковъ, Ермоловъ⁴⁾, Зоричъ⁵⁾ и самой даже Ланской⁶⁾, служа къ единому ея увеселенію не имѣли на службу и дѣла ни малѣйшаго вліянія. Не надобно съ ними мѣшать Потемкина; онъ выходилъ изъ всякаго съ ними сравненія. Нынѣ же кн. Зубовъ которой отличными способностями отнюдь не можетъ хвалиться, былъ употребляемъ въ важнѣйшія дѣла; былъ въ самой сей годъ сперва Генералъ Губернаторомъ пожалованъ на смѣну Потемкина, потомъ скоро Генералъ Фельдцейхмстеромъ, котораго со времени Орлова еще не было, и хотя онъ ни того ни другаго замѣнить казался не въ состояніи, однако тѣ же исправлялъ должности, слѣдовательно пословицы русскія всѣ не безъ основанія сложены, и святое мѣсто пусто не будетъ. На случай его Фельдцейхмстерства, любопытно здѣсь замѣтить странную игру случая. Екатерина взошедъ на престолъ окружила себя нѣсколькими братьями Орловыми, изъ коихъ одинъ былъ Князь

1) Алексѣй Борисовичъ, 1759 — 1829. Канцлеръ, вполн. Мин. Вн. Дѣлъ.

2) Александръ Васильевичъ, статсъ секретарь имп. Екатерины.

3) См. № II. 65.

4) Александръ Петровичъ 1754 — 1836, ген. поруч.

5) Семенъ Гавриловичъ, ген. ад. † 1801.

6) Александръ Дмитріевичъ, ген. ад., 1758 — 1784.

и Генераль Фельдцейхмистеръ, другой Графъ и Генераль Аншефъ, прочія Графы же и Генералы и сверхъ того Генераль Фельдцейхмистеръ Князь, носилъ ея портретъ въ пѣтлицѣ. Самые тѣже чины подъ другими именами окружали ея гробницу. Зубовыхъ было нѣсколько братьевъ; перьвой былъ Князь и Генераль Фельдцейхмистеръ носилъ портретъ; второй былъ Графъ и Генераль Аншефъ, а прочія также Графы, и какъ будто нарочно для сего страннаго сходства между Орловыми и Зубовыми, не было во все время ея Царства ни одного Генераль Фельдцейхмистера. Примѣчаніе сіе не важно, и для того я заранѣе его здѣсь помѣщаю, ибо когда дойдемъ мы до гроба Екатерины, то тутъ трогательнѣе черты Божія промысла увидимъ, и не останется мѣста такому ничтожному замѣчанію. Я всегда видя Князя Зубова вспоминалъ какъ его возили къ Молчанову въ Семеновской полкъ въ двѣнадцатую роту играть квартеты на скрипкѣ. Бѣдность не есть порокъ, не есть преграда къ достоинствамъ. Можетъ и не знатной породы человѣкъ обширныя приобрести познанія, но Зубовъ былъ сынъ скареднаго Отца, воспитался въ Конногвардейскихъ казармахъ, и могъ тогда только при Екатеринѣ, вмѣшиваясь въ дѣла, когда старость ея мѣшала ей распознавать придворныхъ своихъ и назначать имъ пристойное ихъ мѣсто. При Зубовѣ начиналъ поднимать носъ Державинъ ¹⁾. Онъ былъ Тамбовскимъ Губернаторомъ, поссорился съ Гудовичемъ ²⁾, отданъ былъ подъ судъ, но будучи остръ и краснорѣчивъ, написалъ Оду къ Фелицѣ, закурилъ Екатерину. Она его поощрила и возвела на степень своихъ Секретарей, опредѣля быть при Зубовѣ, котораго лучи на него отражались; онъ начиналъ уже значить, и потому объ немъ здѣсь упоминаю. Безбородко всегда одинаковъ, оплеталъ Иностранные дворы, лѣнился, прохлаждался, роскошничалъ съ своими прекрасными, а отъ идола етаго принималъ почестъ свою Трошинской ³⁾, которой на ступѣняхъ его пьедестала начиналъ уже загромаживать собственную свою колонну. — При Генералѣ Прокурорѣ правителемъ канцеляріи былъ Ермоловъ ⁴⁾, нѣкто самой непросвѣщенной невѣжа, по свойству съ нимъ изъ отставки втѣснившійся въ службу. *Similis simili gaudet* говорятъ Латинисты; — такъ и Самойловъ выбиралъ себѣ подобнаго и не ошибся. Многія мнѣ на ухо шептали видя мои худыя успѣхи и безконечныя напряженія, сходи къ Ермолову. Я былъ одинъ разъ соблюдая долгъ вѣжливости, но распознавъ сколько ума у меня стало, что у него его нѣтъ совсѣмъ, никогда не искалъ его пріязни ни же хотѣлъ сохранить съ нимъ какое либо обращеніе, и люблю забывать что зналъ его въ лицо. Вотъ кѣмъ управлялись Россіяне въ подробности; всѣ ето видѣли, пожимали плечами, тужили, но умъ Екатерины держалъ всякаго въ спокойной тарелкѣ. Во всякомъ была какая то надежность что она не выдастъ, управитъ и знаетъ свое дѣло. Подлинно она знала его. Она рождена была царствовать; изъ за ея головы, какъ говорили наши предки, можно было спать спокойно, и ето то самая надежность, при всемъ упадкѣ силъ ея была неоцѣненная подпора каждаго. — Время показало послѣ, сколь таковая

¹⁾ Гавріиль Романовичъ, знам. поэтъ; съ 1800 г. министръ юстиціи, сенаторъ 1743—1816.

²⁾ Иванъ Васильевичъ, графъ, сенаторъ 1741—1821.

³⁾ Дмитрій Прокофьевичъ, сенаторъ, вполсл. мин. удѣловъ и юстиціи, 1749—1829.

⁴⁾ Вѣроятно Алексѣй Леонтьевичъ.

довѣренность сильно дѣйствуетъ на счастье подданныхъ, а безъ нее и самой доброй Государь не можетъ хвалиться ясными днями.

У двора я не имѣлъ счастья быть представленъ, потому что Императрица въ короткое время моего тамъ пребыванія не выходила, а къ меньшому двору я не имѣлъ уже прежнихъ правъ требовать входа. Съ отсутствіемъ нашимъ исчезли и благотворительныя о насъ попеченія; къ тому же обстоятельства Французской революціи, наполнили робкую душу Павла несмысленными предубѣжденіями. Естергази ¹⁾, иностранецъ живущій въ Петербургѣ, пужалъ его какъ малыхъ дѣтей чортомъ; онъ заперся, остерегался каждаго, недвѣрія его усугубились, никто не входилъ въ его пространныя чертоги, кромѣ нѣсколькихъ избранныхъ, коихъ Естергази и прочія эмигранты позволяли ему не бояться. Тогда въ Петербургѣ валились какъ саранча отвсюду французскіе выходцы, и многіе жили на счетъ нашего двора. Сіе удовлетворяло честолюбіе Екатерины, умножало ея величіе и славу; но всегда ли слава влечетъ насъ къ полезному? Сіе разсужденіе слишкомъ мѣлко для высокихъ умовъ; они не считаютъ достойными вниманія своего иныя предмѣты, какъ тѣ, посредствомъ коихъ могутъ заслужить рукоплесканія, словомъ дворъ весь былъ невеселъ. Зрѣлище короля и жены его казенныхъ поносно на торжищъ просвѣщеннѣйшей части свѣта на глазахъ безмолвной Европы, могло приводить Царей въ трепетъ, и удалять отъ нихъ забавы, но бояра жили роскошно и веселились. Между всѣхъ пировъ коими воспользовался я, сидя часто на послѣднемъ краю великолѣпныхъ столовъ, и размышляя о свойствѣ ихъ весьма философически, всѣхъ больше меня растроилъ обѣдъ гр. Шереметьева. Ему непремѣнно хотѣлось чтобъ я у него обѣдалъ; онъ меня усиленно звалъ и я поѣхалъ. Пускай вообразитъ всякой съ какимъ духомъ я ѣлъ сладкія его приправы, и пилъ пѣнистое шампанское вино, когда напоминалъ, что за нимъ во владѣннѣ, наглымъ образомъ отнятыхъ у нашего дома четыре тысячи душъ, о коихъ въ самыхъ началахъ моей Исторіи, пространнѣе я имѣлъ случай изъяснитъ. Каково было мнѣ привставши благодарить за лишнюю рюмку вина того, у котораго сотая часть погреба заготовлена была на счетъ моей собственности? Каково было мнѣ видѣть золотомъ залитыхъ слугъ въ томъ самомъ домѣ гдѣ нѣкогда Отецъ мой хаживалъ босой, имѣя право на четыре тысячи душъ? О сколь счастливы всѣ тѣ у коихъ нѣтъ жолчи! Поздравляю ихъ, — у нихъ можно все отнять, — и позвать къ себѣ въ гости; ласковой пріемъ ихъ успокоитъ, — а лишній кубокъ совсѣмъ утѣшитъ.

Нѣсколько дней проживши въ Питерѣ, и каждое утро посѣщая Г-на Самойлова скоро увидѣлъ я что отъ него толку не добьешься и долженъ я былъ всѣ свои бумаги не развязывая изъ чемодана везти назадъ въ Пензу. Онъ меня привѣтствовалъ, звалъ обѣдать, и я обѣдалъ у него два раза. — Одинъ разъ какъ дальній родственникъ (о! конечно самой дальней, ибо бѣдность и богатство никогда не родня) съ его друзьями, и то много чести! — а другой разъ со всѣми экспедиционными почетными чинами. Между этими двумя столами для меня разница только была та, что за первымъ больше болтали, а за вторымъ больше пили; впрочемъ кажется все было тоже. Наконецъ скучно мнѣ стало жить

¹⁾ Франц. эмигрантъ.

праздно; рѣшилъ я непремѣнно требовать у г-на Генераль Прокурора минуты въ его кабинетѣ, и онъ мнѣ ее назначилъ послѣ обѣда. Приѣхалъ я, — доложили, впустили, — вошелъ, — и сѣлъ; но едва началъ рѣчь, какъ супруга его высокопревосходительства сговорясь въ собраніе какое то вмѣстѣ съ мужемъ своимъ ѣхать, и то на бѣду мою въ первой и можетъ быть единственный разъ, боковыми дверьми вошедъ въ наше убѣжище, потрепала его за личико, попѣняла что онъ очень занятъ, не бережетъ своего здоровья, и повела его съ собою сажать въ карету. Вотъ и вся аудіенція. Изумленъ будучи такимъ неожиданнымъ препятствіемъ, не понимая какъ наша бесѣда могла такъ скоропостижно кончиться, поѣхалъ я въ большой досадѣ, но съ рѣшительнымъ намѣреніемъ на завтра откланяться и убраться въ свою пустыню. Въ большомъ городѣ каковъ Петербургъ, и прочія ему подобныя столицы, большое предстоитъ человѣку удовольствіе, которое онъ во всякомъ положеніи чувствовать удобенъ, это безпрестанная перемѣна предметовъ, они въ такой подвижности, случаи такъ бѣгло скопляются, что едва одинъ приведетъ тебя въ негодованіе, какъ тотчасъ другой за нимъ даритъ тебѣ пріятную улыбку. Таковую произвелъ во мнѣ визитъ мой въ тотъ же самый день къ Нарышкину ¹⁾ Оберъ Шталмейстеру. Современники мои всѣ знаютъ его нравъ и обычаи; нѣтъ нужды мнѣ его здѣсь описывать, и ежели я гдѣ прежде уже объ немъ не говорилъ, то слѣдующія строчки дадутъ объ немъ достаточное понятіе каждому. Онъ меня знавалъ, и какъ скоро меня увидѣлъ, то бросясь на шею спросилъ: *êtes vous content de votre sort?* Какой обширный вопросъ, особливо для меня въ ту минуту, какъ я безъ всякаго успѣха выѣзжалъ изъ подъ воротъ Генераль Прокурора! Мнѣ не было нужды затрудняться отвѣтомъ, ибо едва вопросъ сей сорвался съ его языка, какъ уже онъ забывши кому и что сказалъ, занятъ былъ бандурою плѣшиваго армянина, которой въ той же комнатѣ готовился продать ему фальшивую бирюзу за истинную. Повѣрить ли однако что нибудь, что я ему позавидовалъ? Чему же, меня спрасятъ: Чему? Самому етому вопросу. Не видитъ ли каждой что тотъ отъ кого онъ идетъ, есть пресчастливой человѣкъ въ свѣтѣ? Онъ одинъ могъ смѣло сдѣлать всякому етотъ вопросъ; — почему? Потому что ни чья Судьба отъ него не зависила; никому онъ не силенъ былъ сдѣлать ни добра ни худа. Однако вопросъ сей означалъ участіе самое холодное, самое пустое конечно; но не всякой изъ числа тѣхъ, кого онъ имъ награждалъ, зналъ, что у него ето также въ привычкѣ механической языка, какъ у сорокъ кричать каши; — иной могъ обманываться, думать, что онъ и въ правду доброхотствуетъ ближнему, и по невѣдѣнію отходилъ отъ него съ сожалѣніемъ крайнимъ, что такой благодѣтельной человѣкъ не имѣлъ способовъ угождать подвигамъ своего сердца. Другой знатной господинъ не могъ бы сдѣлать такого вопроса? Ето тотчасъ замѣтали бы требованіями, наложили бы на него обязанность дѣйствовать, помогать, но Левъ Александровичъ Нарышкинъ очень твердо зналъ, что ему никто въ отвѣтъ не сообщитъ своихъ огорченій, — слѣдовательно отъ тягости доукъ будучи избавленъ, онъ наслаждался славою у тѣхъ, кои его мало знали, добродѣтельнаго вельможи. Право мнѣ такъ кажется, и я ему позавидовалъ.

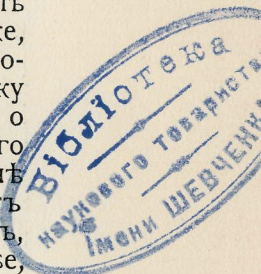
¹⁾ Левъ Александровичъ 1733—1799.

Между неудачами кои по утрамъ меня тревожили вечернія мои по-сѣщенія лстили мнѣ благопріятными надеждами. Я нашелъ въ Петербургѣ Несвицкую ¹⁾, она дружбу свою показывала мнѣ издавна; переписка ея со мной была доказательствомъ оной. Хотя смиренно скрывалась она въ наемной квартирѣ, но связь ея съ Кречетниковымъ могла представить мнѣ, кромѣ удовольствія ея видѣть, цѣль самую прочную и полезную. Тогда генераль Кречетниковъ ²⁾ правилъ всею присвоенною частію Польши, былъ ея Генераль Губернаторомъ, и съ особливою довѣренностію. Называя сію часть присвоенною, я говорю не по модѣ тогдашняго времени, а по своему смыслу—ее во всѣхъ актахъ именовали отторженною. Хорошо жить съ нашими гренадерами, ети усачи все заполоняютъ. Какого рода была Княгини связь съ Кречетниковымъ, ето не входитъ въ мой предмѣтъ, но я дурной не предполагаю; для меня она могла произвести самыя пріятныя плоды. Княгиня въ одинъ вечеръ выслушавъ съ терпѣливостію и съ искреннимъ участіемъ всѣ мои неудовольствія предложила мнѣ вдругъ, не хочу ли я перейти въ команду Кречетникова, гдѣ я больше буду къ выслугѣ и къ полученію награды, ибо не довольно было служить хорошо, надобно было еще трудиться при такомъ человѣкѣ, которой лично имѣлъ бы силу и вѣсъ у двора. Тогда все удавалось; самой ничтожной трудъ назывался подвигомъ, на равнѣ съ онымъ награждался и замѣчаемъ былъ. На такое предложеніе пылкое согласіе было моимъ отвѣтомъ; она велѣла мнѣ написать письмо къ Кречетникову, научила какъ его составить. Когда же, спросилъ я съ нимъ пріѣхать? Завтра! Какая услужливая, думалъ я поспѣшность. Подлинно на другой день пріѣзжаю я къ ней, привожу письмо, она съ нимъ вмѣстѣ печатаетъ свое въ мою пользу, проситъ о переводѣ меня въ его команду, т. е. въ Тулу, ибо мнѣ и самому въ его новыя области не хотѣлось; тамъ каждой шагъ россиянина казался мнѣ насиліемъ и жестокостію. Въ тотъ же самой вечеръ отправлялся отъ двора къ нему нарочной. При мнѣ онъ за ея письмами къ ней заѣхалъ, при мнѣ взялъ ихъ и поскакалъ въ Польшу. Казалось, что етого вѣрнѣе, что благонадежнѣе. Ни самъ преслучайной Безбородко, которой такъ часто совѣтывалъ всѣмъ быть благонадежными, не сказалъ бы мнѣ ничего удостовѣрительнѣе. Счастіе казалось такъ ко мнѣ близко, какъ табакъ, который я изъ княгининой табакерки нюхалъ, но гдѣ нѣтъ изволенія Вышняго, тамъ все ожидать блаженства. Все не удастся, все опрокинется; встрѣятся препятствія, и самое вѣрное сдѣлается обманчивымъ, самое надежное сомнительнымъ. Дабы кончить совсѣмъ рѣчь здѣсь о семъ случаѣ пробѣжавшемъ мимо меня какъ скоротечное зарево молнии, скажу что въ то самое время, когда Кречетниковъ можетъ быть уже готовился сдѣлать въ пользу мое представленіе уже намѣревался вытащить меня изъ кохтей Ступишина ³⁾, смерть самага его поглощала. Онъ умеръ въ маѣ, прости всѣ мои лестныя упованія! я получилъ извѣстіе о семъ въ Пензѣ, и покорился безмолвно десницѣ Вышняго. Перстъ Божій на листѣ судьбы моей назначалъ мнѣ еще Пензу, и я старался печаль мою одолѣть философією. Все къ лучшему, говорилъ я вмѣстѣ съ Панглосомъ; все къ лучшему! и благодаря моему вообра-

¹⁾ См. № I, 68.

²⁾ См. № III, 83.

³⁾ См. „Капише“.

женію, умѣлъ такъ много придумать неудобствъ отъ перемѣны въ которой за день передъ тѣмъ полагалъ всю свою надежду, что начиналъ о неудачѣ моей радоваться. О человѣкъ! Какая ты игрушка! бумажной корабликъ, коимъ тѣшатся малыя дѣти, гораздо тверже тебя на тонкомъ своемъ основаніи. Здѣсь я воздамъ тебѣ мою благодарность достойная Княгиня, истинной другъ мой! Тебѣ не удалось мнѣ помочь, меня осчастливить. Успѣхъ твоихъ трудовъ не въ твоей былъ волѣ, но ты желала его пылко; старанія твои въ мою пользу были усилены; ты не возгордилась возможностью своею сдѣлать мнѣ добро; ты меня приняла, обласкала, пеклась о моемъ благосостояніи, — и чего больше? Кто сдѣлалъ бы столько же, я смѣло спрашиваю, кто? потому что многіе могли больше для меня и не трогались съ мѣста.

И такъ проводя дней съ десять въ Питерѣ вообще въ большомъ разсѣяніи, но чаще въ скукѣ нежели въ забавахъ, откланялся премудрому Самойлову, выпрося позволеніе просрочить. Странное преимущество дабы избѣжать доклада Государынѣ о продолженіи моего отпуска, Самойловъ совѣтовалъ мнѣ сказаться больнымъ, набрать фальшивыхъ свидѣтельствъ, и просрочить, т. е. короче сказать, Генераль Прокуроръ позволялъ мнѣ подобратся подъ законъ, солгать, обмануть его, себя и многихъ. Нельзя ли было открыто человѣку сказать. Пробудьте столько то въ отпуску, вамъ это позволено, но день просрочки и вы отвѣтствовать будете закону за нарушеніе порядка, и слова сіи сопроводить такимъ взоромъ, послѣ котораго подчиненной не смѣлъ бы прибѣгать къ обману, и спастись хитростію. Но нѣтъ! Мѣлкія способы казались тогда всѣмъ легче. И какъ иначе? Они сами ползали какъ настыкомые и боялись взора кроткой своей богини, какъ сова боится солнца. Простился я съ Петербургомъ, взглянулъ еще разъ на Семеновскіе шалаши, и поѣхалъ рано въ одинъ день по утру. О! еслибъ я могъ тогда предвидѣть, что я долго уже въ него не возвращусь, а можетъ быть и никогда, какъ бы застыла кровь во мнѣ при всемъ еще быстромъ ея теченіи. Да и безъ етого несноснаго предчувствія еслибъ меньше я досадовалъ уѣзжая, то бы горестъ овладѣла мною жестокая; — но я сердить былъ на всѣ мои неудачи, сердить былъ что свѣтъ идетъ не по моему, а кто сердить, тотъ вмѣстѣ печаленъ быть не можетъ, ибо два чувства столь ѣдкія, столь свирѣпыя не могутъ терзать сердца вдругъ съ обоихъ концовъ. Одно всегда превозмогаетъ, а у меня на ту минуту негодованіе держало верхъ надъ меланхоліею. Я хотѣлъ, какъ говорилъ любезной мой Отецъ, Россію поправить. О малая тварь на свѣтѣ! Атома бѣдная! Тебѣ ли хотѣтъ поправить царство, населенное на нѣсколькихъ тысячахъ верстахъ, наполненное милліонами твореній. Ты и собою едва умѣешь править; но человѣкъ бездѣйственъ быть не можетъ, а на пути въ Москву, будучи размышленіемъ моимъ все ближе въ Сѣверу, нежели къ Ивановской колокольнѣ, думалъ я о дворцѣ, о Гражданской службѣ, воображалъ, придумывалъ, дѣлалъ силлогизмы, послышки отъ ума къ сердцу и отъ сего къ внѣшнимъ движеніямъ нашимъ, словомъ логически самъ съ собою диспутовалъ, и опредѣлительно заключилъ, что Екатерина столько умна, прозорлива, хитра и добродѣтельна, сколько бояре ея несмысленны, безтолковы, оплошны и злобны — да конечно злобны; ни кто никому добра не дѣлаетъ, а всѣ ѣдятся; что славолубіе увлекало всѣ помышленія Богоподобной Екатерины далеко отъ

домашнихъ предмѣтовъ, что раздѣлъ Польши, горячка Парижская, неустройства Шведскія, занимали всю ея дѣятельность, и нѣкогда было ей думать о передней ея Генераль Прокурора, и тѣхъ, кои въ ней были жертвою его тупаго образованія; что во время ея неусыпныхъ трудовъ о сохраненіи славы нашего Отечества, которой ни одинъ Россійской Государь не возводилъ до толикой степени; — вельможи подобныя Самойлову хлопали ушами и ѣжжали къ Лиону объѣдятся ряпчиковъ и устрицъ; что служба Гражданская приходила часть отъ часу въ упадокъ, терялись всѣ правила, ослабѣвали законоположенія, Сенатъ высыпался въ своихъ огромныхъ покояхъ, при слушаніи выписокъ, коихъ никто не понималъ, и не читывалъ, oprичъ закупленныхъ Секретарей, все покупалось и ничего нельзя было даромъ ни сдѣлать, ни выходить; всякое ходатайство имѣло свою цѣну опредѣленную, какъ на базарѣ возъ сѣна или дровъ. Екатерина видѣла сей безпорядокъ, знала корыстолюбіе алчныхъ своихъ чиновниковъ, но пасмурная старость останавливала движенія ума ея; обнявъ важнѣйшія предмѣты она не имѣла уже силъ все править, все назидать сама собою. Натура и отъ Монарха той же требуетъ подати, какъ и отъ поселанина простаго; обветшалыя органы ея не поспѣвали дѣйствовать за быстрыми ея мыслями; она еще стремилась впередъ, но плоть изнемогала и часть отъ часу приближалась къ своей послѣдней колыбели, — къ могилѣ. Такъ то думавши, вдругъ увидѣлъ золотыя маковки Успенскаго Собора, — все забылъ, и съ чувствомъ восхищенія сказалъ: Слава Богу! Насилу я въ Москвѣ!

Слово насилу здѣсь не напрасно. Оно согласовалось съ удивительнымъ нетерпѣніемъ моимъ уѣхать изъ Петербурга, кончить путь непріятной и отдохнуть въ родительскомъ домѣ. О! когда бы я зналъ что въ этотъ самый пріѣздъ мой, я вижу Отца моего въ послѣдній разъ что въ комнатахъ его, въ которыхъ цѣлыя дни провождали въ бесѣдахъ семейныхъ, въ излияніяхъ сладкой откровенности, водворится скоро безмолвная и мрачная пустота, конечно бы я почелъ предвидимое мною отдохновеніе мученіемъ и умѣрилъ бы свое восхищеніе; но Богъ лишилъ меня сихъ болѣзненныхъ минутъ; я видѣлъ разрушеніе силъ сего почтеннаго моего родителя, видѣлъ что смерть около его растила уже черное свое покрывало, и скоро подъ нимъ сокроетъ его отъ глазъ нашихъ; но надежда, сей цѣлительной бальзамъ челоуѣчества, все меня увѣряла что я еще съ нимъ увижусь. Когда я съ нимъ прощался, ни онъ ни я не думали что я въ послѣдній разъ цѣлую его руку. Мы уповали, что будемъ еще вмѣстѣ, — что небо не навсегда насъ разлучаетъ, и улыбка надѣянія воспламѣняла еще томныя его взоры. — Хвала тебѣ великій Боже! что ты сокрылъ отъ насъ будущее! О! какое важное оказалъ ты тѣмъ къ роду челоуѣческому благотвореніе. Несмысленныя люди! вы, кои часто сѣтуете что не знаете что будетъ съ вами, — образумитесь! Падите предъ Премудрымъ Провидѣніемъ и возблагодарите его. Когда я обнималъ недугами изнуреннаго Отца моего, вселяемаго во гробъ рукою естества, сего чуднаго преобразителя всѣхъ тварей, естлибъ тогда шепнула мнѣ и ему въ ухо Природа, — вы уже не увидите! — Онъ бы не прожилъ еще года, онъ бы тотъ же часъ умеръ, и кто бы могъ отвѣчать, что минута такая не станетъ мнѣ всего моего здоровья, но оторвемся на часъ отъ сихъ печальныхъ воображеній. — Я пробылъ въ Москвѣ всю страстную и Святую недѣлю, исполнилъ долгъ Христѣ-

янской, встрѣтилъ съ ближними величайшій праздникъ, видался иногда съ моими друзьями, но большую часть времени проводилъ дома; отчетъ моего путешествія былъ пищей для родителей моихъ; мои повѣсти ихъ занимали, Отецъ мой напоминалъ свои молодые годы, и сравнивая себя со мною, прорекалъ мнѣ, что нѣкогда опытность охолодитъ тотъ жаръ, съ которымъ я ко благу общему стремился и котораго ни какія люди никакое Царство не заслуживаетъ. Соображая высокопарные мои замыслы при отъѣздѣ въ Питеръ, и неудачу по возвращеніи оттуда, онъ часто улыбался, и тѣшилъ безсильной моей запальчивостію. Предмѣтъ ея былъ благороденъ и его радовалъ. Въ глазахъ его играли наши дѣти; ласки жены моей которую онъ любилъ какъ дочь родную, которую онъ любилъ тѣмъ паче что остроуміе его и проницаніе не позволяли ему заблуждаться столько, чтобы не видать что она забыта меньшимъ дворомъ, и что наслѣдникъ обѣщаній своихъ не выполнить. Ласки ея его улаживали. Поступки двора меньшаго его трогали, огорчали, но онъ былъ скромнѣе, умѣлъ въ себѣ укрощать всѣ движенія своего честолюбія, и тѣмъ сильнѣе были волненія души его, тѣмъ сильнѣе дѣйствовали на составъ его физической, что онъ ни съ кѣмъ о томъ не открывался боясь, О! нѣжный другъ дѣтей своихъ! открыть имъ глаза на такія вещи, кои никогда слишкомъ поздно до насъ не доходить и приготовить имъ сѣтованія о будущемъ. Приходилъ срокъ моей просрочки, и я, взявъ въ Москвѣ свидѣтельство, поѣхалъ въ свою несчастную Аравію. Жена моя бывъ на сносяхъ брюхата, оставалась родить въ Москвѣ, дѣти при ней, одинъ я бросался тогда въ предвидимый омутъ. Ахъ! сколько на свѣтѣ людей, для коихъ заводъ винной въ Пензѣ, да еще и казенной, казался бы восхитительнымъ предмѣтомъ. Иной сталъ бы съ нимъ обходиться какъ драгунской полковникъ съ полкомъ своимъ, и ни мало бы не тужилъ о Москвѣ; но для сего необходимо нужно познакомиться съ Господами Секретарями Сената, и кое съ кѣмъ повыше, дабы вѣдать кому изъ нажитаго дать половину, чтобы другую за собой безъ хлопотъ упрочить, а я побывавши въ Питерѣ, не только не сошелся ни съ однимъ изъ сихъ Господъ Математиковъ, но даже не зналъ и того, гдѣ Секретарь, какъ кого изъ нихъ зовутъ; и по какой части до котораго можетъ быть нужда. Моя часть была справедливость; знакомство, — служба. О! какія пустыя слова и ошибочныя правила! Проснитесь бояре семнадцатаго вѣка, вы кои любили славится какимъ то по нынѣшнему надутымъ патріотизмомъ! Стрясите съ сѣдыхъ бородъ вашихъ могильной прахъ свой! Протрите тусклые очи въ которыхъ такъ пылко блистала нѣкогда огонь любви къ народу, и увидя внучатъ своихъ, услыша мудрые ихъ силогизмы, познайте свое невѣжество, и отъ стыда, или отъ сожалѣнія на нихъ глядя, возвратитесь въ свои гробы. Не художники на нихъ высѣкутъ ваши заслуги, но память ихъ прославятъ ваши дѣла, которыхъ польза для всякаго благомыслящаго будетъ ошутительна. Полно разсуждать, — поѣдемъ въ Пензу! Остановился я на перепутьи въ Володимирѣ, у дяди моего Заборовскаго, и гошу у него дни три въ просторномъ его домѣ.

Суженаго конемъ не объедишь. Когда Заборовской хотѣлъ по прозбамъ Отца моего, помѣстить меня у себя Предсѣдателемъ Уголовной Палаты, судьба назначала меня вмѣсто того гораздо выше и гораздо далѣе; но думалъ ли я нынѣ здѣсь проѣзжая что нѣкогда буду я въ

етомъ же Владиміръ преемникомъ власти такихъ вельможъ какъ Воронцовъ и Солтыковъ кои Владиміромъ правили? Что буду въ немъ Губернаторомъ; думалъ ли я что самыя сіи строки писать буду въ превеличайшемъ казенномъ домѣ, и буду изъ кабинета своего смотрѣть на тотъ Архіерейской домъ, въ которомъ тогда Италіанецъ Барбарини тѣшилъ Заборовскаго своимъ поношеннымъ голосишкомъ, а нынѣ Архіерей Ксенофонтъ почитываетъ насъ послѣ обѣденъ ерофѣичемъ? О время! Какъ быстро ты летишь, и сколько случаевъ съ собой уносишь? Молнія въ полетѣ своемъ едва ль равна съ тобою. Погода тогда была уже весеняя, рѣки въ пушемъ ихъ разливѣ. Заборовской далъ мнѣ письмо къ Исправнику Муромскому, дабы онъ переправилъ меня черезъ Оку благополучно. О! письмо Генераль Губернатора къ Исправнику есть драгоценная вещь для путешественника; посредствомъ сего тализмана, какъ волшебной палочки, не возможное дѣлается возможнымъ; мудреное, легкимъ; неспособное, удобнымъ; словомъ, хотите ли видѣть превращенія, забыться на минуту и думать что вы подъ покровительствомъ какой нибудь феи? Поѣзжайте по Россійскимъ Губерніямъ, берите отъ Генераль Губернаторовъ письма къ Городничимъ, къ Исправникамъ, и подивитесь проворству етихъ крылатыхъ служителей, кои васъ вездѣ перенесутъ, переташатъ, и путь вашъ вездѣ розами устелятъ. — Мой исправникъ Муромской самъ меня провожалъ на паромѣ, наблюдалъ всѣ мои движенія, искалъ имъ удовлетворить въ полной мѣрѣ, и все это изъ чего? Изъ того единственно, чтобы при случаѣ когда Высокопревосходительной начальникъ вздумаетъ на него погнѣваться, онъ бы нѣжнѣе только слова для етаго выбралъ. Вотъ вся выгода Господъ Исправниковъ, фокусъ покусъ Генераль Губернаторовъ! А я что дѣлалъ между тѣмъ на паромѣ? Что? думалъ вы скажете о Петербургѣ? Нѣтъ! О Пензѣ? — Нѣтъ! — Сочинялъ пѣсни на разлуку съ Москвой, и ни мало не примѣчалъ потовыхъ капель, которыя какъ градъ текли со лба услужливаго Исправника на самой худой паромѣ. Меньше услугъ въ одномъ, и больше твердости въ послѣднемъ, для проѣзжихъ было бы прочнѣе. Но суетится легче и дешевле, нежели плотъ сдѣлать.

Пріѣхалъ я въ Пензу, и принялся за дѣла. Ревность моя не протывала еще, не смотря на дѣйствіе, которое производило мое безуспѣшное путешествіе. Я думалъ еще что могу плыть противъ воды, и сохранять одинъ то, что тысячи рукъ расхищали. Жолчь во мнѣ копилась безпрестанно; хотя всѣ считали меня нулемъ и совсѣмъ безъ покровительства, въ чемъ по истинѣ никто не ошибался, хотя всякой выводя для себя пріятныя предзнаменованія изъ моихъ неудачъ, считалъ себя въ правѣ пренебрегать моими отношеніями, требованіями и настояніями, но я постоянно идучи къ своей цѣли не сбивался съ принятыхъ мною правилъ и съ Зубовымъ Директоромъ Економіи, вступалъ въ открытую войну. Характеръ его былъ самый самолюбивой; онъ не терпѣлъ противорѣчія, мечталъ о себѣ много, хотѣлъ дѣлать все одинъ, хотѣлъ чтобы каждой слѣдовалъ его мнѣніямъ и ими руководствовался. Изданная имъ книжка о способахъ винокуренія, въ свойство коей я не вхожу, ибо не сужу никогда о томъ, чего не разумѣю, возгордила его до того, что онъ не только вино куритъ на казенныхъ заводахъ, но и Казенной Палатѣ самой хотѣлъ давать наставленія какъ управлять ими; курить вино и править заведеніемъ винокурень, по мнѣнію моему двѣ вещи совсѣмъ раз-

ныя; одна требуетъ непремѣнно искусства и умѣнія, безъ мастерства не выкуришь ни одного ведра, — но на другое потребенъ здравой смыслъ, естественной расчетъ и чистота совѣсти. Всѣ сии качества могли снискиваемы быть и безъ чтенія Зубова книжки. Величаясь случаемъ своихъ племянниковъ, онъ думалъ что все ему должно покорится, а къ тому же Губернаторъ, и въ угодность его нѣкоторые члены Палаты подстрекали его ежеминутно, и онъ принимая ихъ по барски въ тулупѣ проповѣдывалъ имъ свои премудрыя поученія. Они казали ему притворный видъ восхищенія, изъ одного порабошенія, а онъ въ отплату за такія ихъ поступки, строилъ разныя на меня нападенія; имъ только было и надобно. Странное дѣло! Желая досадить лицу, портятъ службу. Я никогда не могъ изъяснить имъ, что во всѣхъ сихъ сварахъ не столько терпѣлъ я, Долгорукой, сколько разстроивалась служба; но у насъ такъ водится. Есть ли лицо въ случаѣ, то и мѣсто его процвѣтаетъ, все спѣетъ, по его представленіямъ, все ему удастся; но есть ли лицо не нравится, то всякой старается ему подъ ноги кинуть камень, и во всемъ помѣшать, но кому же черезъ то мѣшаютъ? Опять повторю, службѣ. Долгорукой ничего не лишится отъ того, что Зубовъ изъ упрямства не подпишетъ во время какого-нибудь акта, а потерпитъ одна служба, для пользы которой, нужно бы было можетъ быть днемъ ранѣе отправить такую то бумагу; но къ несчастію и верховное наше Правительство, на все то глядѣло равнодушно; мнѣ часто случалось слышать что какія-нибудь по ссорамъ дошедшія бумаги въ Сенатъ, вмѣсто скорого доклада и развязки, которая конечно не много бы потребовала труда и прекратила миллионы пустыхъ бумагъ, кои плодятся отъ того единственно, что первыя ничего не производятъ, отдаются въ общее собраніе, и тамо де говаривали мнѣ они лежатъ безгласно, до тѣхъ поръ какъ кто-либо изъ ссорящихся или выбудетъ или умретъ. На что такая политика? Вникни Правительство въ такую распрю, не шадя молчаніемъ своимъ ябедника, или дурака, накажи перваго, отрѣши послѣдняго, и тѣмъ все прекратится. Нѣтъ! такое средство не нравится оно кажется круто; хотите ли знать настоящую тому причину? Съ ябедника можно много взять, а дуракъ много вынесетъ и въ даль не лѣзетъ. Чего жъ лучше? Прекрасное правило. Между тѣмъ въ отсутствіе мое палата входила къ Губернатору съ представленіемъ, къ которомъ доказывала будто утрата казеннаго интереса на заводахъ, подъ управленіемъ Прокудина послѣдовавшая, взведена мною на него несправедливо, и не въ томъ количествѣ, и будто бы я самъ въ какомъ то актѣ утверждалъ ее наконецъ быть меньшею противу того, что прежде писалъ. Такая затѣянная на меня несправедливость вскружила мнѣ голову снова; увидѣвъ сіе въ дѣлахъ по пріѣздѣ моемъ, я тотчасъ написалъ о семъ рапортъ въ Сенатъ, и подкрѣпилъ письмомъ къ господину Храповицкому, которой дозволилъ мнѣ въ случаяхъ затруднительныхъ къ себѣ относится. Я бы не захотѣлъ отяготить судьбы Прокудина когда бы нашелъ что Палата править его стремится безъ предосужденія мнѣ, но быть поклепану въ неосновательности ради извѣленія бездѣльника оглашеннаго отъ петли казалось мнѣ неспасно. Однако рапортъ мой и палатскія представленія не смотря на письмо мое къ Оберъ Прокурору, которое служило контрафорсомъ все какъ на дно кануло и замерло въ Архивахъ Сенатскихъ по вышеписанному хорошему правилу: Пускай лежитъ, — обойдется! Потомки наши со

временемъ отгадаютъ кто правъ, кто виноватъ, и всѣ эти неустройства кончаются тѣмъ, какъ часто это и случается, что плута подведутъ подъ Манифестъ, который всегда такъ и сочиняютъ чтобы воришки одни имъ воспользовались. Нашли способъ и Уголовную Палату свести со мною въ переписку; гораздо выше видно было въ предшествовавшихъ годахъ, что я нашель на одномъ заводѣ не большія безпорядки, кои требовали только наставленія, выговора, и строгаго подтвержденія дабы впредь не допускались. Но Губернаторъ тогда изъ досады, что одного завода смотритель долженъ былъ подпасть подъ судъ, отдалъ и другаго для компаніи въ Уголовную. Въ кои то вѣки однако разсудилось ей быть справедливою; она его оправдала и внесла приговоръ свой къ Сту п и ш и н у; онъ обратилъ его назадъ, требуя чтобъ Уголовная Палата испросила отъ меня на обвиненіе его доказательствъ. Я принужденъ былъ оттолкнуть отъ себя всѣ эти привязки. Прочтите на сей счетъ мою бумагу; вы можете найти ее въ моихъ журналахъ; она ѣдка конечно, но какъ иначе? Развѣ можно о плутовствѣ разсуждать съ улыбкой и писать безъ жолчи? Блаженъ кто никогда не имѣлъ нужды обмакнуть перо въ чернила для защищенія себя отъ ненавистниковъ справедливости! Пора стряхнуть пыль гнусной ябеды и занять читателя важнымъ предметомъ по моей должности.

Наступило время торгамъ для подрядовъ на винную поставку и откупъ. Два пункта весьма соблазнительныя; корчемство тогда часть отъ часу выходило больше изъ всякаго посредства къ его пресѣченію; торговля виномъ столько была стѣснена законами и такъ исключительно предоставлена однимъ богатымъ и именитымъ купцамъ кои часто именами своими ссужали и знатныхъ господъ, что мѣлкопомѣстной дворянинъ не смѣлъ безъ большаго страха собственной хлѣбъ свой высиживать и тѣмъ промышлять какъ въ Малороссіи гдѣ вольная продажа, а жить и угождать роскоши о которой въ то время въ Россіи можно было уже сказать вмѣстѣ съ Вольтеромъ: *le superflu, chose si nécessaire* было также не возможно. Что же дѣлать? Дворяне снимали поставки самыя мѣлкія, не значущія, только для свободнаго права винокуренія, и изъ подъ тишка шинковали; терпимость нижнихъ земскихъ судовъ, служила къ подрыву откупщиковъ кои начали казну угрожать недоимками и заставили Правительство пробудиться. Естественно очень, что знатной купецъ скорѣе сыщетъ свою выгоду, чѣмъ бѣдной дворянинъ которой хотя по жалованнымъ дворянству грамотамъ и видѣлъ что онъ въ правѣ всѣмъ тѣмъ промышлять что въ его землѣ родится, а изъ того выводилъ заключеніе что хлѣбъ обратить въ вино, поелику онъ родится въ его дачѣ, не есть насиліе закону, но казна не видя чѣмъ бы могла замѣнить доходъ откупной суммы, которой восходилъ до самыхъ высшихъ капиталовъ, должна была отстаивать откупщиковъ, и имъ дать свое покровительство. И такъ нужно было во первыхъ: воспламенить воображеніе господъ Вицъ-Губернаторовъ, обольстить ихъ, противоположить блестящія посулы тѣмъ прибыткамъ которые они при заключеніи контракта могли стяжать за всякой крючокъ или понаровку, кромѣ тѣхъ изъ нихъ, кои какъ я не зная еще отдѣлить истинъ моральныхъ отъ путлявыхъ политическихъ обязанностей въ мірѣ, считали за одно присяжный листъ и Евангеліе; и для того при мнѣ еще въ Петербургѣ позванъ былъ Вицъ Губернаторъ Екатеринославской, дабы на

ту Губернію торги сдѣлалъ онъ въ Санктпетербургской Казенной Палатѣ, гдѣ былъ Вицъ Губернаторомъ кривой Новосильцовъ родственникъ Перекусихиной ¹⁾, а Перекусихина Камеръ Юнкфрау любимая довѣренная Государынѣ. Далѣе толковать нѣчего; все ясно для того, кто захочетъ разсматривать обстоятельства ближе и вникать въ ихъ сущность. Сверхъ того торгъ на одну сію Губернію въ Петербургѣ, подъ глазами двора, имѣлъ и ту преднамѣренную цѣль, чтобы въ случаѣ его успѣха, убѣдить Государыню къ изволенію и на всѣ Губерніи производить торги въ Сенатѣ, чего онъ весьма добивался по причинамъ кои отгадать всякой можетъ; но до сихъ поръ законы сего ему не позволяли, а здѣсь Сенатъ имѣлъ въ виду, что наддача на Екатеринославскую Губернію, послужа доводомъ Государынѣ въ его безкорыстіи рѣшить ее на измѣну собственнымъ ея законоположеніямъ, для чего потребны были сильныя пружины. Что же могло быть дѣйствительнѣе, какъ знатная прибыль казенная, показывающая неспособность Казенныхъ Палатъ ее до такой степени возвысить? Подлинно такъ оно и случилось; громкая наддача на Екатеринославскую Губернію, доставила обоимъ Вицъ Губернаторамъ ленты, Членамъ Палаты годовое жалованье, и сдѣлавъ благопріятное въ пользу Сената впечатлѣніе, рѣшило Государыню на то, чтобы торги будущія произведены были въ столицѣ; но какъ Сенатъ вѣдалъ съ другой стороны, что всѣ Губерніи такъ возвысить, какъ одну для примѣра невозможно, то онъ между разными статьями поновительными и пополнительными, исходатайствовалъ открытое право и дворянамъ входить въ откупъ, чрезъ что умножилъ кругъ торгачей, а чѣмъ ихъ больше, тѣмъ натурально сходнѣе для казны. Выгодъ однако, кои она отъ того получила, отнюдь не отдали на счетъ сихъ новыхъ привилегій, къ тому способствовавшихъ, но на счетъ усердія и безпристрастія Сената, которой какъ скоро принялся за это, то и все пошло будто несравненно лучше, чѣмъ въ Казенныхъ Палатахъ, а правильно ли сіе разсужденіе, о томъ я думаю достаточно вѣдаютъ Секретари Сената кои были при торгахъ да Господа Откупщики.

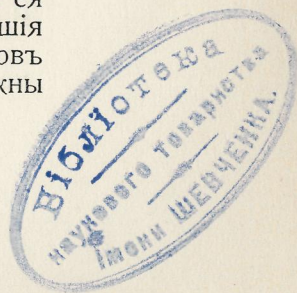
Вотъ какъ приготовлялись учредить будущія откупы, а между тѣмъ поставя всѣмъ намъ въ примѣръ для поощренія какъ къ содѣйствію казеннымъ пользамъ Екатеринославской опытъ, Господинъ Генераль Прокуроръ, циркулярными письмами отъ всѣхъ, въ томъ числѣ и отъ меня, требовалъ мнѣнія, какъ бы возвеличить откупъ, унизить цѣну на поставку вина и унять корчемство т. е. не такъ кудряво а короче сказать, спрашивалъ у насъ ума какъ бы доставить откупщикамъ большія барыши на счетъ упадающаго дворянства и совсѣмъ его разорить, а народъ привести въ крайнее развращеніе. Остановись здѣсь Читатель, и вникни въ мое размышленіе. Чтобы ты сказалъ о такомъ Государствѣ, гдѣ весь доходъ его, или лучшая отрасль его сокровищъ состоитъ въ порчѣ его народа? Таковъ однако планъ Финансовъ россійскихъ, и я проходя разныя потомъ должности имѣлъ случай на сей счетъ сдѣлать любопытныя примѣчанія. Народъ опивался, дворяне приходили въ ничтожество, цѣлыя роды ихъ упали а откупщики изъ простыхъ побочных сидѣльцевъ въ четырехлѣтіе наживались страшнымъ образомъ, получали чины, знаки почестей, дворянскія дипломы и сооружали для жилищъ своихъ огром-

1) Марья Савишна, любимая камеръ-фрау импер. Екатерины II. † 1824 г.

ные замки. Я часто слышалъ и слышу еще слѣдующія разсужденія: что нужды Государю, кто богатъ изъ его подданныхъ, Рюминъ или Долгорукой, Злобинъ или Щербатовъ. Какъ что нужды? Одинъ образуетъ дворянина, вливаетъ въ него съ кровію и добродѣтели предковъ своихъ, и творитъ его полезнымъ отечеству; а другой едва подѣ старость получая какое нибудь слабое о изящности просвѣщенія понятіе, можетъ быть въ третьемъ поколѣніи низходящемъ отъ него доставить есть ли не придетъ въ упадокъ, хорошаго Гражданина, а между тѣмъ Царство наполняется двумя поколѣніями несмысленныхъ невѣждъ кои безъ воспитанія и свѣденій портятъ мѣста, службу, нравы, заражаютъ соблазнительными примѣрами успѣха тамъ, гдѣ его благонравіе не общаетъ, и развращаютъ чернь изнуреніемъ физическихъ силъ ея. Вотъ разница, — вотъ она! Я не витійственно ее изъяснилъ, но сказалъ правду, и кто ее любить, тотъ вѣрно со мной согласится.

Обратимся къ письму. Я его получилъ почти тотчасъ послѣ пріѣзда на мѣсто, и написалъ краткое начертаніе мыслей моихъ, граница себя въ сдѣланныхъ вопросахъ, дабы не навлечь большихъ злодѣевъ безъ всякой пользы ни себѣ ни Царству, отправилъ письмо мое къ Самойлову, при обыкновенныхъ привѣтствіяхъ, ибо столько же нужно было ими украшать всякое къ вельможѣ отношеніе, какъ для мужика необходимо посыпать кусокъ хлѣба солью. Пользуясь благоволеніемъ Васильева, я и къ нему на апробацію послалъ такую же при письмѣ бумагу. Къ первому писалъ по должности, къ послѣднему изъ подвига сердца, привязаннаго къ его благороднымъ видамъ и дѣятельнымъ трудамъ, кои всегда сопровождала кротость и благопривѣтливость — рѣдкія два свойства въ такой особѣ, которая привыкла значить много сама по себѣ. При мнѣніи моемъ требовалъ Генералъ Прокуроръ и мнѣнія всей Палаты; члены ея давали оное порознь; иныя пристали къ моему другія сочиняли свои. Тутъ было чего посмотреть! Въ составъ моего входили нѣкоторыя примѣчанія Отца моего, коими я въ перепискѣ моей съ нимъ заимствовался, и кои руки его доселѣ у меня хранятся какъ нетлѣемое сокровище, оставшееся послѣ Отца и друга. Но всѣ сіи прекрасныя наши сочиненія, надъ которыми мы цѣлые дни и вечера потѣли, и тщились даже малѣйшей избѣжать ошибки въ правописаніи выбирая наипрекраснѣйшую бумагу, — все его пищею послужило крысамъ, гнѣздящимся въ Сенатскихъ Архивахъ, — а можетъ быть, что про то знаетъ? можетъ быть изъ нихъ супруга Самойлова, жена Ермолова дѣлали себѣ завиточки и прятали въ нихъ на ночь одна прекрасныя, другая скверныя свои волосы. — Счастливы тѣ, чьи сочиненія на такое прелестное употребленіе послужили! Но я право иногда думаю, что ими наполнены н. благопристойность унимаетъ мое перо, — догадка читателя пусть докончитъ строку.

Съ другой стороны признать должно и то, что сіе обстоятельство сколь ни важно казалось намъ живущимъ въ провинціяхъ, исжатымъ въ тѣсномъ кругу произшествій самыхъ мѣлкихъ, должно было у двора уступить мѣсто на время многимъ другимъ несравненно съ большею силою на умы дѣйствующимъ. Пріобрѣтеніе части Польши, и образованіе ея по учрежденіямъ нашимъ, смутныя обстоятельства Франціи, побудившія Государыню къ Манифесту, коимъ повелѣвала она всѣхъ французовъ въ Россіи живущихъ привести къ присягѣ, обрученіе Великой Княжны

Александры Павловны — все сіе и по настоящему своему вліянiю, и по предвидимымъ слѣдствіямъ занимало понятіе каждаго, а особливо послѣднее обстоятельство заставляло ожидать торжественныхъ праздниковъ; причина ихъ предполагать заставляла что жаловать стануть чинами, лентами и прочимъ. Ктожъ етимъ не займется гораздо больше чѣмъ истинною пользою общества? Думать о себѣ прежде всѣхъ было всегда натуральное свойство человѣка, думать о себѣ однимъ исключительно сдѣлалось преимуществомъ и натурою нашихъ современниковъ. Но отойдемъ на часъ отъ такихъ высокихъ предмѣтовъ и поищемъ тѣни отъ солнечнаго зноя въ семейныхъ нашихъ убѣжищахъ.

Пріѣхавши въ Пензу одинъ, дабы менѣе скучать и сверхъ того въ разсужденіи разныхъ переправокъ въ казенномъ моемъ домѣ, остановился я въ домѣ у моего друга Полчанинова, тутъ по вечерамъ отдыхая отъ трудовъ мы рыли землю, копали гряды, сажали цвѣты и помышляли о закладкѣ театра; онъ не имѣя во мнѣ никакой нужды, ибо служа въ Уголовной Палатѣ не входилъ ни въ какую связь съ Казенною, любилъ меня съ благородною искренностію, говаривалъ мнѣ грубыя правды, не щадя моего самолюбія, но въ случаяхъ такихъ гдѣ духъ мой отягощался уныніемъ, онъ его подкрѣплялъ разбивая мысли разными забавами и на сей то конецъ пригнавши изъ Арзамаской своей деревни работниковъ, поставилъ на своемъ дворѣ театръ, помѣщающій до ста слишкомъ человѣкъ, и на немъ собрались мы провести всю зиму. Такой услуги его со многими другими я во вѣки не забуду, о женѣ его ничего здѣсь не скажу изъ уваженія къ нему, кромѣ того, что я подобной ей въ сладострастiи не видывалъ; подробности были бы для мужа оскорбительны, а для друга его поносны, и для того задержимъ завѣсу на поступки противныя доброму порядку; они послужили послѣ къ мучительнымъ для меня приключеніямъ, тогда я можетъ быть и рѣшусь объ нихъ пространнѣе говорить, поставя себѣ правиломъ не таить того, что относится къ моей судьбѣ, съ усерднымъ впрочемъ желаніемъ, щадить всѣхъ тѣхъ, кои пробѣжали путемъ жизни моей какъ мимоходяшія облака, которыя на одно мгновеніе покрываютъ небо, и послѣ неоставляютъ на немъ ни малѣйшаго о себѣ признака. Получая письма всякую почту отъ жены, видѣлъ что она приближается къ разрѣшенію своему. Одежа моя была проста, волосъ я не чесалъ, пудру бросилъ, эти подробности нужны, ибо на нихъ основалось въ послѣдующихъ годахъ такое обо мнѣ заключеніе, которое всю участь мою повредило; но тогда я сею простотою веселился. Любовь къ чтенію во мнѣ не погасла; я выписывалъ книги, вникалъ во всѣ причины мятежа французскаго, но сохраняя благоразумную политику, одѣлъ живущихъ у меня французовъ по королѣ ихъ въ трауръ. Все сіе нужно мнѣ сказать заранѣе, дабы приготовить оправданіе себѣ. Послѣ всѣхъ Иностранцы въ услуженіи моемъ бывшіе, безъ разбора Отечества ихъ приведены были къ присягѣ; мнѣ симъ примѣромъ надлежало наложить узду на стоглавую гидру злословія, и запечатать тысячи устъ ея, но тамъ, гдѣ невидимая какая то сила готовится утѣснить жребій человѣка, тамъ ничто его править не способно, и всѣ его къ тому усилія бываютъ тщетны. Опыты скоро меня въ сей истинѣ утвердили. Время! Ты великой учитель!

Между тѣмъ посѣтилъ меня день радости. Получилъ я отъ жены моей нарочнаго съ извѣстіемъ что Богъ далъ намъ сына Александра;

она родила его благополучно 7 числа Іюня; крестили его Отецъ мой и сестра большая, слава Богу! — и сія беременность жены моей имѣла пріятной успѣхъ. — Ребенокъ взросъ и былъ здоровъ. Скоро послѣ сего извѣстія ѣздилъ я на Ломовскую ярмонку, и въ первой разъ видѣлъ что такое ярмонка; она не изъ самыхъ знатныхъ, но имѣетъ въ Низовомъ краю нѣкоторую извѣстность; народу стекается множество; Казна съ нее получаетъ доходъ весьма не важной, но торгующаго народа не мало. — Съѣзжаются купцы отвсюду и продаютъ товары всякаго рода. Она держится съ 4 Іюля до 8 и расположена бываетъ въ верстѣ отъ города Ламова, у самаго Монастыря, Казанской Богородицы. Всѣ сіи ярмонки завелись отъ набожности Богомольцевъ, кои приходя къ Чудотворнымъ образамъ на поклоненіе, находили нужду для ночлеговъ ставить шалаши. Сперва стали туда носить пищу и напитки, скоро потомъ учредились маленькія базары и народныя всякія цотребности привозимы были; скоро потомъ любопытство привлекло на таковыя народныя собранія и отборныхъ людей, кои пріѣзжая обществомъ возбудили въ купечествѣ охоту устроить лавки, скорые промѣны товаровъ и покупка нужнаго мало по малу приучили туда собираться, и такимъ образомъ сдѣлались по мѣстамъ знатныя ярмонки; разныя предмѣты тутъ заняли мое любопытство, а паче полкъ Тараканова¹⁾, которой тутъ стоялъ лагеремъ; онъ былъ мнѣ издавна пріятель. Тотчасъ появился у меня армейской караулъ. Жилъ я въ Монастырѣ; всякое утро толпились у меня мои подчиненные и Пензенскія дворяне. Цѣлой день гулялъ я по лавкамъ; драгуны отъ меня не отходили; разныя почести питали еще юной мой разумъ, дорого они мнѣ со временемъ стоили. Тѣмъ лучше! Я скоро почувствовалъ ихъ пустоту. Таракановъ, жена его, меня приняли въ свои объятія какъ милаго родного. — Въ вѣщшее доказательство пріязни, онъ снисходя моему малодушію, записалъ новорожденнаго сына моего Алексашу, въ карабинеры въ свой полкъ; потомъ производя его чинами довелъ до кадета въ томъ же году, и на каждой изъ сихъ чиновъ пасторты долго хранились у меня какъ монументъ того счастливаго вѣка, въ которой при Екатеринѣ можно было изъ шутки записывать въ службу ребятъ въ люлькѣ, и она на всѣ сіи безпорядки глядя смѣялась и могла смѣяться, видя что они не мѣшали войскамъ ея быть повсюду побѣдоносными. Младенцы росли, воспитывались дома, съ готовыми паспортами являлись въ полкъ, и достигали въ лучшей порѣ возраста своего Офицерскаго чина; охотно жертвовали собой изъ подвига чести. Чинъ и почести суть химеры, — слѣдовательно воспламенить надобно воображеніе, и воспламенить сильно, чтобы ради креста, либо патента, человѣкъ далъ себѣ ноги и руки рвать ядрами, а человѣкъ, которой съ сѣдыми волосами получаетъ чинъ Офицерской, скорѣе ли полезетъ на крѣпость? Симъ утверждаю я мнѣніе мое что записывать дѣтей въ нижнія чины въ ребячествѣ ихъ, дабы въ юности еще доставалось имъ въ офицеры, не такъ то худо, — и ето я отнюдь не въ пользу дѣтей моихъ говорю, но въ пользу общую, которую тогда Гвардейскіе полки паче всѣхъ ощущали, хотя въ нихъ записывали грудныхъ младенцевъ, и производили въ Офицеры еще до усовъ, однако были жаркіе случаи, и Гвардія нигдѣ тылу непріятелю не показывала.

Таракановъ далъ мнѣ знатной балъ, усладилъ пріятностями ро-

¹⁾ См. № III, стр. 79.

говой музыки, — чего не могъ драгунской Полковникъ во дни Екатерины? все, кромѣ того чтобъ быть честнымъ и вмѣстѣ исправнымъ, — и я самымъ веселымъ образомъ проведя съ недѣлю воротился въ Пензу на прежнюю скуку и философскую думу.

Рядомъ съ удовольствіемъ, всегда непріятность; я сіе испыталъ много разъ и положилъ имѣть твердымъ правиломъ; оно меня не обмануло. Подлинно по возвращеніи моемъ домой съ ярмонки, послѣ забавъ и веселостей, г. Зубовъ пролилъ на бумагѣ всю свою желчь на меня. Онъ нѣсколько доносовъ отправилъ къ Государынѣ, одинъ за другимъ, будто бы я расхитилъ капиталъ винокуреннаго завода, и такъ въ расчетахъ своихъ запутался, что не смотря на то, что онъ состоялъ въ шести стахъ тысячахъ онъ меня клепалъ въ похищеніи милліона, называя безъ чиновъ меня въ приказныхъ бумагахъ святотатцомъ. Не говоря здѣсь ничего въ оправданіе свое, ибо довольно къ оному служить кромѣ поступковъ мною писанныхъ выше съ начала службы моей въ етой должности одно то, что нельзя тамъ украсть милліона, гдѣ всего шесть сотъ тысячъ, и хотя я худо зналъ Арифметику, однако столько разумѣлъ чтобы видѣть что Зубовъ считать не умѣетъ. Говорятъ свой своему по неволѣ другъ. Связь его съ фаворитомъ крайне меня беспокоила, и я нашелся принужденнымъ, дабы предупредить вредныя для себя отъ того послѣдствія, отправить естафетъ въ Петербургъ съ письмами къ самому князю Зубову, къ гр. Солтыкову, кн. Куракину, Васильеву, и разнымъ другимъ особамъ, кои по наружности судя, во мнѣ участіе принимали. Изъ нихъ первому я искренно на дядю его жаловался. На всѣ сіи письма всѣхъ рѣшительнѣе отвѣчалъ мнѣ Кн. Куракинъ, краткимъ слогомъ, увѣряя меня что ничего изъ бумагъ Зубова не выдетъ. Прочія какъ то: гр. Солтыковъ, Васильевъ и иныя отвѣчали письмами кудрявыми, темными, многообѣщающими, и естли бы кто захотѣлъ изъ нихъ выбрать прямой смыслъ, тотъ бы конечно ничего не нашелъ яснаго и надежнаго въ пользу просителя; сіи письма подобны засореннымъ источникамъ изъ коихъ чистой воды трудно достать рюмку, а смѣси много. О кн. Зубовѣ нѣчего и говорить: онъ уже ни къ кому не писывалъ; люди, на такую высокую степень какъ онъ возведенныя, считаютъ ниже себя быть учтивы, предоставляя себѣ какъ нѣкіе боги, миловать съ Небесъ родъ человѣческій; они только къ богамъ себѣ подобнымъ склоняютъ чело благопріятное, прочее все для нихъ ничтожно. Бояре горѣ, — а народъ долу. По сей то самой посылкѣ, которая не меньше вѣрна всѣхъ математическихъ истинъ, почиталъ я себя счастливымъ и тѣмъ что по словамъ Куракина, доносы на меня присланные, обратились въ стыдъ пославшему ихъ и не подѣйствовали противъ меня въ худую сторону; однако и для Зубова не произведя ничего худого, оставались мы по прежнему вмѣстѣ; и фавориту дядю выдать не годится, хотя бы онъ былъ и перваго разбора злодѣй. Будемъ справедливы, отнесемъ тайныя пружины всѣхъ нашихъ злоключеній Творцу міра не безъ видовъ насъ ограничающему. И такъ объ удовлетвореніи обиды имъ нанесенной, не оставалось мнѣ права хлопотать, ибо говорятъ русскія люди: брань на вороту не виснетъ. Хвала Всевышнему, которой зная горделивой духъ мой, смирялъ меня всѣми способами. Послѣ такихъ бурныхъ дней и хлопотъ устрашительныхъ, Небо для меня улыбнулось. Пріѣхала жена изъ Москвы, привезла Павла и новорожден-

наго Алексашу; я ихъ встрѣтилъ подѣ городомъ въ селѣ Солтыкова Безсоновкѣ, и тамъ проживъ дни съ три перебрались въ городъ по случаю кончающагося лѣта, и не здороваго для слабой жены моей времени. Маша дочь наша, оставалась въ Москвѣ у дѣдушки. Онъ умирая не могъ съ нею разстаться. Пріѣздъ жены моей, и ребенка мной еще невиданнаго, наполнилъ душу мою сладкимъ восхищеніемъ. Доколѣ человѣкъ не испорченъ, и сердце его добродѣтельно, что можетъ быть пріятнѣе и милѣе жены съ дѣтьми? Не надобно относить сюда тѣхъ нашихъ постороннихъ привязанностей, кои отвлекая насъ иногда на краткія минуты отъ должностей супружества, питаютъ заблужденіями; сіи мечты скоро исчезаютъ; они не имѣютъ ничего прочнаго, основательнаго, сами собой теряются въ ночь забвенія и впадаютъ въ пропасть тѣхъ безчисленныхъ случаевъ, кои безъ вліянія на душу нашу и правила мгновенно колеблютъ насъ въ жизни, и едва постигаютъ насъ, какъ и проходятъ.—Связь добронравныхъ супруговъ, окружившихъ себя дѣтьми своими, есть изящнѣйшая картина благополучія человѣковъ. Въ такихъ мысляхъ встрѣтя жену мою съ дѣтьми, обрадовался имъ тѣмъ паче что каждая ея беременность, по худому ея здоровью, угрожала ей опасными приключеніями, и что по мнительному моему свойству, въ разлукѣ съ ней на то время, каждая мысль поражала мое воображеніе, и представляла ему часто страхъ, гдѣ его не было. Удовольствіе упоило всѣ мои чувства; я забылъ Зубова, его происки, Ступишина, со всѣмъ хаосомъ разстроеннаго его понятія,—словомъ забылъ все, что меня тревожило, и кинувшись въ объятіи жены моей, наслаждался райскими отрадами.

Пока дѣло дѣлалось, а театръ приходилъ къ концу, и 24. Ноября, день именинъ великой Екатерины, мы положили его обновить публичнымъ представленіемъ; намѣреваясь напечатать о семъ въ газетахъ, выбрали мы комедію Государыни самой по имени Обманщикъ. Думаю, что въ прежнихъ годахъ упоминалъ я о сектѣ Мартинистовъ, а ежели нѣтъ, то здѣсь скажу сокращенно, что по всему свѣту бродила какая то Мартинисская система, основанная на бредняхъ какого то Шведенбурга, которой писалъ отменную. Изъ книгъ Мартинизмомъ въ славу возведенныхъ, бѣгала изъ рукъ въ руки одна называемая: О заблужденіяхъ и истиннѣ. Я о существѣ ея ничего не скажу, ибо не читалъ ее за тѣмъ, что съ перваго листа, ничего въ ней не понималъ.—Люди поработенныя предразсудкомъ, а паче привыкшія жить чужимъ умомъ, часто восхищаются тѣмъ, чего совсѣмъ не понимаютъ. Но что моему театру до того нужды? Кратко сказать, секта эта Государынѣ не нравились; она въ ней видѣла что то такое, чего политика позволять не должнаствовала, и потому издала на счетъ самыхъ приверженныхъ къ ней помянутую комедію; ее играли вездѣ, въ Петербургѣ и Москвѣ благополучно. Я ни слова не молвлю о слогѣ и содержаніи піесы. Государыня была Императрица, а не авторъ, тутъ есть большая разница. Вольтеръ не могъ бы сочинить уложенія, а Царь Алексій не выдумалъ бы Заиры. Для обновленія театра, какъ лучше было выбрать? И такъ сыграли мы при величайшемъ праздникѣ; послѣ комедіи, которой тѣшились все благородныя охотники, въ томъ числѣ я и жена моя, былъ у меня балъ преогромной. Въ театръ впушено было по билетамъ до двухъ сотъ человѣкъ, кои всѣ изъ онаго пріѣхали ко мнѣ; музыка роговая въ саду, а инструментальная въ залѣ, услаждала гостей моихъ. Посѣтилъ меня въ тотъ день и

Губернаторъ, и къ удивленію всего города очень поздно сидѣлъ, и много танцевалъ. Зубовъ точилъ ядъ въ пасмурной своей клѣткѣ; для нечестивыхъ нѣтъ ясныхъ дней на свѣтѣ; несмысленный можетъ иногда разсмѣяться, а злодѣй всегда потупя глаза ходитъ. Надворѣ противъ улицы горѣлъ прозрачной щитъ съ вензелемъ Государыни, подъ коимъ моего сочиненія написаны были стихи. Они напечатаны въ моей книгѣ. Описание сего праздника, которымъ всѣ были довольны, я послалъ въ Газеты, и когда ихъ прочелъ Ступишинъ, то возгорѣлся досадою, противъ меня за то, что Екатерининъ день вмѣсто его праздновался въ моемъ домѣ. За что слабоумный не разсердится? Простимъ все тому, на комъ и Богъ говорятъ не взыщетъ.

Положа симъ праздникомъ начало нашимъ театральнымъ позорищамъ, мы всѣ какъ голодные за кормъ принялись за комедіи, и дабы забавы свои устроить безъ труда, (ибо когда было мнѣ много на нихъ употреблять время, и терять оное въ выучиваніи ролей? досуги мои были такъ коротки, а по врожденной во мнѣ склонности къ театру, играть на немъ хотѣлось и лѣта позволяли) разсудили мы играть весь Сумарокова Театръ Комической. Кто читалъ его комедіи, тотъ знаетъ какая ето нелѣпица; однако мы имѣли терпѣніе всѣ ихъ выучить, и каждую недѣлю разыгрывать; всякія восемь день у насъ были представленія; иныя изъ нихъ такъ были смѣхотворны, что мы и сами расхотавшись не dokonчарѣчь сходили съ театра. Не скажетъ ли кто здѣсь, для чего выбирать такія негодныя сочиненія и въ городѣ губернскомъ, гдѣ такъ сказать, театръ имѣетъ больше нежели гдѣ нибудь обязанность образовать юношество? На сіе я отвѣчаю во первыхъ, что я былъ не патріотъ Пензенской а эмигрантъ Московской, слѣдовательно воспитывать юношество не почиталъ своею должностію, а во вторыхъ мы искали какъ выше сказано забавляться безъ труда и смѣются искреннимъ смѣхомъ, но безъ разума шутить даръ подлыя души. Такъ читалъ я етотъ стихъ у Сумарокова, но онъ вѣрно думалъ противное, когда сочиняя свои комедіи для двора Елисаветы, искалъ ее смѣшить и успѣвалъ въ намѣреніи. Нѣтъ! не въ выборѣ піесъ меня винили; нашлись люди кои выдумали будто я играю за деньги, беру за входъ съ приказнослужителей, нашлись люди кои ето написали въ Питеръ; дивитесь больше, — нашлись люди между знатыми особами, кои не постыдились етому повѣрить, и съ большимъ выговоромъ писала объ етомъ къ сестрамъ моимъ графиня Наталья Владиміровна Солтыкова. Когда бы не было страмцовъ на свѣтѣ, конечно бы и сплетенъ было меньше. Всѣ сіи слухи однако не препятствовали мнѣ веселится не смотря на послѣдствія; латинская пословица: *Quidquid agis prudenter rogas et respice finem* совсѣмъ изъ памяти моей истребилась. Старика Барвица ужъ не было въ Пензѣ; онъ откомандированъ былъ къ Тамбову, по какимъ то надобностямъ военной службы или его начальниковъ, чего распознать иногда бываетъ не возможно. Къ умноженію веселостей способствовалъ домъ Губернскаго Предводителя Машкова, на ту зиму въ Пензѣ основавшагося; съ нимъ была дочь его. Она заманивая меня своими прелестьми, всякой день какъ сирена, составляя ежечаство наше общество, готовила мнѣ существенныя прискорбности; но характеръ мой давно читателю извѣстенъ; театръ и женщины были два источника, откуда черпались главныя мои страсти, и потому не имѣя довольно стоическаго

духа, чтобы воспротивится пріятностямъ очаровательнаго пригожества, стремился со всемъ пламенемъ необузданной страсти въ приготовляемую мнѣ судьбою пропасть. При такихъ случаяхъ общій и одинъ ропотъ: почто человѣкъ не знаетъ о будущемъ? Повторю что уже сказалъ въ другомъ мѣстѣ, — суетное желаніе! Тѣмъ лучше. Завѣса отъ насъ его скрывающая есть драгоцѣнный залогъ Божія къ роду человѣческому благоволенія. Предположимъ противное: — что изъ того выдетъ? Радости потеряютъ свою сладость, ибо предварительныя о ней свѣденія, истощать всѣ мечты пылкаго нашего воображенія; придетъ часъ отрады, и ужъ онъ не такъ будетъ для насъ живъ, потому что мы слишкомъ рано объ немъ одумали; нанесется ли ударъ? Но мы, бывъ о немъ свѣдуши прежде, уже сокрушились гораздо ранѣе, и самое пораженіе можетъ быть легче будетъ въ свою минуту, нежели тѣ тягостныя ожиданія, тѣ страхи, волненія, мысленныя безпокойства, въ которыхъ мы до него жили. Слава Богу! скажу я внутри души моей, что мы о завтрешнемъ днѣ сегодня ничего не знаемъ!

Зубова сумазбродство дѣлало отгѣнку моему удовольствію, и онъ до того его довелъ, что уже и самыя пріатели его говорили, будто онъ въ правду ряхнулся. Я въ етомъ никому не противорѣчилъ; но поелику вліяніе безумнаго на дѣла, могло бы подвергнуть меня непріятностямъ, ибо снаровки моей ему по службѣ при случаѣ щекотливомъ никто бы не уважилъ, то и рѣшился я актомъ Казенной Палаты препоручить должность его другому, ибо онъ уже послѣ неудачи своихъ доносовъ, разсердясь, въ присутствіе не ѣздилъ, и свою часть совѣмъ запустилъ, а зимнее время въ разсужденіи заводовъ, требовало дѣятельнаго надъ ними управленія, и въ Ноябрь по формѣ, послалъ о безпорядкахъ отъ него происходящихъ въ Сенатъ рапортъ. Вотъ какъ прошелъ сей годъ. Соберусь съ духомъ и начну будущій, но не предваряя его, а желая пріятною чертою пера кончить етотъ, скажу нѣчто о Струйскомъ¹⁾, съ которымъ я познакомился заѣхавъ къ нему лѣтомъ, когда то случайно. Потеря нѣкоторыхъ моихъ записокъ, подвергла меня въ числахъ многимъ можетъ быть ошибкамъ, коихъ и исправить не можно за отдаленіемъ описываемаго времени. Етотъ дворянинъ заслуживалъ особеннаго вниманія; будучи не бѣденъ, напротивъ достаточенъ, живучи въ прекрасномъ домѣ, коего убранство возвѣщали вкусъ и роскошь, окруженъ пріятною женою со многими добрыми дѣтьми, изъ коихъ иные были въ занимательномъ возрастѣ, словомъ: находясь въ возможности при регулярномъ хорошемъ садѣ, обширныхъ дачахъ, и всѣхъ изобиліяхъ натуры, наслаждатся жизнію благополучнаго человѣка, ежели онъ есть гдѣ нибудь кромѣ нашего воображенія. Етотъ самой Г. Струйской, влюбясь въ стихотворенія собственно свои, издавалъ ихъ денно и ночно, закупаля французской бумаги пропасть, выписывалъ буквы разнаго калибра, учредилъ типографію собственно свою, и убивалъ на содержаніе ея лучшую часть своихъ доходовъ. Онъ имѣлъ кабинетъ въ самомъ вѣрху дома, называемой Парнассъ; въ сіе святилище никто не хаживалъ, ибо говорилъ онъ, не должно метать бисера свиньямъ. Меня онъ удостоилъ ласковаго тамъ пріема, за которой дорого заплатилъ однако одинъ изъ моихъ товарищей, ибо онъ читая мнѣ одно свое произведеніе,

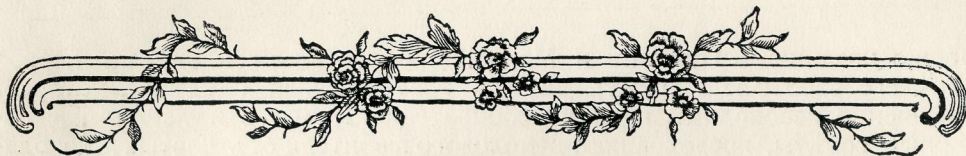
¹⁾ См. № II, стр. 79.

и натурально изъ хвастовства по мнѣнію его лучшее, сильно будучи имъ восхищаемъ, щипаль его въ восторгѣ до синихъ пятенъ. Изступленія подобнаго когда о стихахъ говорили я не видываль. Все обращеніе его впрочемъ было дико, одѣваніе странно; онъ носилъ съ фраккомъ парчевой камзолъ, подпоясывался розовымъ кушакомъ шолковымъ, обувался въ бѣлыя чулки, на башмакахъ носилъ бантики, и длинную повязываль прусскую косу. Вотъ его видъ въ которомъ онъ мнѣ показывался; охотно думаю что ето его былъ нарядъ, и только для меня въ изъявленіе большой преданности.

(Продолженіе слѣдуетъ).

L. Rodinelli

БИБЛІОГРАФІЯ.

Bibliographie.

I.

Леманъ, І. І. Гравюра и литографія. Изд. Кружка Любителей Русскихъ Изящныхъ Изданій. Спб. 1913. больш. 8°, тип. Голике и Вильборгъ.

Наше издательское дѣло обогатилось новымъ и весьма цѣннымъ вкладомъ — юбилейнымъ изданіемъ Кружка Любителей Русскихъ Изящныхъ изданій, о которомъ уже сообщалось въ одномъ изъ предыдущихъ номеровъ Русскаго Библіофила.

Книга Лемана украшена 186-ю иллюстраціями, изъ которыхъ 72 внѣ текста, а именно: 1 гравюра сухой иглой, 7 геліогравюръ (1 въ краскахъ) 59 фототипій (три въ краскахъ) и т. д., при чемъ къ особымъ, членскимъ экземплярамъ, отпечатаннымъ въ количествѣ 60-ти, приложенъ еще одинъ рисунокъ въ краскахъ, — воспроизведеніе извѣстной англійской гравюры W. Ward'a, Juvenile Employment.

Новый трудъ является первой на русскомъ языкѣ исторіей гравюры и литографіи, составленной весьма полно и подробно, и по своему значенію долженъ занять почетное мѣсто въ цѣломъ рядѣ первоклассныхъ сочиненій на всѣхъ языкахъ по вопросамъ графики.

Авторъ подробно останавливается на всѣхъ техническихъ способахъ гравированія и щедро поясняетъ свой текстъ иллюстраціями. Жаль только, что выборъ воспроизведеній страдаетъ нѣкоторою случайностью, и они далеко не всегда даютъ намъ представленіе о дѣйствительно лучшихъ образцахъ того или иного способа.

Къ книгѣ приложена весьма интересная и полезная для всякаго собирателя статья М. А. Остроградскаго: Эстампъ и его внѣшній видъ, дающая множество интересныхъ свѣдѣній изъ практики давнишняго и опытнаго коллекціонера.

Н. С.

II.

Лазаревскій И. И. Среди коллекціонеровъ. Спб. 1914. 8°, Изд. А. М. Грамматикова. Тип. Голике и Вильборгъ.

Начинающій и неопытный коллекціонеръ въ Западной Европѣ, приступая къ собиранію интересующихъ его предметовъ искусства, книгъ, гравюръ, автографовъ, exlibris'овъ, монетъ и даже почтовыхъ марокъ, имѣетъ въ своемъ распоряженіи цѣлый рядъ отлично составленныхъ и

хорошо изданных Guid'овъ и Manuel'ей облегчающихъ ему въ первое время его работу и дающихъ ему тѣ элементарныя свѣдѣнія, которыя совершенно необходимы всякому собирателю. Книги эти даютъ всевозможные совѣты, предохраняють молодого любителя отъ частыхъ поползновеній торговцевъ пользоваться его неопытностью, научають его распознавать поддѣлки и т. д. и т. д.

У насъ до сей поры почти не было такихъ руководствъ, и потребность въ нихъ чувствовалась все болѣе, по мѣрѣ распространенія въ нашемъ обществѣ любви ко всякаго рода коллекціонерству.

Книга И. И. Лазаревского, изяшно изданная и толково составленная, пополняетъ этотъ пробѣлъ и несомнѣнно крайне полезна для всякаго начинающаго коллекціонера. Собиратели книгъ, гравюръ, фарфора, мебели, найдутъ въ ней самыя необходимыя элементарныя свѣдѣнія о интересующихъ ихъ предметахъ, свѣдѣнія, которыя дались другимъ, путемъ долгаго опыта и цѣлаго ряда ошибокъ.

Книга написана живымъ языкомъ и читается съ большимъ интересомъ.

III.

Un maitre du roman russe Ivan Gontcharov. 1812—1891. Par André Mazon. Paris. 1914. 8° X+474 pp.

Почтенный французскій ученый уже достаточно солидно зарекомендовалъ себя въ западной филологической наукѣ, какъ авторъ двухъ серьезныхъ и оригинальныхъ изслѣдованій изъ области морфологій русскаго языка. Такая строгая подготовка не могла, конечно, не отразиться на его послѣднемъ трудѣ, столь отличномъ по замыслу и по выполнению отъ тѣхъ фельетонныхъ эскизовъ, которые, увы, чаще всего подносятся иностранному читателю, интересующемуся жизнью и творчествомъ русскаго народа. Работа г. Мазона—именно работа—отнюдь не представляетъ собою легонькой „conférence“, пробавляющей старымъ, но надлежащимъ образомъ „препарированнымъ“. Г. Мазонъ въ совершенствѣ овладѣлъ источниковѣднѣемъ исторіи нашей литературы — и въ этомъ сила его самого и достоинство его книги; особливо, если учитывать слабость нашей библіографіи, какъ вспомогательнаго научнаго аппарата. Г. Мазонъ чувствуетъ себя словно дома въ дебряхъ и глубинахъ нашихъ старыхъ журналовъ и разбросанныхъ въ нихъ запискахъ и мемуарахъ и т. д. Но онъ пошелъ еще гораздо дальше и мастерски разобрался въ „pièces justificatives“ своего труда, которыя такъ и дышатъ „архивной свѣжестью“ — свѣжестью новизны. Любопытный и зоркій глазъ г. Мазона извлекъ на свѣтъ многое, что проглядѣли наши историки литературы, несомнѣнно находившееся въ болѣе лучшихъ условіяхъ для ориентированія, нежели пришлый человѣкъ.

Давъ обстоятельную біографію Гончарова и аналитически прослѣдивъ всѣ сказавшіяся на творцѣ „Обломова“ вѣянія, г. Мазонъ продѣлалъ кропотливый, но благодарный разборъ текста Гончаровскихъ произведеній, приведя рядъ любопытнѣйшихъ реконструированій основныхъ вариантовъ. Г. Мазонъ весьма остроумно использовалъ систему „двуязычнаго“ текста своей монографіи. Источники почти всѣ цитируются на русскомъ языкѣ, дѣлая такимъ образомъ книгу вполнѣ доступною

пониманію русскаго читателя, лишеннаго возможности читать по-французски. Корректурa книги — всей вообще и русскаго текста въ частности пройдена „сквозь лупу“. Указатель личныхъ именъ при его просмотрѣ не награждаетъ сюрпризами отсылки на совѣмъ несоотвѣтствующую страницу, какъ это частенько бываетъ.

Не хотѣлось бы прибѣгать къ нѣскольکو тривіальной фразѣ, что изслѣдованіе г. Мазона есть „цѣнный вкладъ въ науку“, но въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло именно съ „вкладомъ“ и именно въ „науку“.

Другой „подстановки“ словъ какъ-то не придумать.

В. Анд—ъ.

IV.

Временникъ Пушкинскаго дома. 1913. Санктпетербургъ 8°, XXI + 77 стр.

Вышедшій недавно первый выпускъ „Временника Пушкинскаго дома“ имѣетъ цѣлью ознакомить изслѣдователей и любителей русской литературы съ новымъ литературнымъ музеемъ, мысль объ учрежденіи котораго возникла вскорѣ послѣ празднованія столѣтія со дня рожденія Пушкина. „Пушкинскій домъ“ коллекционируетъ не только то, что относится къ имени самого великаго поэта, но имѣетъ цѣлью собирать все относящееся ко всѣмъ вообще нашимъ писателямъ XIX вѣка, до Чехова включительно.

Собственно „домъ“ пока еще не существуетъ, но уже и теперь, благодаря энергіи лицъ, стоящихъ во главѣ этого дѣла, созданъ весьма любопытный литературный музей, помѣщающійся пока въ зданіи Императорской Академіи Наукъ. Особеннаго вниманія, среди коллекцій музея, заслуживаетъ личная библіотека самого поэта, подробно описанная Б. Л. Модзалевскимъ въ изданіи „Пушкинъ и его современники“. Кромѣ того въ музей поступила вся библіотека села Тригорскаго, семейные портреты, хранившіеся въ селѣ Болдинѣ, а также принадлежавшіе племяннику Пушкина — Л. Н. Павлищеву, рядъ вещей, принадлежавшихъ поэту и т. д.

Изъ числа крупныхъ пожертвованій и приобрѣтеній, имѣющихъ отношеніе къ другимъ писателямъ, слѣдуетъ назвать библіотеку и литературный архивъ друга Пушкина, П. А. Плетнева; дѣла, касающіяся нѣкоторыхъ русскихъ писателей, поступившія изъ разныхъ архивовъ; всѣ бумаги беллетриста И. Л. Щеглова-Леонтьева; архивъ поэта Садовникова; архивъ Н. А. Добролюбова и т. д. Обѣщана передача въ „Пушкинскій домъ“ литературнаго архива Д. В. Григоровича, рукописей Надсона и другихъ бумагъ. Кромѣ того, Пушкинскому же дому принадлежатъ находящіеся пока въ Парижѣ извѣстныя коллекціи А. О. Онѣгина. Библіотека „Дома“ насчитываетъ уже около 25 тысячъ томовъ.

Въ первомъ выпускѣ „Временника“, кромѣ исторической справки о возникновеніи „Пушкинскаго дома“, помѣщено съ особой нумераціей страницъ, описаніе „Архива Н. А. Добролюбова“, весьма обстоятельно выполненное Влад. Княженинымъ. Выпускъ украшенъ нѣсколькими снимками съ помѣщений „Дома“, съ портретовъ и автографовъ писателей; вообще внѣшній видъ изданія производитъ своимъ изяществомъ очень благоприятное впечатлѣніе.

В. С.

V.

Библиографическій ежегодникъ. Выпускъ III. Подъ ред. И. В. Владиславлева. Систематическій указатель литературы за 1913 годъ. Москва, Книгоиздательство „Наука“. Цѣна 1 рубль 50 коп. 8°, 369 стр.

Выходящій уже третій годъ указатель г. Владиславлева имѣетъ цѣлью зарегистрировать по возможности всѣ, вышедшія за отчетный годъ, изданія, „представляющія извѣстный научный, художественный или общественный интересъ“. При этомъ вовсе не указывается литература, имѣющая чисто-мѣстный интересъ, изъ оттисковъ и диссертаций вводятся лишь тѣ, которыя не имѣютъ узко-спеціального характера, затѣмъ не перечисляются дѣтскія книги (беллетристика), учебники для низшихъ школъ, конспекты учебныхъ руководствъ и пр. Совершенно не попадаетъ въ указатель также литература, касающаяся военного дѣла, большой отборъ дѣлается въ литературѣ богословской и т. д. Такимъ образомъ, справочникъ г. Владиславлева принаровленъ къ потребностямъ средняго читателя, спеціалиста же въ какой-угодно области указатель едва ли удовлетворитъ, такъ какъ не даетъ перечня всей безъ исключенія литературы.

Указатель классифицированъ по десятичной системѣ, усиленно въ послѣднее время пропагандируемой издательствомъ „Наука“, „Московскимъ Библиографическимъ Обществомъ“ и пр. Есть, конечно, нѣкоторыя достоинства въ этой системѣ, и главнымъ образомъ — ея международность: съ опредѣленнымъ десятичнымъ индексомъ можно найти книгу, по какому угодно отдѣлу, въ любой изъ тѣхъ западно-европейскихъ библиотекъ, гдѣ эта система принята. Но эти небольшія преимущества совершенно затушевываются недостатками десятичной системы, особенно ощущаемыми тѣмъ читателемъ-неспеціалистомъ, для котораго и предназначена книга г. Владиславлева. Совершенно искусственное подраздѣленіе всей системы человѣческихъ знаній на десять отдѣловъ, въ свою очередь дѣлящихся еще на десять рубрикъ и т. д., не сообразно ни съ философскою классификаціей наукъ, ни съ удобствами пользованія. Большимъ недостаткомъ десятичной системы является также то, что, преслѣдуя удобство международного пользованія книгами, классификація эта совсѣмъ не учитываетъ того обстоятельства, что въ каждомъ государствѣ, естественно, получаетъ наибольшее развитіе литература національная, которая и должна поэтому классифицироваться съ большею подробностью. Въ указателѣ же г. Владиславлева русская изящная литература, напримѣръ, занимаетъ второстепенное мѣсто, наряду съ литературами индійской, арабской, азіатской и т. п. Между тѣмъ книгъ по индійской литературѣ указывается всего одна, а по русской — около девятисотъ. Не говоримъ уже про то, что русская литература стоитъ на седьмомъ мѣстѣ среди второстепенныхъ литературъ! Въ такомъ же печальномъ положеніи находится русская исторія и т. д.

Неудобство системы — главный недостатокъ книги г. Владиславлева. Но есть и другія отрицательныя стороны. Такъ, въ указателѣ не дано списка всѣхъ періодическихъ изданій, а приведенъ лишь перечень газетъ и журналовъ, вновь появившихся въ отчетномъ году. Г. Владиславлевъ говоритъ, что указывать всѣ періодическія изданія „Ежегодникъ“ „конечно не имѣетъ возможности“. Для насъ это совсѣмъ непонятно. Мы

считаемъ необходимымъ, чтобы указатель, подобный книгѣ г. Владиславлева, кажды́й годъ давалъ перечень всѣхъ, или хотя бы главнѣйшихъ, не узко-спеціальныхъ, журналовъ и газетъ. Иначе, какъ это наблюдается теперь въ указателѣ г. Владиславлева, справки о журналахъ становятся очень затруднительны и, кромѣ того, нельзя составить себѣ представленія о характерѣ русской періодической печати за отчетный годъ.

Неполная регистрація журналовъ сказывается не только въ этомъ. Едва ли не хуже еще то, что г. Владиславлевъ не указываетъ приложений къ журналамъ. Нѣтъ приложений къ „Нивѣ“ — сочиненій Л. Андреева и Вересаева, нѣтъ приложений къ „Вѣстнику Знанія“ и т. д. Очевидно, приложения совсѣмъ пропущены. Это — крупный промахъ, особенно если принять во вниманіе то значеніе и распространеніе, которое теперь имѣютъ журнальныя приложения.

Затѣмъ, рецензіи на книги, г. Владиславлевъ указываетъ отдѣльно. Было бы гораздо удобнѣе упоминать ихъ при соотвѣтствующихъ книгахъ, а только въ томъ случаѣ помѣщать отдѣльно, когда рецензируемая книга была указана не въ данномъ, а въ предшествующемъ выпускѣ „Ежегодника“.

Даже десятичную систему г. Владиславлевъ не вездѣ послѣдовательно проводитъ. Такъ, при книгахъ стоятъ десятичные индексы, а въ „указателѣ журнальной литературы“ ихъ почему-то нѣтъ.

Мы могли бы указать и на пропускъ въ регистраціи изданій, но не будемъ этого дѣлать: весьма возможно, что нѣкоторыя книги, нужныя, по нашему мнѣнію, были „отметены“ г. Владиславлевымъ, какъ макулатура.

Но, въ общемъ, конечно, книга г. Владиславлева, какъ и всякій справочникъ, полезна. Однако, она могла бы быть болѣе удобной для пользованія, если бы г. Владиславлевъ принялъ какую-либо болѣе удобную, чѣмъ десятичная, систему классификаціи. Впрочемъ, на это мы не надѣемся.

В. С.

VI.

1) Вадимъ Новгородскій. Трагедія Я. Княжнина. Съ предисловіемъ В. Саводника. Москва 1914. XXIII + 64 стр. 2) Ариѳметика Магницкаго. Точное воспроизведеніе подлинника. Съ приложеніемъ статьи Н. Баранова. Москва 1914.

Какъ ни различны по содержанію оба разсматриваемыхъ изданія, но мы ихъ указываемъ вмѣстѣ, ибо цѣль перепечатки одна — сдѣлать доступнымъ для пользованія двѣ замѣчательныхъ книги XVIII вѣка.

Г. Саводникъ, недавно начавшій перепечатку выдающихся масонскихъ книгъ XVIII вѣка, теперь выступилъ съ переизданіемъ „Вадима Новгородскаго“, который, какъ извѣстно, при первомъ изданіи былъ уничтоженъ вслѣдствіе наличія въ книгѣ неблагопріятно истолкованнаго публицистическаго элемента. Трагедія Княжнина уже перепечатывалась дважды: Ефремовымъ въ „Русской Старинѣ“ 1871 г. и Бурцевымъ въ его „Библиографическомъ описаніи рѣдкихъ и замѣчательныхъ книгъ“. Обѣ эти перепечатки были однако, не вполнѣ равными, такъ какъ по цензурнымъ

условіямъ, въ нихъ находился пропускъ четырехъ строкъ. „Такимъ образомъ, говоритъ г. Саводникъ, только въ настоящемъ изданіи впервые перепечатывается цѣликомъ, безъ всякихъ пропусковъ, текстъ трагедіи“. Это не безусловно точно: имѣлись отдѣльные оттиски Ефремовской перепечатки, гдѣ текстъ трагедіи воспроизведенъ былъ полностью.

Г. Саводникъ снабдилъ книгу предисловіемъ, разъясняющимъ значеніе „Вадима Новгородскаго“. Жаль только, что исторія цензурныхъ гоненій на „Вадима“, хотя и достаточно извѣстная, не пересказана подробно въ новомъ изданіи. Во всякомъ случаѣ, мысль перепечатать для научнаго пользованія „Вадима“ заслуживаетъ самаго полного вниманія.

Съ большимъ сочувствіемъ встрѣчаемъ мы и перепечатку знаменитой Ариѣметики Магницкаго, — представляющей намъ первый печатный курсъ математики, относящейся къ 1703 году. Г. Барановъ подходитъ къ своей цѣли, какъ математикъ, но его перепечатка не лишена и библиографическаго значенія. Любопытно такое наблюденіе издателя: „Сличая разные экземпляры „Ариѣметики“ Магницкаго, говоритъ г. Барановъ, я встрѣчалъ среди нихъ такіе, въ которыхъ въ свое время были сдѣланы нѣкоторыя типографскія исправленія путемъ закрыванія краской (большею частью бѣлой), нѣкоторыхъ ошибочно напечатанныхъ словъ и знаковъ и выправленіе нѣкоторыхъ опечатокъ“. Вся „Ариѣметика“ Магницкаго — довольно значительнаго объема, а потому воспроизведеніе ея займетъ нѣсколько выпусковъ. Вышедшій первый выпускъ очень удачно передалъ особенности первопечатнаго набора, съ его характерными гравюрами и заставками; книга отпечатана въ двѣ краски сообразно тому, какъ это сдѣлано въ подлинникѣ. Къ сожалѣнію, издателемъ, ради дешевизны изданія, не сохраненъ первоначальный форматъ „Ариѣметики“.

В. Л.

ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ ОБЪ ИСКУССТВѢ.

Les livres d'art français.

L'art de notre temps—такое заглавіе серіи монографій издаваемыхъ Librairie centrale des beaux-arts въ видѣ отдѣльных альбомовъ, въ 4^о, заключающихъ въ себѣ каждый по 48 гравюръ внѣ текста и замѣтокъ къ нимъ, предшествуемыхъ біографическимъ и критическимъ введеніемъ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ мы и коснемся въ настоящей хроникѣ.

Léon Rosenthal, одинъ изъ выдающихся знатоковъ французскаго искусства, написалъ прекрасное изслѣдованіе о Daumier (I томъ, 114 стр., 48 рис.). Единственный недостатокъ этой статьи тотъ, что она страдаетъ отсутствіемъ точныхъ данныхъ объ отдѣльных работахъ художника и даетъ слишкомъ мало историческихъ о нихъ свѣдѣній. Приходится въ данномъ случаѣ обращаться къ работамъ предшествующимъ—которыя довольно многочисленны—какъ напр. трудъ Arsène Alexandre'a, появившійся въ 1888 году и заключающій въ себѣ библиографическія свѣдѣнія о книгахъ и журнальныхъ статьяхъ, въ которыхъ до того времени говорилось о Daumier. Затѣмъ много интереснаго писали о художникѣ—Baudelaire въ своихъ „Curiosités esthétiques“ Champfleury въ своей „Histoire de la caricature moderne“ и Jules Claretie въ своихъ „Peintres et sculpteurs“. Изъ новѣйшихъ авторовъ упомянемъ о Roger Marx, G. Geffroy, André Michel и Henry Marcel, также посвятившихъ статьи знаменитому карикатуристу.

Каталогъ произведеній Daumier былъ набросанъ Champfleury, Arsène Alexandre и Beraldi, затѣмъ законченъ—для литографій Hazard и Delteil (Catalogue de l'oeuvre lithographié de Daumier, 1904) а для живописи и рисунковъ—Классовскимъ (въ его работѣ озаглавленный—Daumier, peintre et dessinateur. Мюнхенъ. 1908.) Остается еще составить инвентарь гравюръ на деревѣ артиста,—задача трудная, такъ какъ ихъ около тысячи.

Daumier, родившійся въ Марселѣ въ 1808 году, жилъ съ ранняго дѣтства въ Парижѣ, въ постоянномъ общеніи съ большою публикою, со столичною жизнью. Уже въ двадцать пять лѣтъ отъ роду, извѣстный какъ карикатуристъ, онъ являлся однимъ изъ главныхъ увеселителей публики. Не смотря на всѣ усилія личныя, а также—друзей его и знатоковъ, онъ всетаки не могъ добиться успѣха въ живописи, а между тѣмъ онъ былъ художникъ-живописецъ. Только теперь ему воздаютъ должное и картины его, которыми пренебрегали его современники, фигурируютъ на почетномъ мѣстѣ въ большихъ коллекціяхъ. Наоборотъ, въ настоящее время появилась тенденція относиться пренебрежительно

къ первоначальныхъ произведеніямъ его литографскимъ, что также несправедливо, такъ какъ и онѣ являются вполне достойными великаго мастера и доказываютъ удивительную разносторонность его таланта.

Артистическія способности Daumier предугадалъ въ немъ Alexandre Lenoir, а Ramelet былъ первымъ его наставникомъ въ искусствѣ литографскомъ. Дебютировалъ онъ въ 1829 году сценами патріотическаго содержанія и военными въ жанрѣ Charlet. Революція 1830 года застала его еще ученикомъ, когда личность его еще не опредѣлилась. Между тѣмъ, это былъ моментъ особаго процвѣтанія карикатуры политической. Обстоятельства способствовали развитію его генія. Онъ съ воодушевленіемъ и страстью вступилъ въ борьбу и присоединился къ рисовальщикамъ, которые, насмѣявшись вдоволь надъ свергнутымъ Карломъ X, направили затѣмъ свои насмѣшки съ тою же яростью и противъ новаго режима. Присужденіе къ шестимѣсячному заключенію въ тюрьму, за рисунокъ, на которомъ онъ изобразилъ Луи-Филиппа въ видѣ Гаргантюа, доставило ему тотчасъ-же извѣстность.

Его первыя произведенія, по рисунку хотя и нѣсколько робкія, нерѣшительныя и сѣроватыя, все же отличаются выразительностью, движеніемъ и гармоніей и ясно доказываютъ его республиканскій энтузіазмъ и ненависть къ клерикаламъ. Онъ подражаетъ въ эти времена своимъ предшественникамъ — Decamps, Henri Monnier и Grandville. Съ 1832 года онъ становится уже самостоятельнымъ. Его рисунокъ становится болѣе точнымъ и перспектива болѣе опредѣленною. Личныя свойства его таланта съ тѣхъ поръ выражаются уже ясно, какъ въ хорошихъ его произведеніяхъ, такъ и въ дурныхъ. По поводу его первыхъ работъ имѣется интересное изслѣдованіе. Дѣло касается серіи политическихъ портретовъ, озаглавленной „Les Masques de 1831“, появившейся въ слѣдующемъ году, въ „Caricature“. Daumier въ залѣ засѣданія суда прежде всего изучалъ фигуры своихъ жертвъ, затѣмъ, вернувшись въ мастерскую, прежде чѣмъ приняться за карандашъ, лѣпилъ ихъ изъ глины. Эти замѣчательныя по выразительности глиняныя фигурки по счастью сохранились и были изображены въ 1905 году въ книжкѣ „L'art et les artistes“ въ видѣ иллюстрацій къ статьѣ G. Geffroy.

На ряду съ этимъ методомъ въ то же время артистъ прибѣгаетъ и къ способу болѣе простому и легкому: онъ усиливаетъ съ преувеличенной наивностью едва замѣтныя характерныя черты оригиналовъ, придавая имъ, такимъ образомъ, отгѣнокъ комичности. Въ этихъ случаяхъ рисунокъ точно опредѣляетъ намѣреніе артиста. Черты его твердыя и обрисовка рѣзкая. Отчасти въ рисункахъ такого сорта замѣтно нѣкоторое позаимствованіе манеры Decamps съ его обильными черными тѣнями и рѣзкими рельефами, но вмѣстѣ съ тѣмъ отсутствуетъ та ненатуральность, которая присуща произведеніямъ этого послѣдняго художника. Вскорѣ эта манера рѣзкаго рисунка съ свѣтлыми бликами и черными, глубокими тѣнями дѣлается обычной манерой Daumier въ этотъ блестящій періодъ его художественной дѣятельности, хотя встрѣчаются и исключенія. Такъ, напр. въ 1834 году, онъ даетъ прекрасный большой рисунокъ, посвященный свободѣ печати, исполненный въ свѣтлыхъ тонахъ и съ замѣчательною отчетливостью.

Вынужденный, въ силу Сентябрскихъ законовъ, отказаться отъ сатиры политической, Daumier обращается къ критикѣ нравовъ, которую

интересовался еще и прежде. Онъ посвящаетъ себя всецѣло сатирѣ социальной и сотрудничаетъ въ „Charivari“ почти безъ перерыва 37 лѣтъ за исключеніемъ годовъ 1862—1864. Въ одной коллекціи „Charivari“ и находятся почти всѣ его литографическія произведенія. Его артистическая мощь далеко превышала не только требованія большей части публики, но даже и способности ея пониманія. Интересно замѣтить по поводу его карикатуръ, что изъ подписей къ рисункамъ ему не принадлежитъ почти ни одной, такъ какъ онъ совершенно былъ лишенъ малѣйшаго литературнаго таланта.

Первая серія карикатуръ была посвящена личности, которую знаменитый актеръ Frédéric Lemaître сдѣлалъ извѣстною: Robert Macaire. Сюжетъ былъ выбранъ директоромъ „Charivari“ — Philipon, который составлялъ подписи. Вызвано это было невозможностью вести открытую борьбу съ правительствомъ, нападать на главную опору его — буржуазію и на всевозможныхъ мошенниковъ, изобличенныхъ и скрытыхъ, появившихся въ эпоху процвѣтанія экономическаго. Сто одна карикатура появилась на этотъ сюжетъ съ 20 августа 1836-го по 25 октября 1838-го годовъ. Въ концѣ концовъ публика устала ранѣе артиста и Daumier долженъ былъ отказаться отъ опубликованія второй серіи, которую онъ уже подготовилъ, какъ продолженіе первой.

Фактура этой серіи Robert Macaire довольно оригинальна: художникъ издалъ свои рисунки раскрашенными, при чемъ ихъ рѣзкая окраска мѣстами маскируетъ рисунокъ, который самъ по себѣ великолѣпенъ. Тѣ же достоинства рисунка выдѣляются въ произведеніяхъ Daumier другого рода — въ виньеткахъ и орнаментированныхъ буквахъ, которыми онъ украшалъ свои иллюстраціи. Въ нихъ онъ проявлялъ замѣчательное изящество, едва касаясь бумаги концомъ пера или остриемъ карандаша. Daumier сотрудничалъ также въ изданіи „Les Français peints par eux mêmes“; онъ изобразилъ кромѣ того нѣсколько типовъ для „Mystères de Paris“ и снабдилъ своими рисунками нѣкоторые изъ тѣхъ „Physiologie“, которые имѣли такой успѣхъ во времена Луи-Филиппа.

Впослѣдствіи, въ 1862, 1863 и затѣмъ въ 1867 и въ 1868 годахъ Daumier доставилъ въ „Monde Illustré“ серію рисунковъ, которые были гравированы на деревѣ. Но въ это время техника гравюры на деревѣ измѣнилась. Граверы передавали точно рисунокъ, но ослабляли его рѣзкость. Благодаря этому этотъ сортъ работъ Daumier цѣнится менѣе другихъ. Тѣмъ не менѣе артистъ потратилъ на нихъ много усилій воображенія и работалъ надъ ними съ большимъ прилежаніемъ, чѣмъ надъ литографіями, которыя поставлялъ въ то же время въ „Charivari“.

Передъ эпохой одолѣвшаго артиста утомленія, онъ произвелъ еще много замѣчательныхъ работъ и даже вернулся въ литографическихъ своихъ произведеніяхъ къ первоначальному энергичному стилю своихъ политическихъ карикатуръ, отъ котораго отказался въ своихъ карикатурахъ на мотивы социальные. Henri Marcel пишетъ по поводу его работъ этой эпохи слѣдующее: „Daumier нѣсколькими штрихами обрисовываетъ контуръ модели, отдѣльныя части тѣла и опредѣляетъ его положеніе въ пространствѣ пятнами свѣто-тѣни, достигаемыми полной неприкосновенностью поверхности камня и наряду съ этимъ — раздробленіемъ карандаша на томъ же камнѣ. Онъ отбрасываетъ употребленіе орудія съ заостреннымъ концомъ, дающимъ черты тонкія и отчетливыя; онъ хочетъ,

чтобы неправильные изломы карандашной массы изцарапали доску рѣзкими чертами. Черный фонъ, который онъ всячески углубляетъ и которому придаетъ бархатистость, служитъ ему основаніемъ, на которомъ должны выступить въ тонкихъ и легкихъ модуляціяхъ различные оттѣнки тоновъ сѣраго и бѣлаго. Полу-тона достигаются или скобленіемъ и утонченіемъ чернаго слоя или же, еще чаще, безчисленно-разнообразнымъ рубцованіемъ, сѣтка котораго, то болѣе частая, то рѣдкая, доставляетъ необходимыя градаціи для оттѣнковъ, начиная отъ самыхъ свѣтлыхъ и до самыхъ темныхъ, но не переходящихъ, однако, въ черноту абсолютную“.

Daumier очень искусно рисовалъ голое тѣло и поэтому то въ изображеніяхъ всѣхъ его персонажей замѣтно знаніе анатоміи и умѣніе выставить на первый планъ это знаніе. У него тѣла также, какъ и лица, носятъ характеръ среды и профессіи его персонажей. Baudelaire говорить: „Daumier рисуетъ какъ великій мастеръ. Его рисунокъ, несмотря на легкость, всегда послѣдователенъ, серьезенъ; всѣ его фигуры хорошо поставлены и въ движеніи ихъ много естественности“.

Во времена Второй Имперіи Daumier выказываетъ уже утомленіе: и онъ въ дѣйствительности усталъ отъ сюжетовъ, которыми приходилось ему довольствоваться. Иногда онъ какъ бы приободрялся, но все рѣже и рѣже. Его литографіи, очень цѣнимыя любителями, достигаютъ нынѣ высокихъ цѣнъ, въ зависимости, конечно, отъ ихъ сохранности и красоты оттисковъ. Цѣны на экземпляры изданія „Association Lithographique Mensuelle“ колеблются отъ 200 до 400 франковъ. Серія Robert Macaire продана была въ 1911 году за 2000 франковъ. Наряду съ этимъ, однако, за книгу заключающую въ себѣ 3384 литографіи уплачено было на аукціонѣ 1908 года всего 2150 фр.

Не возможно закончить изслѣдованіе о Daumier безъ того, чтобы не вспомнить, что онъ былъ кромѣ того и скульпторомъ, и въ особенности, живописцемъ. Нѣкоторыя изъ его произведеній доказываютъ при этомъ, что онъ былъ живописцемъ первокласснымъ. Онъ обладалъ смѣлой кистью, рисункомъ, жизненностью, идей и искусствомъ передавать движеніе. Въ общемъ это былъ артистъ вполне законченный и достойный занимать подобающее ему мѣсто наряду съ лучшими художниками.

Millet, предназначенный по врожденнымъ ему способностямъ стать художникомъ-пейзажистомъ и покрывшій свое имя заслуженной славой, продолжаетъ привлекать на себя вниманіе многочисленныхъ поклонниковъ и комментаторовъ. Послѣднее посвященное ему изслѣдованіе принадлежитъ перу Paul Leprieux, хранителя художественнаго отдѣла въ Луврѣ и Julien Cain (I томъ 4^о. 114 стр. 48 рис.) Въ работѣ этой замѣтно соединеніе взглядовъ знатока техники и критика.

Каталога произведеній Millet не существуетъ. Попытка перечисленія его работъ масляными красками произведена была Souillé. Касательно гравюръ имѣется статья Loys Delteil, помѣщенная въ I томѣ „Peintre—Graveur illustré“. Необходимо упомянуть также о статьѣ трактующей о рисункахъ Millet, съ предисловіемъ L. Bénédict. А между тѣмъ Millet художникъ вполне самостоятельный и оригинальный. По его произведеніямъ можно судить о его собственной жизни.

Мужественный темпераментъ художника сформировался самостоятельно и постепенно. Отъ своихъ первыхъ учителей — Mouchel, Langlois, Delaroché — онъ заимствовалъ только основные элементы ремесла. Онъ всегда упражнялъ свою память, наблюдалъ и накапливалъ впечатлѣнія и затѣмъ, при случаѣ воскрешалъ ихъ, придавая этимъ путемъ своимъ произведеніямъ присущую имъ естественность и величіе. Изученіе старинныхъ мастеровъ, наоборотъ, оказало на него вліяніе очень большое. Микель-Анджело и Poussin особенно вліяли на него вслѣдствіи сходства ихъ съ нимъ по тенденціямъ. Благодаря соприкосновенію съ ними, а также съ Breughel le Vieux или le Gresco, онъ создалъ себѣ способъ выраженія оригинальный и новый, нѣсколько рѣзкій, но всегда рѣшительный и сильный.

Въ произведеніяхъ Millet, — несмотря на то, что самъ онъ въ свое время и не соглашался съ этимъ — можно отмѣтить различные послѣдовательныя перемѣны въ манерѣ письма. Первымъ періодомъ его артистическаго развитія, который можно назвать періодомъ „романтическимъ“, было время отъ 1835 по 1848 годъ, когда переселившійся изъ деревни въ городъ сельчанинъ жилъ преимущественно въ Парижѣ. Онъ въ это время какъ бы покидаетъ направленіе сельское, къ которому влекли его врожденныя наклонности. Надо замѣтить однако, что это самоотреченіе, это преклоненіе передъ модой объясняется и суровой необходимостью зарабатывать себѣ хлѣбъ, а также и самолюбивымъ стремленіемъ къ академическимъ отличіямъ, ради чего требовалось въ тѣ времена заниматься фантастическими или историческими сюжетами, единственными признаваемыми благородными. Легко впрочемъ замѣтно, что Millet постоянно возвращается къ своимъ первоначальнымъ любимымъ предметамъ, даже несмотря на искусственный свой романтизмъ, такъ напр., его сцены историческія и библейскія происходятъ обыкновенно въ обстановкѣ сельской; точно тоже замѣтно и въ сценахъ міеологическихъ, въ которыхъ, при нѣкоторомъ подражаніи манерѣ Decamp, появляется смѣсь реализма съ поэзіей, которая и остается характернымъ свойствомъ всѣхъ его послѣдующихъ произведеній.

Картина „Le Vanneur“, выставленная въ Салонѣ 1848 года, доказала гениальность Millet и послужила началомъ второго періода его зрѣлаго и опредѣлившагося, самостоятельнаго творчества. Зародившееся въ Парижѣ это творчество получило развитіе въ Барбизонѣ, въ этомъ чудномъ уголкѣ, который не покидалъ артистъ до самой своей смерти. Только Революція 1848 года увлекла его на время своими социальными и гуманитарными мотивами: онъ занялся изученіемъ народныхъ типовъ въ парижскихъ предмѣстьяхъ. Но вскорѣ онъ разочаровался. Типы эти были мало похожи на типы сельскіе. Тогда онъ вернулся въ Барбизонъ и посвятилъ двадцать лѣтъ жизни громадному труду изображенія поселянина во всѣхъ видахъ его ежедневныхъ трудовъ, относясь къ нему съ трогательною, братскою нѣжностью. Именно въ эту эпоху, Millet устанавливаетъ принципъ, которымъ и руководится во всѣхъ своихъ послѣдующихъ работахъ: тѣсное сліяніе челоуѣка и природы, жизнь каждой личности въ рамкѣ своей среды. „Я стараюсь сдѣлать такъ — говоритъ онъ — чтобы отдѣльные предметы не имѣли бы вида быть собранными случайно, но чтобы они имѣли всѣ между собою необходимую связь“.

Художникъ старается все болѣе и болѣе изобразить свои фигуры въ обстановкѣ, которая замѣчательно точно ихъ дополняетъ и разъя-

снять. „Таинственный силуэт пастуха появляется въ сумеркахъ или ночью, заключенный въ рамки мирнаго пейзажа, въ которомъ протекаетъ его скитальческая жизнь. За полевымъ работникомъ, трудящимся надъ обработкой земли, простирается открытое пространство полей вплоть до отдаленнаго горизонта, на которомъ виднѣтся острая крыша сельской колокольни или же стелется дымъ надъ крышей хижины, въ которой онъ находитъ отдыхъ отъ своихъ трудовъ. Хозяйка выполняетъ свои домашнія работы или занимается съ дѣтьми внутри дома или на дворѣ, среди бродящихъ домашнихъ животныхъ“. Въ общемъ художникъ стремится къ обобщенію: его персонажи съ ихъ грубыми лицами и простыми костюмами представляютъ типичныя черты своей расы и даже символизируютъ все человѣчество.

Эта склонность къ идеализированію оказываетъ большое вліяніе на всѣ работы Millet. Онъ все менѣе и менѣе обращаетъ вниманіе на тщательность отдѣлки и упрощаетъ ее. Онъ часто довольствуется въ данномъ случаѣ только минимумомъ и требуетъ, главнымъ образомъ, отъ своей руки — какъ цитируетъ о томъ Р. Leprieux — чтобы она была „покорною слугою мысли“. Эта интересная эволюція прекрасно объясняетъ намъ причину наступленія третьяго періода въ жизни артиста, который какъ бы несвязанъ ничѣмъ съ предыдущими, но является тѣмъ не менѣе логическимъ ихъ послѣдствіемъ. Для художника было вполне естественно кончить импрессионизмомъ. И дѣйствительно, его послѣднія работы 1865—1875 годовъ доказываютъ тяготѣніе къ этому нарождающемуся въ искусствѣ направленію.

У Millet есть много сходства съ Corot. Оба художника пришли къ тому же результату и тѣмъ же путемъ — пейзажемъ. Съ 1862 года и далѣе изъ года въ годъ этотъ жанръ былъ преобладающимъ въ его работахъ. Пейзажъ уже не служитъ у него только фономъ, или обстановкой для фигуръ, но болѣе и болѣе привлекаетъ вниманіе самъ по себѣ. Millet создалъ въ этомъ жанрѣ шедевры, въ которыхъ характеръ страны, видъ зданій, очерчены рѣшительными штрихами съ выдающейся определенностью. Изученіе природы, которое онъ началъ въ долинѣ Барбизона, гдѣ онъ обрѣлъ первоначальный источникъ вдохновенія для своего генія, — продолжено было имъ въ другихъ мѣстахъ, куда обстоятельства забрасывали его, отрывая на время отъ родныхъ горизонтовъ.

Въ Виши, куда онъ ѣздилъ въ теченіи 1866—1868 годовъ и въ Нормандіи, куда загнала его надолго франко-прусская война, онъ особенно сильно ощутилъ вліяніе природы и подчинился силѣ ея воздѣйствія. До того времени онъ работалъ только въ мастерской, не рискуя переходить къ живописи на открытомъ воздухѣ. Въ это же время онъ сталъ прибѣгать къ пастели — способу болѣе быстрому и легкому, чѣмъ живопись масляными красками, а вмѣстѣ съ тѣмъ позволяющему передавать эффекты въ тонахъ болѣе живыхъ и яркихъ.

По поводу этихъ послѣднихъ годовъ, проведенныхъ въ чуждыхъ для него краяхъ, онъ самъ, съ нѣкоторою наивною отзывается: „Я поступилъ какъ ребенокъ, который, упавъ, пользуется случаемъ, чтобы подобрать съ земли что нибудь на ней валяющееся“. Въ это же время онъ сталъ изучать съ большою страстностью искусство японское, въ которомъ находилъ много человѣчности и натуральности. Благодаря всему этому, понятна та разница, которая существуетъ между первоначальными

его работами и работахъ послѣдующей эпохи. Первая безусловно превосходны по благородству и выдержкѣ, но въ послѣднихъ высказывается такое стремленіе къ жизни и движенію, такая гибкость и такая смѣлость, что не возможно не удивляться поразительной свѣжести художника, который, несмотря на преклонный возрастъ, шествовалъ во главѣ новаторовъ и который таковымъ остался до самой своей смерти. Благодаря этому и вліяніе его на послѣдующее поколѣніе было громадное и слѣды его уроковъ замѣтны повсюду.

Въ числѣ произведеній Millet, многія прекрасно иллюстрируютъ приведенныя нами разсужденія о жизни артиста и его манерѣ письма. Въ разбираемомъ нами изданіи Julien Cain помѣстилъ много замѣчаній по этому поводу весьма существенныхъ. Прежде чѣмъ къ нимъ перейти, отмѣтимъ одно оригинальное произведение, имѣющее свою исторію, а именно — картину „Oedipe détaché de l'arbre“, которую Millet выставилъ въ салонѣ 1847 года. Это послѣдняя его попытка въ области „большой живописи“. Онъ былъ въ то время романтикомъ и примѣръ Delacroix еще на него дѣйствовалъ. Картина, уступленная имъ другу, граверу Karl Bodmer, въ уплату за долгъ въ 200 франковъ была гравирована офортъ Hédouin для каталога распродажи 1873 года. Цѣна за картину достигла на ней — 14.900 франковъ.

Горячіе и противорѣчивые комментаріи, которые вызвали появленіе этой картины, очень поучительны, такъ какъ указываютъ — какъ смотрѣли тогда на достоинство и недостатки Millet. Интересное совпаденіе почти въ то же время Daumier, искусство котораго было схоже съ искусствомъ Millet, затронулъ тотъ же сюжетъ въ своей картинѣ, которая фигурировала впослѣдствіи на выставкѣ 1900 года.

Существуетъ рисунокъ, который могъ бы заставить предположить, что Millet участвовалъ въ политической борьбѣ 1848 года. Рисунокъ этотъ изображаетъ Свободу, сидящую въ красномъ колпакѣ на тронѣ и попирающую ногами своихъ побѣжденныхъ и распростертыхъ передъ нею враговъ. Въ дѣйствительности это ничто иное, какъ конкурсный эскизъ, такой же, какъ и фигура Республики, которая находится въ коллекціи Moreau-Nélaton, или эскизъ фигуры Равенства, находящійся въ настоящее время въ Реймскомъ музеѣ. Millet былъ въ то время очень бѣденъ и обремененъ дѣтьми. Онъ охотно пользовался помощью дирекціи Музея Изящныхъ Искусствъ, а также покупками и заказами временнаго правительства, но онъ никогда не былъ социалистомъ и не хотѣлъ, чтобы его сравнивали съ „бунтовщикомъ“, какимъ былъ напр. Courbet. „Я никогда не имѣлъ въ мысляхъ — пишетъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ — домогаться чего бы то ни было. Я прежде всего поселянинъ“. Но послѣ паденія республики, всѣ послѣдующія политическія событія его нисколько не интересуютъ. Онъ не входитъ ни въ какія сношенія съ оффиціальнымъ міромъ. Во время второй Имперіи онъ получаетъ только одинъ заказъ въ 1858 году и награжденъ орденомъ лишь въ 1868.

Послѣ Millet остались также работы литографическія, но очень не многочисленныя. Одна изъ нихъ, дѣйствительно замѣчательная, — это репродукція его же картины „Le Semeur“, красота, которой всѣми была оцѣнена и которая вдохновила Théophile Gautier и Victor Hugo на прекрасныя, посвященныя ей строки. Литографія эта великолѣпно передаетъ „героическій“ жестъ сѣятеля, черная фигура котораго рельефно

выступает на сѣромъ фонѣ неба и земли. Тусклымъ, зимнимъ свѣтомъ освѣщена только нижняя половина его лица, его рука, нога и его котомка. Птицы слѣдуютъ за нимъ стаей, привлеченныя разбрасываемыми зернами. Все произведение проникнуто поэтичной прелестью и выполнено превосходно, что доказываетъ, что Millet прекрасно владѣлъ карандашомъ.

Кромѣ этой главнѣйшей литографіи, онъ выполняетъ въ 1849 году виньетку для одного романа и портретъ Châteaubriand, который, однако, не разысканъ. Для своего друга и сосѣда въ Барбизонѣ, пейзажиста Karl Bodmer, онъ нарисовалъ нѣсколько фигуръ для „Histoire des premiers colons d'Amérique“, изданной Goupil въ 1852 году. Къ этому необходимо присоединить нѣсколько прекрасныхъ рисунковъ къ твореніямъ Фенимора Купера. Наконецъ, въ 1858 году, онъ нарисовалъ фронтисписъ для брошюры своего друга Sensier и портретъ Olivier de Serres.

Около 1855—1856 года Millet принялся изучать технику увлекшаго его искусства — офорта. Для этого онъ предпринималъ частыя поѣздки въ Парижъ. Эта отрасль искусства ему очень нравилась, такъ какъ посредствомъ офорта онъ могъ легко запечатлѣть „все что ему приходило въ голову“. Онъ работалъ подъ руководствомъ своего друга Charles Jacque хорошаго гравера и вдохновлялся голландцами, а въ особенности, Van Ostade. Чтобы испытать свою силу въ работѣ рѣзцомъ, онъ началъ нѣсколько работъ, но многія не закончилъ. Благодаря этому, изъ двадцати его офортовъ надо признать законченными только около двѣнадцати. Каталогъ всѣхъ произведеній былъ составленъ Loys Delteil и помѣщенъ въ I томѣ „Peintre-Graveur illustré“ (1906. 4°).

Большинство его гравюръ выполнены около 1855 года. Однѣ изъ нихъ — репродукціи его картинъ, другія же изображаютъ фигуры, имѣющія появиться на его послѣдующихъ картинахъ и пастеляхъ. Нѣкоторые, совершенно оригинальныя, сходны однако съ излюбленными артистомъ общими типами, какъ напр. — „Les Pêcheurs“, худощавые и сухіе силуэты которыхъ напоминаютъ по типу „L'Homme à la Houe“. Очень хорошенькая гравюра изображаетъ занятую шитьемъ женщину и дополняетъ собою серію извѣстныхъ его домашнихъ сценъ. Эта гравюра „La couseuse“ выполнена съ большою деликатностью и тонкостью, при чемъ вліяніе голландцевъ очевидно. „La Veillé“ появившаяся въ томъ же году по техникѣ гораздо ниже. Этотъ офортъ артисту не удался, хотя свѣто-тѣни въ немъ очень, интересны. Въ общемъ онъ выполнялъ свои работы тонко и отчетливо, но одинъ изъ американскихъ художниковъ, Wheelwright, который сообщаетъ о немъ драгоцѣнныя воспоминанія, (переведены въ Revue Britanique, ноябрь 1876) говоритъ, что Millet „не вполне былъ удовлетворенъ результатами своихъ опытовъ. Онъ на нѣсколько лѣтъ забросилъ офортъ и вернулся къ карандашу и акварели, которыми выражалъ свои мысли быстрее“.

Но уже его цѣнили, какъ мастера и въ этомъ жанрѣ: талантливый и оригинальный граверъ Méryon просилъ у него въ 1860 году разрѣшенія отпечатать его доски, чтобы изучить ихъ достоинства. Braquemont ими восхищался а Philippe de Burty посвятилъ имъ специальную статью въ „Gazette des Beaux-Arts“. Millet вернулся къ этому жанру въ 1861 году своей гравюрой „La Bouillie“, которая уже является не попыткой, но произведеніемъ законченнымъ, въ которомъ каждый штрихъ имѣетъ свой смыслъ и свою цѣль. Вмѣстѣ съ тремя послѣдующими гравюрами, появив-

шимися затѣмъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, эта серія представляетъ изъ себя уже художественное произведеніе, замѣчательное по силѣ выполненія и вполне естественно, что современные цѣны на нее стоятъ высокія.

Кромѣ упомянутыхъ литографій и двадцати двухъ офортовъ, Millet выполнилъ двѣ гелиографюры на стеклѣ по способу, очень курьезному. Слѣдуетъ также упомянуть еще о шести его гравюрахъ на деревѣ, между которыми отмѣтимъ „La petite bergère assise“ и „Le Pêcheur“; двѣ были гравированы скульпторомъ Pierre Millet и одна — живописцемъ Jean-Baptiste Millet по рисункамъ ихъ брата. Эти гравюры вмѣстѣ съ двумя предъидущими помѣщены въ каталогѣ Delteil подъ № 27 — 34. —

Несмотря на интересъ сюжета, коснемся лишь вкратцѣ произведеній артиста, который былъ тѣмъ не менѣе человѣкомъ гениальнымъ, а именно — Gustave Moreau, такъ какъ онъ былъ исключительно живописцемъ и не занимался искусствами, которыя насъ болѣе специально интересуютъ. Тѣмъ не менѣе мы должны упомянуть съ похвалою о трудѣ, который ему посвятилъ Léon Deshairs въ той же серіи „L'Art de notre temps“ (I томъ, 114 стр. 48 рис.). Это критическая статья очень безпристрастная, такъ какъ далека отъ преувеличеннаго восхваленія и въ ней приводятся даже цитаты изъ авторовъ, нападавшихъ на художника. Иллюстраціи къ ней подобраны съ большимъ искусствомъ, преимущественно изъ частныхъ коллекцій. Такимъ образомъ мы можемъ сравнивать произведенія мало знакомыя публикѣ съ тѣми, которыя выставлены въ Musée National и это сравненіе очень полезно и интересно.

Библиографическіе источники, которыми мы можемъ пользоваться для изученія творчества артиста, очень ограничены. Полнаго каталога не существуетъ и только тогда, когда мы ознакомимся съ бумагами, оставшимися послѣ художника, возможно будетъ приступить къ полному изданію. Знали его хорошо только близкіе его знакомые, такъ какъ онъ стремился къ уединенію не столько изъ любви къ таинственности, сколько изъ нежеланія чтобы ему надоедали. Такимъ образомъ самыми полезными являются воспоминанія его друзей и между напечатанными уже — самыя подробныя и точныя Paul Leprieur („L'Artiste“. 1889). Музей Gustave Moreau со своей стороны издалъ иллюстрированный каталогъ 1.100 полотенъ, картоновъ и многочисленныхъ рисунковъ, которые въ немъ хранятся. Кромѣ того онъ издалъ въ 1912 году прекрасный альбомъ съ 60 таблицами снимковъ съ главныхъ произведеній, какъ хранящихся въ Музеѣ, такъ и въ частныхъ коллекціяхъ, съ предисловіемъ G. Desvallières.

Кромѣ многочисленныхъ твореній, писанныхъ масляными красками, G. Moreau занимался и акварелью. Самая выдающаяся серія этого рода — иллюстраціи къ баснямъ La Fontaine. Она была выставлена у Goupil въ 1886 году и заключаетъ въ себѣ 63 рисунка. Это настоящій ихъ владѣлецъ, Antoni Roux, который навелъ артиста на мысль заняться этой работой. „Moreau не рѣшался къ ней приступить — рассказываетъ Léon Deshairs — но Roux настолько часто выказывалъ артисту свое просвѣщенное вниманіе, что считалъ себя вправѣ настаивать“. Съ 1876 года художникъ началъ изучать животныхъ въ Парижѣ, въ „Jardin des Plantes“.

При своемъ обычномъ хладнокровіи къ натурѣ, онъ тѣмъ не менѣе мало по малу увлекся своими этюдами и ему случалось въ эту эпоху выходить по утру изъ дому съ запасами закусокъ на весь день, чтобы имѣть возможность продолжать свои наброски.

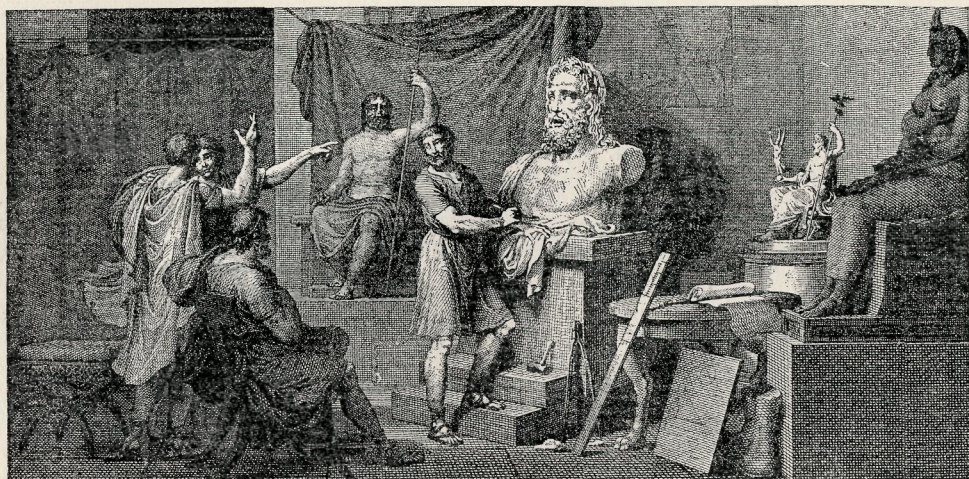
Въ 1882 году онъ устроилъ выставку у Durand, на которой фигурировало только 25 акварелей. Черезъ четыре года вся серія была закончена. G. Moreau имѣлъ свой особый взглядъ на иллюстрацію. Онъ былъ вполне способенъ придерживаться строго текста и не допускать никакихъ вольностей и отступленій — что онъ неоднократно въ своихъ работахъ и доказывалъ — но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ предпочиталъ особенно подчеркивать какую-нибудь подробность и какъ бы разыгрывать на ту же тему извѣстныя варіаціи. Часто даже текстъ служитъ ему только точкой отправленія, а затѣмъ его воображеніе разыгрывается, отклоняется въ сторону и слѣдуетъ по пути уже имъ самимъ избранному.

Очень часто упрекали Moreau въ томъ, что онъ копируетъ старинныхъ мастеровъ. Хотя онъ имѣлъ достаточно и собственнаго таланта, чтобы не прибѣгать къ плагіату, но дѣйствительно, онъ былъ ими какъ бы насыщенъ. Во время его путешествія по Италіи онъ не переставалъ изучать архаическія вазы, византійскую живопись и эмали, фрески Simon Memmi и всѣхъ кватрочентистовъ, Botticelli, въ особенности Mantegna, съ которымъ его такъ часто сравнивали въ послѣдствіи, Bellini, Sodoma. Тѣ же, впрочемъ, которыхъ онъ, повидимому, болѣе всѣхъ любилъ были — Carpaccio и Luini. Могло-ли такое поклоненіе не оказать вліянія на характеръ его собственнаго творчества?

G. Moreau привезъ изъ Италіи большое количество маленькихъ пейзажей, которые служатъ доказательствомъ, что изъ него могъ бы выработаться прекрасный пейзажистъ. Это маленькіе наброски перомъ слегка окрашенные или покрытые карандашными отмѣтками, обозначающими подходящія краски. Все это доказываетъ еще разъ ту тщательность, съ которой онъ приступалъ къ своимъ великолѣпнымъ твореніямъ.

MARCEL N. SCHVEITZER.

ХРОНИКА, МЕЛКІЯ ЗАМѢТКИ.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Изъ работъ, исполненныхъ въ 1913 г. въ музеѣ Императорской Академіи Художествъ, слѣдуетъ, прежде всего, отмѣтить окончаніе работаннаго въ 1912 году плана развѣски картинъ и размѣщенія скульптуры. По этому плану музей, какъ вспомогательное художественное учрежденіе, долженъ отражать дѣятельность Академіи въ области искусства за все время ея существованія. Соотвѣтственно съ этимъ, весь музейный матеріалъ расположенъ по эпохамъ, начиная съ Петра Великаго. Нѣкоторымъ новшествомъ является постановка ряда витринъ съ рисунками, акварелями и гравюрами.

18-го марта въ русскомъ музеѣ Императора Александра III состоялось благодарственное молебствіе по поводу завершения основныхъ работъ по устройству древлехранилища памятниковъ русской иконописи и церковной старины, въ которое Государь Императоръ соизволилъ пожаловать огромное собраніе замѣчательнѣйшихъ памятниковъ древне-русской церковной

старины, въ томъ числѣ известное собраніе иконъ Н. Лихачева. Древлехранилище открыто для публики. Посѣтителі допускаются въ древлехранилище въ количествѣ не болѣе тридцати человекъ одновременно по билетамъ, которые можно получать безвозмездно у швейцара музея.

Библіотека Св. Синода ведетъ свое начало съ 1721 г., т. е. съ самаго его учрежденія. Въ XVIII столѣтіи въ нее поступали книги, печатавшіяся въ синодальныхъ типографіяхъ, а также книги богословскаго и церковно-историческаго содержанія, печатавшіяся въ другихъ типографіяхъ.

Въ XIX столѣтіи въ Синодальную бібліотеку, кромѣ вышеуказанныхъ изданій, поступало все, что печаталось съ разрѣшенія духовно-цензурныхъ комитетовъ, отдѣльныхъ духовныхъ цензоровъ, всѣ изданія при духовно-учебныхъ заведеніяхъ, духовныхъ консисторіяхъ, монастыряхъ и церквахъ. При открытіи новыхъ типографій духовнаго вѣдомства (въ Кишиневѣ, Почаевѣ, единовѣрч. въ Москвѣ) Св. Синодъ въ своихъ опредѣленіяхъ всегда указывалъ, чтобы типографіи непременно доставляли въ биб-

литеку Св. Синода по одному экземпляру печатаемых въ нихъ книгъ. Вслѣдствіе циркулярнаго указа Св. Синода отъ 15 февраля 1906 г. въ бібліотеку Св. Синода поступило изъ церквей и монастырей разныхъ епархій (преимущественно изъ Новгородской) до 270 рукописей и до 1000 экземпляровъ книгъ церковной печати. Кромѣ того, въ силу дѣйствовавшихъ въ прежнее время узаконеній, въ бібліотеку Св. Синода поступило значительное число книгъ старопечатныхъ, уніатскихъ, мистическихъ, заграничнаго изданія и др. Время отъ времени Св. Синодъ ассигновывалъ изъ типографскаго капитала нѣкоторыя суммы на покупку необходимыхъ книгъ. Много поступало книгъ отъ различныхъ ученыхъ и просвѣтительныхъ обществъ и учреждений путемъ обмѣна на изданія Высочайше учрежденной комиссіи по описанію синодальнаго архива. Такъ росло, крѣпло и собирало сокровища это центральное въ духовномъ вѣдомствѣ книгохранилище.

Въ настоящее время бібліотека Св. Синода содержитъ въ себѣ до 80.000 названій книгъ и рукописей разнообразнаго содержанія, раздѣляющихся на 20 отдѣловъ, изъ коихъ первыми являются книги свящ. писанія, книги богослужебныя (ихъ 1400 экз.) и творенія свв. отцовъ. Все содержаніе бібліотеки имѣетъ описанія, каталоги и указатели на карточкахъ.

Въ 1897 г. 31 іюля Высочайшимъ повелѣніемъ утверждено „Положеніе о бібліотекѣ Св. Синода“ вмѣстѣ съ синодальнымъ архивомъ.

Съ начала нынѣшняго XX столѣтія положеніе бібліотеки Св. Синода измѣнилось. Высочайшими указами 24 ноября 1905 г. и 20 апрѣля 1906 г. отмѣнена предварительная цензура, какъ свѣтская, такъ и духовная: а) повременныхъ изданій и в) для эстамповъ, рисунковъ и другихъ изображеній. Сохранена духовная цензура только для весьма незначительнаго числа изданій, печатаемыхъ внѣ городовъ, и для сочиненій, предусмотрѣнныхъ нѣкоторыми статьями духовно-цензурнаго устава. Притокъ поступленій въ Синодальную бібліотеку сократился болѣе чѣмъ на половину.

Еще въ 1906 г. былъ возбужденъ вопросъ о включеніи бібліотеки Св. Синода въ число учреждений, конитъ, согласно ст. 72 Уст. о Ценз. и Печат., предоставлено право бесплатнаго полученія по одному экземпляру нѣкоторыхъ произведеній печати. Въ концѣ 1909 г. Государственная Дума и Государственный Совѣтъ, рассмотрѣвъ этотъ вопросъ,

почти единогласно безъ всякихъ возраженій и преній одобрили законъ, согласно которому бібліотека Св. Синода имѣетъ право получать бесплатно одинъ экземпляръ изданій со всѣми къ нимъ приложениями и дополненіями, касающихся по своему содержанію церковнаго богослуженія, богословія, исторіи, церковнаго права, философіи и археологіи, не исключая періодическихъ изданій соответствующаго содержанія.

Этотъ законъ о бібліотекѣ Св. Синода существенно важенъ для ея жизни. Благодаря этому закону, притокъ поступающихъ въ бібліотеку произведеній печати долженъ значительно увеличиться, а съ увеличеніемъ ея роста увеличится и число лицъ, пользующихся ея книгами. (Моск. В.).

Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ разработанъ законопроектъ объ отпускѣ средствъ на расширеніе, перестройку и оборудованіе помѣщеній Института гражданскихъ инженеровъ Императора Николая I. По новому проекту помѣщеніе бібліотеки Института будетъ увеличено втрое, причемъ работы будутъ закончены въ теченіе четырехъ лѣтъ.

Съ 6-го марта разрѣшено перевозить по русскимъ желѣзнымъ дорогамъ по льготному тарифу экспонаты XI международной художественной выставки, устраиваемой въ текущемъ году въ Венеціи.

26 апрѣля исполнилось 25 л. со дня смерти М. Е. Салтыкова-Щедрина. Спб. Городская Дума постановила назвать его именемъ одно изъ городскихъ четырехъ-классныхъ училищъ и одну изъ городскихъ читаленъ, а также прибить доску къ дому, гдѣ жилъ писатель.

Въ ноябрѣ текущаго года исполняется 150-лѣтіе Академіи Художествъ. Академія дѣятельно готовится къ торжественному празднованію своего юбилея. Подъ редакціею барона Н. Н. Врангеля готовится специальное изданіе, историческій очеркъ существованія Академіи. Изданіе предпола-

гаются выпустить въ четырехъ томахъ; первый томъ охватитъ эпоху отъ Екатерины до Павла I, второй — время Александра I, третій — царствованіе Николая I и четвертый — время отъ Николая I до нашихъ дней. Изданіе будетъ богато иллюстрировано.

Въ Архивѣ М. М. Стасюлевича найдена комедія-сатира Салтыкова-Щедрина „Тѣни“, написанная, повидимому, въ концѣ пятидесятихъ годовъ. Въ пьесѣ выведена группа нѣсколькихъ товарищей, ихъ которыхъ одни остались вѣрны свѣтлымъ идеальнымъ стремленіямъ юности, другіе же превратились въ разсчетливыхъ, бездушныхъ карьеристовъ. Противъ послѣднихъ писатель и обращаетъ стрѣлы своей сатиры.

13 марта въ Царскосельскомъ Александровскомъ дворцѣ, подъ предсѣтельствомъ Государя Императора состоялось годичное общее собраніе Императорскаго русскаго историческаго общества.

Докладъ о дѣятельности общества въ 1913 г. прочелъ предсѣдатель общества, Великій князь Николай Михайловичъ.

Затѣмъ были прочтены доклады: Н. П. Лихачевымъ — Басмы; — М. М. Богословскимъ — Петръ Великій по его письмамъ; — бар. М. А. Тяббе — Графъ Фикельманъ и австро-русская политика въ первой половинѣ XIX столѣтія; — С. М. Горяиновымъ — Бурбоны въ изгнаніи и ихъ переписка.

30 апрѣля въ Петербургѣ происходило чествованіе Василія Ивановича Семевского по поводу исполняющагося въ апрѣлѣ сорокалѣтія его научной дѣятельности.

МОСКВА.

При Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ, состоящемъ при Московскомъ Университетѣ, учреждается Д. И. Иловайскимъ премія его имени за работы по русской исторіи.

Преміи будутъ выдаваться чрезъ каждые три года или полныя, въ размѣрѣ 1.500 руб., или большія въ размѣрѣ 1.000 руб., или малыя въ размѣрѣ 500 р. Срокомъ представленія сочиненій на первое соисканіе назначается 15 сентября 1916 года, а о результатахъ соисканія будетъ объявлено въ годовомъ засѣданіи Общества 18 марта 1917 г.

Бюджетная коммиссія Государственной Думы въ засѣданіи 12-го марта одобрила переданный на ея заключеніе докладъ коммиссіи по дѣламъ православной церкви по внесенному Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода законопроектъ объ ассигнованіи изъ казны кредита на сооруженіе пристройки къ зданію Московской синодальной конторы для помѣщенія въ ней патріаршей бібліотеки.

Бібліотека Московскаго Археологическаго Института обогащается щедрымъ пожертвованіемъ товарища предсѣдателя Смоленской ученой архивной коммиссіи Е. Н. Клетновой, сдѣлавшей завѣщаніе о передачѣ послѣ своей смерти своей богатой, въ нѣсколько тысячъ томовъ, бібліотеки по археологіи, исторіи и искусствамъ Московскому Археологическому Институту.

Та-же бібліотека пополнилась пожертвованіемъ дѣйствительнаго члена Института Г. П. Гнѣдича. Попадавшая къ антикваріямъ послѣ смерти проф. С. Кузнецова его богатѣйшая историческаго и этнографическаго содержанія бібліотека будетъ также частью приобрѣтена Институтомъ. Въ ней, между прочимъ, имѣются такіе уники, какихъ нѣтъ ни въ Румянцевской бібліотекѣ, ни въ другихъ выдающихся книгохранилищахъ.

Городской гласный Н. А. Шаминъ вошелъ въ Думу съ заявленіемъ, въ которомъ проситъ, въ виду исполняющагося въ текущемъ году столѣтія со дня рожденія М. Ю. Лермонтова, обратитъ вниманіе на печальное состояніе памятной доски, прибитой къ дому у Красныхъ воротъ, гдѣ родился великій поэтъ. Такъ какъ эта доска въ настоящее время закрыта многочисленными

вывѣсками и обветшала, г. Шаминъ предлагаетъ обновить ее и помѣстить на томъ же домѣ, но въ другомъ, наиболѣе подходящемъ, мѣстѣ.

Городская коммиссія по увѣковѣченію памяти гр. Л. Н. Толстого постановила устроить въ его владѣніи, въ Хамовникахъ, начальную школу имени покойнаго писателя, библіотеку-читальню, аудиторію и музей.

17-го марта въ Московскомъ окружномъ судѣ объявлена резолюція по дѣлу о духовномъ завѣщаніи П. И. Бартенева.

Въ 1908 г. П. И. Бартенева составилъ нотаріальное духовное завѣщаніе, по которому все свое имущество и въ томъ числѣ очень цѣнную библіотеку завѣщалъ женѣ и дочерямъ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ составилъ домашнее завѣщаніе и ту же библіотеку уже предназначилъ своему сыну С. П. Бартенева, видя въ немъ продолжателя изданія Русскаго Архива.

Однако черезъ два года П. И. Бартенева написалъ еще одно завѣщаніе, подтверждая свое желаніе, чтобы библіотека перешла къ его сыну, но если онъ не будетъ продолжать изданіе Русскаго Архива, то библіотека должна быть продана и деньги распределены поровну между всѣми наслѣдниками.

22 октября 1912 года П. И. Бартенева скончался и сынъ его съ согласія матери и сестеръ увезъ наиболѣе цѣнную часть библіотеки къ себѣ. Но такъ какъ въ числѣ рукописей было 40 томовъ воспоминаній П. И. Бартенева, въ которыхъ находилось много интимнаго матеріала, касающагося Высокихъ Особъ, то С. П. Бартенева не счелъ возможнымъ оставить ихъ у себя и передалъ ихъ въ музей Императора Александра III.

Между тѣмъ, послѣ утверждения судомъ нотаріальнаго духовнаго завѣщанія, домашнія завѣщанія потеряли свою цѣнность, и наслѣдницы П. И. Бартенева потребовали отъ С. П. Бартенева возврата взятыхъ книгъ. Тотъ имъ отказалъ, и дѣло дошло до суда.

Судъ постановилъ истребовать отъ С. П. Бартенева библіотеку и рукописи его покойнаго отца и передать ихъ вдовѣ и дочерямъ П. И. Бартенева.

Совѣтъ Императорскаго Московскаго и Румянцовскаго музея ходатайствовалъ объ отпускѣ изъ средствъ Государственнаго Казначейства единовременно 23.000 р. на издержки, связанныя съ празднованіемъ 50-лѣтія музея, считая въ томъ числѣ 18.000 р. на юбилейныя изданія, и 5.000 р. на устройство торжественнаго собранія. Призвавъ размѣръ испрашиваемаго кредита преувеличеннымъ, Министерство Народнаго Просвѣщенія сократило его до 12.000 р., которые и были отпущены музею по закону 1-го іюля 1912 года, причемъ изъ этой послѣдней суммы предназначались 7.800 р. на изданіе хранящагося въ музеѣ „Архангельскаго Евангелія“ и 4.200 р. на печатаніе юбилейной записки и на расходы по устройству торжественнаго застѣланія. Несмотря на произведенныя до возможныхъ предѣловъ сокращенія въ программѣ юбилейнаго торжества, ассигнованныя средства оказались, однако, недостаточными для ознаменованія достойнымъ образомъ полувѣкового служенія музея просвѣдательнымъ цѣлямъ, и совѣтъ музея вынужденъ былъ допустить перерасходъ, главнымъ образомъ, по печатанію юбилейной записки музея, а также по нѣкоторымъ другимъ статьямъ, всего на сумму 5.900 р. Объ ассигнованіи означенной суммы изъ средствъ казны возбуждено соотвѣтствующее ходатайство.

12 марта въ Епархіальномъ домѣ подъ предсѣдательствомъ преосвященнаго Анастасія, епископа Серпуховскаго, какъ бывшаго ректора Московской духовной семинаріи, происходило собраніе Московскаго духовенства, получившаго образованіе въ этой семинаріи. Въ этомъ собраніи обсуждался вопросъ о празднованіи 1-го ноября 1914 года столѣтняго юбилея этой семинаріи. Рѣшено было организовать три юбилейныя коммисіи: 1) для изданія историко-археологическаго описанія этого учебнаго заведенія; 2) для составленія юбилейной хрестоматіи изъ богословскихъ, проповѣдническихъ и церковно-историческихъ трудовъ питомцевъ этой школы; 3) для организаціи братства воспитанниковъ Московской семинаріи, которое бы оказывало матеріальную поддержку недостаточнымъ питомцамъ этого заведенія.

По слухамъ, рѣшено ассигнованные на созданіе Романовскаго Національнаго

музея въ Москвѣ 5 милл. руб. распредѣлить слѣдующимъ образомъ.

Значительная часть этой суммы будетъ подѣлена между музеями Историческимъ и Румянцовскимъ, а остатокъ имѣется въ виду употребить на постройку спеціального здания, гдѣ бы помѣщались Патріаршая бібліотека, Патріаршая ризница и собраніе церковныхъ древностей со всей Россіи. Эти древности, по распоряженію синода, будутъ поступать сюда изъ всѣхъ монастырей и церквей.

Воскресенскимъ монастыремъ (въ Новомъ Іерусалимѣ) ассигновано 10.000 руб. на изданіе описанія Московской Патріаршей ризницы, составляемаго спеціальной комиссіей.

Въ помѣщеніи штаба Московскаго военнаго округа состоялось на-дняхъ собраніе членовъ Общества ознакомленія съ историческими событіями Россіи. Профессоромъ Д. В. Цвѣтаевымъ былъ прочитанъ докладъ: „Жалованныя грамоты, хранящіяся въ Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи“. Сущность этого весьма интереснаго сообщенія сводится къ слѣдующему.

Въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, сосредоточившемъ главную массу документовъ по внутренней исторіи Россіи, хранится, между прочимъ, большое количество (нѣсколько тысячъ) жалованныхъ грамотъ за XIV—XVIII столѣтія. Такое наименованіе въ наукѣ присвоено тѣмъ актамъ, которые „суть привилегіи или частные законы“. Исходившія отъ верховной власти, преимущественно великокняжеской и княжеской, въ послѣдствіи царской и императорской, онѣ предоставляли монастырямъ, частнымъ лицамъ и сословіямъ различныя милости и льготы, особенно по землевладѣнію, суду, налогамъ и повинностямъ. По своему содержанию онѣ поэтому даютъ богатый матеріалъ — правовой, социально-экономическій и бытовой, касающійся разнообразнѣйшихъ вопросовъ исторіи и ея спеціальныхъ развѣтвленій, а также и вспомогательныхъ къ ней дисциплинъ (генеалогіи, сфрагистики, дипломатики, нумизматики и т. п.), географіи, этнографіи и филологіи. Жалованныя грамоты признаются также художественною иллюстраціею дѣлопроизводства стараго времени.

Этимъ актамъ верховной воли правительство старалось сообщать внушительность матеріаломъ, размѣрами, печатями, разнообразіемъ и красотою орнаментовъ и красокъ, конечно, въ зависимости не только отъ свойства дарителя, но и отъ значенія и щедрости тѣхъ, кому онѣ выдавались. На верху или титульномъ мѣстѣ грамотъ лучшимъ украшеніемъ служило помѣщаемое какое-либо священное изображеніе, въ концѣ XVII вѣка — сталъ помѣщаться государственный гербъ съ соотвѣтственными атрибутами, въ первой половинѣ XVIII вѣка — гербъ и портретъ царственнаго дарителя. Въ XVII вѣкѣ получаютъ распространеніе украшенія грамотъ со всѣхъ четырехъ сторонъ, боковыя и нижнія украшенія обычно въ формѣ гирляндъ изъ разныхъ листовъ и цвѣтовъ.

Самая древняя грамота въ Московскомъ архивѣ 1372 года — жалованная грамота великаго князя Рязанскаго Олега Ивановича рязанскому Ольгову монастырю. Она — неподовленный подлинникъ, на пергаментѣ. Наверху ея священное изображеніе Деисусъ, подъ которымъ портретъ игумена. Она — единственная, гдѣ изображенъ портретъ одаряемаго лица. Наиболѣе красивыя грамоты по орнаментамъ со всѣхъ четырехъ сторонъ — XVII вѣка пермскому Пискорскому монастырю, гдѣ властвовали богатые Строгановы, грамота Ромодановскому XVIII в. Анны Ивановны и грамота Елисаветы Петровны — Троице-Сергіевой лаврѣ (М. В.).

ПРОВИНЦІЯ.

Тверской историко-археологическій музей принадлежитъ къ числу лучшихъ провинціальныхъ музеевъ Россіи. Состоитъ онъ изъ двухъ отдѣленій — историко-археологическаго и естественно-промышленнаго. Въ первомъ изъ этихъ отдѣленій числится свыше 8.000 рукописей, свитковъ и старопечатныхъ книгъ и около 13.000 другихъ предметовъ, а во второмъ — коллекціи мѣстной фауны, гербаріи, образцы продуктовъ мѣстной промышленности, статистическія діаграммы, картограммы и географическія карты. Бюджетъ музея не превышаетъ 2.538 р., считая въ томъ числѣ правительственную субсидію въ 2.000 р., пособій отъ земства и города по 250 р. въ годъ отъ каждаго и 38 р., составляющіе проценты отъ неприкосновеннаго капитала музея въ 1.000 р. Съ 1902 года му-

зей помѣщается въ Императорскомъ Тверскомъ дворцѣ, гдѣ занимаетъ 14 комнатъ.

7-го Марта состоявшееся засѣданіе Черниговской губернской ученой архивной комиссіи было посвящено разсмотрѣнію отчета комиссіи за 1913 годъ, смѣты на 1914 г. и текущихъ дѣлъ.

Въ минувшемъ году, кромѣ разсмотрѣнія описей дѣлъ, предназначаемыхъ къ уничтоженію въ правительственныхъ учрежденіяхъ, содержанія музея, архива и библіотеки, Черниговская архивная комиссія обратила вниманіе на хранящіяся въ архивѣ Черниговскаго губернскаго правленія дѣла, носящія названіе „дѣла военные разныхъ полковъ“. Разсмотрѣніемъ этихъ дѣлъ, коимъ даже до настоящаго времени не имѣется надлежащей описи, занимался одинъ изъ членовъ комиссіи. Дѣла эти относятся ко времени пребыванія въ Малороссіи въ должности генералъ-губернатора графа П. А. Румянцева-Задунайскаго и являются наиболѣе цѣнными изъ остающихся въ Черниговѣ дѣлъ учреждений Лѣвобережной Украйны XVIII вѣка. Въ особенности много здѣсь матеріаловъ для исторіи мѣстнаго дворянства.

Въ послѣднемъ своемъ засѣданіи Орловская городская комиссія по народному образованію по вопросу о памятникѣ И. С. Тургеневу въ Орлѣ пришла къ заключенію, что, по мѣстнымъ условіямъ, лучшимъ памятникомъ писателю будетъ народный домъ, въ которомъ должна помѣщаться Тургеневская библіотека и музей и залъ для народныхъ чтеній, концертовъ и лекцій. Высказано также желаніе начать постройку дома возможно скорѣе. По мнѣнію комиссіи, съ окончательнымъ рѣшеніемъ вопроса о типѣ памятника сумма 40.985 руб. собранная на памятникъ можетъ увеличиться.

Научная дѣятельность Императорскаго Одесскаго общества исторіи и древностей, вступившаго уже въ 73-й годъ существованія и насчитывающаго въ настоящее время 215 членовъ, выражается прежде всего въ изданіи ученыхъ трудовъ, печатае-

мыхъ въ собственномъ органѣ, подъ заглавіемъ „Записки Императорскаго Одесскаго общества исторіи и древностей“. Изданіе это пользуется почетною извѣстностью какъ въ Россіи, такъ и за границу. Кромѣ того, общество производитъ раскопки въ Херсонской и смежныхъ съ нею губерніяхъ и по примѣру другихъ ученыхъ обществъ устраиваетъ регулярныя научныя собранія.

Особаго вниманія заслуживаютъ просвѣтительныя стремленія общества и заботы его объ охранѣ мѣстныхъ историческихъ памятниковъ. Обществу принадлежитъ значительный по составу историко-археологическій музей въ гор. Одессѣ, помѣщающійся въ зданіи бывшей Одесской публичной библіотеки, гдѣ онъ занимаетъ 10 залъ. Музей этотъ содержитъ нѣсколько тысячъ предметовъ, обнимающихъ всѣ періоды замѣчательной по смѣнѣ разнообразныхъ культуръ исторіи юга Россіи, начиная съ VIII в. до Р. Х. до XVI в. по Р. Х. Въ немъ, сверхъ того, имѣется также особый доисторическій отдѣлъ. Посѣтителей въ музей бываетъ ежегодно отъ 8.000 — 10.000 чел., въ томъ числѣ до 2.200 учащихся. Коллекціи, будучи расположены въ соответствующемъ научнымъ требованіямъ порядкѣ, въ полной мѣрѣ доступны изученію. Для посѣтителей въ 1912 г. изданъ былъ краткій указатель собраній музея, при обзорѣни которыхъ даются объясненія членами общества. Приступлено къ составленію подробныхъ научныхъ описаній коллекцій, печатаніе коихъ предполагается начать по улучшеніи финансоваго положенія общества. При музейѣ состоитъ специальная научная библіотека заключающая въ себѣ свыше 10.000 томовъ книгъ и особый значительный отдѣлъ рукописей. Библіотекой этой, имѣющей рукописные каталоги, пользуются какъ члены общества, такъ и постороннія лица.

Въ вѣдѣніи общества находятся еще два музея — Θεодосійскій и Керченскій и, сверхъ того, старинныя крѣпости въ Судакѣ и Аккерманѣ. Въ первомъ изъ этихъ музеевъ числится около 3.500 предметовъ (886 памятниковъ, 2.060 монетъ, 64 портретовъ и рисунковъ и около 490 томовъ книгъ и журналовъ), а во второмъ — 1.300 предметовъ, причемъ оба музея, подобно Одесскому, открыты для обзорѣния публикой. Θεодосійскій музей, содержимый на субсидію мѣстной городской управы и на собственные доходы, посѣщается ежегодно 1.500 — 2.000, а Керченскій, содержимый на средства градоначальства, 800 — 900 лицами, преимущественно учащимися.

Расходы общества не покрываются денежными поступлениями, между тѣмъ, ему необходимы средства на цѣлый рядъ необеспеченныхъ въ настоящее время потребностей. Такъ, напр., въ ущербъ благоустройству своего Одесскаго музея, приобретающаго съ каждымъ годомъ все большее значеніе въ качествѣ научнаго и просвѣтительнаго центра, общество вынуждено сокращать расходы по его содержанію до минимума и, въ частности, не можетъ приступить къ изданію научныхъ описаній коллекцій и каталоговъ библіотеки.

Отдавая должное выдающимся заслугамъ Императорскаго Одесскаго общества истории и древностей, Министерство Народнаго Просвѣщенія предполагаетъ продолжить выдававшееся ему казенное пособіе въ размѣрѣ 4.500 р., отпущенное только на пять лѣтъ, и повысить его до 5.000 руб. (Р. В.).

На дняхъ въ Кіевѣ у начальника Юго-Западнаго края, ген.-ад. Трепова состоялось съ участіемъ многихъ профессоровъ мѣстнаго университета и другихъ приглашенныхъ лицъ совѣщаніе, посвященное обсужденію наказа недавно учрежденной въ гор. Кіевѣ ученой архивной комиссіи. Послѣдняя, въ отличіе отъ архивныхъ комиссій, существующихъ въ другихъ губерніяхъ, распространить свою дѣятельность на всѣ три губерніи Юго-Западнаго края. Имѣющіеся въ Кіевѣ центральный архивъ и комиссія по разбору древнихъ актовъ, заняты храненіемъ, приведеніемъ въ порядокъ, изданіемъ и обработкой только актовъ, не восходящихъ далѣе 1800 года. Акты и другіе историческіе матеріалы, относящіеся къ болѣе позднему времени, ни должной охранѣ, ни собиранію, ни обработкѣ до сихъ поръ не подвергались. Между тѣмъ многочисленныя акты и документы, въ которыхъ запечатлѣна богатая исторія края за истекшій вѣкъ, представляютъ громадный научный интересъ. Кіевъ съ его университетскими научными силами, съ его учеными обществами можетъ дать достаточный контингентъ подготовленныхъ работниковъ для выполненія этихъ задачъ. Однако, чтобы дѣятельность комиссіи быстро и широко развернулась, необходимы матеріальныя средства. Взносы членовъ комиссіи и небольшая возможная субсидія со стороны Императорскаго археологическаго института не могутъ быть доста-

точны. Это затрудненіе могло бы быть устранено только при помощи частныхъ пожертвованій.

По инициативѣ экзарха Грузіи, въ Тифлисѣ учреждено общество имени поэта Грибоѣдова съ цѣлью постройки школы его имени, постановки памятника и учрежденія музея.

19-го марта состоялось, подъ предсѣдательствомъ В. С. Арсеньева, соединенное засѣданіе Тульской Губернской Ученой Архивной Комиссіи и Тульскаго Отдѣла Кружка Ревнителѣй памяти Отечественной войны 1812 года, посвященное 100-лѣтнему юбилею вступленія русскихъ войскъ въ Парижъ. Передъ началомъ засѣданія была отслужена панихида по Императорѣ Александрѣ I и павшимъ воинамъ. Засѣданіе открылось рѣчью Предсѣдателя, послѣ чего были сдѣланы доклады І. Е. Скрябинымъ и А. Н. Бартельсенъ. Дочери участника войны 1812—15 г.г., генерала-маіора Д. Л. Игнатъева—М. Д. Игнатъевой, состоящей дѣйствительнымъ членомъ Тульской Губернской Ученой Архивной Комиссіи, была послана отъ Комиссіи телеграмма.

Кіевская хроника.

Вышедшій на дняхъ выпускъ 3—4 за 1914 г. журнала „Искусство въ южной Россіи“ составленъ очень интересно и живо. Въ немъ помѣщены статьи: проф. Н. И. Петрова — „Старинныя южно-русскія гравированныя доски“; Е. Кругликовой — „Художественная гравюра“; Д. М. — „Художественно-промышленная школа въ Кіевѣ“ и Художественная хроника. Кромѣ того, въ особомъ приложеніи продолженіе статьи К. Шероцкаго: „Художественное убранство украинскаго дома“. Особеннаго вниманія заслуживаетъ статья проф. Петрова, затрагивающая вопросъ, совершенно неизслѣдованный.

Южно-русское гравировальное искусство можетъ быть изучаемо по уцѣлѣвшимъ доскамъ и по стариннымъ оттискамъ. Оба эти источника для изученія южно-русскаго гравюра, взятые въ отдѣльности, не даютъ яснаго и полного

представления о предметѣ. Старинныя доски изнашивались и обтерлись, а частью пропали безслѣдно; старинныя же оттиски разсѣяны по разнымъ мѣстамъ въ такомъ огромномъ количествѣ книгъ и особыхъ изданій, что собрать ихъ во едино или, по крайней мѣрѣ, пересмотрѣть и описать, невозможно для одного человѣка.

Проф. Петровъ поэтому сообщаетъ только нѣкоторыя данныя о перваго рода источникахъ для исторіи южно-русской гравюры, т. е. о гравировальныхъ доскахъ (на деревѣ и мѣди), которыя, по имѣющимся даннымъ, остались отъ южно-русскихъ типографій: Кіево-Печерской, Ильинской, Черниговской и Почаевской.

Въ типографіи Кіево-Печерской Лавры сохранилось 319 гравировальныхъ досокъ, съ которыхъ около 1876 г. слѣланы были оттиски на 77 листахъ (нѣкоторые экземпляры этихъ оттисковъ поступили въ музей: Церковно-Археологическій при Кіевской Духовной Академіи и Кіевской Городской). Судя по сохранившимся на нихъ датамъ, онѣ обнимаютъ время съ 1648 по 1845 г., т. е. ровно два столѣтія.

Замѣчательно, что гравировальныя доски типографіи Кіево-Печерской Лавры, по мѣрѣ обветшалости и непригодности къ дѣлу, сбывались иконнымъ торговцамъ или крестьянамъ въ качествѣ иконъ. Проф. Петровъ приводитъ много случаевъ, когда найдены были гравир. доски Кіево-Печерской типографіи, обдѣланныя въ рамки въ качествѣ иконъ.

Гравировальныя доски Черниговской Ильинской типографіи до 1907 г. оставались неизвѣстными для ученыхъ. Только въ этомъ году найдено было въ ризницѣ Черниговскаго Елецкаго Успенскаго монастыря 12 грав. досокъ Ильинской типографіи XVIII вѣка. Кромѣ того, въ 1908 г. поступило въ Черниговское Епархіальное Древнехранилище 3 грав. доски — 2 на деревѣ и 1 мѣдная. (Описание всѣхъ 15 гравюръ помѣщено въ каталогѣ выставки XIV археологическаго съѣзда въ Черниговѣ, Черн., 1908 г. Оттиски съ 11 досокъ помѣщены въ приложеніи къ „Трудамъ Черниговскаго Предварительнаго Комитета къ устройству XIV арх. съѣзда въ Черниговѣ“, Черн., 1908 г.).

Въ 1880 г. намѣстникъ Почаевской Лавры передалъ въ Церковно-археологическій музей при Кіевской Духовной Академіи 274 грав. мѣстнаго происхожденія, изъ коихъ 48 оттиснуты были съ деревянныхъ досокъ, а 226 — съ металлическихъ. Кромѣ того, по ходатайству

Церковно-археологическаго Общества, въ Музей поступило 52 грав. доски (17 — на деревѣ и 35 мѣдныхъ).

Проф. Петровъ приводитъ подробное описание почти всѣхъ сохранившихся грав. досокъ этихъ трехъ старѣйшихъ типографій нашего края.

Иллюстрирована статья проф. Петрова 4 оттисками со стор. грав. досокъ (1 мѣдная и 3 — на деревѣ).

Вышла первая книга новаго научнаго трехмѣсячника украиновѣдѣнія — „Україна“. Составлена книга очень интересно и содержательно. Обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія статьи: Ал. Шахматовъ — „До питанія про початокъ української мови“; Мих. Грушевскій — „Український рухъ на схід — Розселенне за Московською границею до 1648 р.“; Ал. Грушевскій — „З настроїв і думокъ Кирило-Мефодіївців“, „З ідеології Кирило-Мефодіївців“ (записка В. Бѣлозерскаго); Мих. Вознякъ — „Початки української комедії“. Затѣмъ имѣются очень интересныя замѣтки и матеріалы по этнологіи и фольклору (Левицкаго, Перетца, Франко и Дорошенко), а также критика, рецензіи и библіографія.

Черниговское дворянство приступаетъ къ изданію „Малороссійскаго Гербовника“, составленнаго В. К. Лукомскимъ и Б. Л. Модзалевскимъ съ рисунками оригинальныхъ гербовъ — Г. Нарбута. — Матеріаломъ для этой работы служили: Дворянскій архивъ, музей Тарновскаго, собранія документовъ Черниговской археологической Комиссіи и нѣкоторыя частныя собранія. — Кромѣ описанія и рисунковъ свыше 500 гербовъ, въ книгѣ будутъ помѣщены замѣтки генеалогическаго характера и справки по исторіи родовъ.

„Малороссійскій Гербовникъ“ выйдетъ изъ печати въ маѣ с. г. — Подписка (5 р.) принимается въ Канцеляріи Черниговскаго Дворянскаго Собранія.

Кіевская Археологическая Комиссія выпускаетъ въ скоромъ времени слѣдующія новыя изданія: Памятники литературной полемики противъ протестантовъ и униатовъ (подъ ред. проф. Голу-

бева); Акты и документы по исторіи Украйны и юго-западной Россіи (подъ редакціей И. М. Камонина, проф. М. Ясинскаго, проф. М. Давнаръ-Запольскаго, Ор. Левицкаго, Н. Василенко и др.) и третій выпускъ Матеріаловъ по исторіи картографіи Россіи В. А. Кордта.

Въ 1913 г., по даннымъ мѣстнаго временнаго комитета по дѣламъ печати, въ Кіевѣ выпущено было 4.111 сочиненій, изъ коихъ популярно-политическихъ — 77, для народнаго чтенія — 104, религіозно-нравственнаго содержанія — 410, для дѣтскаго чтенія — 42, беллетристика — 341, учебниковъ и руководствъ — 415, научныхъ — 688, справочнаго характера — 96, музыкальных съ текстомъ — 101 и разныхъ (уставовъ, отчетовъ, обзоровъ и т. п.) — 1.675. Периодическихъ изданій въ 1913 г. выходило въ Кіевѣ — 96 (ежедневныхъ — 10, еженедѣльныхъ — 15, ежемѣсячныхъ — 17, остальные въ разные сроки).

7-го апрѣля въ Кіевѣ скончался видный ученый и общественный дѣятель, редакторъ многихъ украинскихъ изданій К. П. Михальчукъ. Изъ научныхъ трудовъ покойнаго главными являются: „Нарѣчія, поднарѣчія и говоры южной Россіи въ связи съ нарѣчіями Галичины“, „Статистика въ области діалектологіи“, „Къ южно-русской діалектологіи“, „Очеркъ русской діалектологіи“, и мн. др.

К. П. Михальчукъ принималъ участіе въ цѣломъ рядѣ русскихъ, украинскихъ и польскихъ изданій.

А. Г.

Балтійскія художественныя изданія.

По примѣру многихъ иностранныхъ музеевъ Dom-Museum въ Ригѣ затѣялъ изданіе собственныхъ „Извѣстій“, долженствующихъ знакомить съ новыми приобрѣтеніями и поступленіями въ означенный музей, какъ вообще съ его дѣятельностью. Первый выпускъ изданія „Mitteilungen aus dem Dommuseum der Gesellschaft für Geschichte und Altertums-kunde der Ostseeprovinzen Russlands“, составленный директоромъ Рижскаго Го-

родскаго Музея Д-ромъ Вильгельмомъ Нейманъ, изящно напечатанъ въ видѣ небольшой тетради въ восьмику и снабженъ множествомъ иллюстрацій. Дальнѣйшіе выпуски должны появляться по четвертямъ или въ полугодныхъ срокахъ. Въ данномъ отношеніи скромный рижскій Dommuseum опередилъ крупныя русскіе столичные музеи, изъ которыхъ пока ни одинъ, кромѣ обычныхъ годовыхъ отчетовъ, не печатаетъ такого рода „Извѣстій“.

Вышелъ изъ печати седьмой по счету Ежегодникъ за 1913 годъ „Общества Архитекторовъ“ („Architektenverein“) въ Ригѣ подъ обычнымъ заглавіемъ „Bildende Kunst in den Ostseeprovinzen“. Отъ аналогичныхъ изданій „С.-Петербургскаго общества архитекторовъ-художниковъ“ равно „Московского архитектурнаго общества“ рижскій Ежегодникъ отличается болѣе широкой программой, обнимающей, кромѣ архитектуры и прикладныхъ искусствъ, всѣ роды чистаго искусства и допускающей небольшой текстъ; послѣднее, несомнѣнно извѣстный плюсъ рижскаго альбома. Нынѣшній Ежегодникъ, какъ и прежніе его выпуски, прекрасно изданный, содержитъ множество репродукцій съ произведеній балтійскихъ зодчихъ, живописцевъ, скульпторовъ, графиковъ и т. д., отчасти въ краскахъ. Pièce de résistance изданія составляетъ обширная, очень обильно и изящно иллюстрированная статья г. Гвидо фонъ Зервальдъ объ архитектурѣ и памятникахъ старины города Вендена, интересующая любовной разработкой скромнаго по существу матеріала.

Р. Е.

Польская хроника.

Во цвѣтѣ лѣтъ скончался во Львовѣ даровитый писатель, завѣдующій городскимъ архивомъ и соредакторъ мѣстной газеты „Kurjer Lwowski“ Францишекъ Яворскій. Покойный, одаренный недюжиннымъ литературнымъ талантомъ, написалъ длинный рядъ очерковъ и болѣе обширныхъ монографическихъ изслѣдованій по исторіи и культурѣ Львова, цѣнныхъ въ смыслѣ использования неизданныхъ матеріаловъ и отличающихся особымъ изяществомъ формы и стиля.

Часть этихъ мелкихъ очерковъ появилась въ сборникѣ „Lwów stary i wczorajszy“; другой томъ подъ заглавіемъ „O szarym Lwowie“ въ настоящее время находится въ печати. Кромѣ того Яворскій является авторомъ монографій о „львовскихъ ex-libris'ахъ“ о „польскихъ портретныхъ медальонахъ“, объ „историческихъ кольцахъ въ Польшѣ и др., въ которыхъ указаны темы большей частью затрагивались впервые; изданія эти имѣли большой успѣхъ, разошлись быстро и теперь уже составляютъ библиографическую рѣдкость. Неоконченнымъ остался трудъ о мало извѣстномъ, но выдающемся художникѣ польскаго барокко Стронинскомъ, прекрасныя фрески котораго сохранились въ нѣкоторыхъ костелахъ Галиціи.

Фр. Яворскій, между прочимъ, оставилъ слѣдъ и въ русской исторической литературѣ. По порученію Хотинскаго ¹⁾ Земства имъ была составлена монографія „Хотинскаго Уѣзда“ на польскомъ языкѣ, но трудъ этотъ, хотя уже переведенный на русскій языкъ, еще не появился въ печати.

Основанное въ 1901 г. во Львовѣ „Общество вспомоществованія польской наукѣ“ (Towarzystwo popierania nauki polskiej), носящее совершенно частный характеръ и выпустившее за время своего существованія большое количество цѣнныхъ трудовъ по разнымъ отраслямъ науки, теперь получило возможность значительно расширить свою дѣятельность. Галиційскій помѣщикъ г. Болеславъ Ожеховичъ пожертвовалъ Обществу во главѣ котораго стоитъ извѣстный историкъ проф. Оскаръ Бальцеръ, капиталъ въ полмилліона австр. кронъ, проценты съ котораго должны идти исключительно на изданія и другія научныя цѣли Общества.

¹⁾ Замѣтимъ кстати, что по-польски Хотинъ назывался „Chocim“, и извѣстная гравюра Ходовецкаго поэтому носить заглавіе „Action près de Choczim“. А. А. Трубниковъ, опубликовавшій переписку художника съ Имп. Екатериной II по поводу этой гравюры (Старые Годы, Июль—Сент. 1903), напрасно упрекаетъ Ходовецкаго, что онъ всегда неправильно пишетъ слово Хотинъ.

Вышелъ изъ печати отчетъ научной экспедиціи, снаряженной въ 1911 г., Краковской Академіей Наукъ въ Швецію съ цѣлью подробнаго изслѣдованія и инвентаризаціи печатныхъ книгъ и рукописей, которыя въ разное время были похищены шведами изъ Польши. Въ эти военныя добычи, между прочимъ, входили очень цѣнныя книгохранилища и архивы іезуитскихъ коллегій въ Ригѣ, Познани, Браунсбергѣ, равно библіотека варминскихъ епископовъ въ Фраунбургѣ съ книгами, принадлежащими когда-то Копернику, и многія другія. Къ счастью однако, большинство вывезенныхъ книгъ и рукописей сосредоточено было въ одномъ мѣстѣ, въ основанной въ 1620 г. библіотекѣ въ Упсалѣ, которую шведскій король Густавъ Адольфъ и его наслѣдники всячески старались обогатить и расширить. Такимъ образомъ задача экспедиціи была значительно облегчена, хотя послѣдняя, конечно, неограничивалась одной Упсалой, а внимательно изслѣдовала и всѣ остальные шведскія библіотеки. Съ результатами этихъ поисковъ подробно знакомить упомянутый отчетъ: „Sprawozdanie z poszukiwań w Szwecji, dokonanych zramienia Akademji Umiejętności przez E. Barwińskiego, L. Birkenmajera i J. Łosia“, (Краковъ 1914).

Въ цѣломъ найдено было 205 рукописей польскаго происхожденія и 160 старопечатныхъ польскихъ книгъ, у насъ до сихъ поръ совершенно неизвѣстныхъ, или давно затерянныхъ. Среди этихъ изданій XVI и XVII вѣковъ представлены книгопечатни Кракова, Вильны, Познани, Несвижа, Калиша, Браунсберга, Торна и Бранденбурга.

Въ продолженіи февраля мѣс. въ Варшавѣ имѣла мѣсто „Графическая Выставка“, устроенная мѣстнымъ „Обществомъ друзей графическихъ искусствъ“ (Towarzystwo Przyjaciół Sztuk Graficznych) и на которой собрано было свыше 500 произведеній современныхъ польскихъ художниковъ. Выставка представляла большой художественный интересъ и дала наглядную картину творчества польскихъ графиковъ въ области гравюры — преобладалъ офортъ — литографіи и ксилографіи. Къ сожалѣнію, изданъ былъ лишь простой, не иллюстрированный каталогъ, которому однако придаютъ извѣстную цѣнность краткія біографическія замѣтки, которыми снаб-

жены фамилии всѣхъ экспонентовъ. Одновременно съ выставкой состоялся второй конкурсъ польской графики имени лодзинскаго коллекціонера Генриха Громана, о которомъ здѣсь въ свое время уже была рѣчь. Три преміи за офортъ въ 300, 200 и 100 рублей присуждены были г.г. Софіи Станкевичъ, Карлу Мондраль и Владиславу Поранкевичу, премія въ 200 р. за гравюру по дереву Владиславу Скочилясъ, преміи же за литографии въ 150 и 50 р. — г.г. I. Тому и Яну Гумовскому.

Въ руководствѣ и программѣ самого солиднаго польскаго критико-библіографическаго ежемѣсячника „Książka“ (изд. Э. Венде и К^о, Варшава) произошли крупныя перемѣны. Редакція журнала перенесена во Львовъ, и во главѣ его сталъ д-ръ Людвикъ Бернацкій, изготавившій недавно такое замѣчательное изданіе „Мархолта“, о которомъ мы сообщили въ № 1 Библіофила. Разные отдѣлы журнала, въ особенности хроника, значительно расширены, причемъ библіографія новыхъ изданій печатается въ отдѣльномъ приложеніи подъ заглавіемъ „Miesięcznik Bibliograficzny“. Первый двойной номеръ измѣненной „Książka“ импонируетъ своимъ внѣшнимъ видомъ и разнообразіемъ содержанія; особенно привѣтствовать слѣдуетъ новую рубрику „Библіографія польскихъ періодическихъ изданій“, составленную очень полно

Своего рода событіемъ слѣдуетъ считать появленіе перваго выпуска широко задуманной „Исторіи Польской Живописи“, отсутствіе которой до сихъ поръ было чувствительнымъ пробѣломъ въ польской художественной литературѣ. Характерно, что эта „Historya Malarstwa Polskiego“ (Львовъ, 35 улица Зыбликевича) не является изданіемъ извѣстной издательской фирмы, а предпринята частнымъ лицомъ, затѣявшимъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ польскій переводъ общей исторіи живописи англичанина Халдена Мекфола. Дополненіемъ къ этому послѣднему изданію служить „Исторія Польской Живописи“, которая однако составляетъ и самостоятельное цѣлое. Обширная тема раздѣлена между тремя польскими историками искусства; изъ нихъ д-ръ Владиславъ Под-

ляха взялъ на себя обработку исторіи живописи въ среднихъ вѣкахъ, д-ръ Зыгмунтъ Батовскій — эпоху отъ XVI до конца XVIII вѣка, а д-ръ Владиславъ Татаркевичъ — польскую живопись XIX вѣка. Все изданіе рассчитано на 30 выпусковъ по 5 печатныхъ листовъ и въ цѣломъ должно заключать свыше ста цвѣтныхъ приложеній и столько же гелиографуръ. Судя по вышедшему недавно первому выпуску, эти приложенія стоятъ на высотѣ современныхъ требованій, какъ вообще вся типографская сторона изданія, авторы и редакція котораго вполне гарантируютъ его строго научный характеръ.

Настоящимъ обогащеніемъ польской литературы по искусству является и объемистый сборникъ „Pro Arte“ (Варшава, Э. Венде и К^о) Зенона Пжесмыцкаго (псевдонимъ „Miriam“), бывшаго редактора - издателя незабвенной „Химеры“ и теперешяго издателя полнаго собранія сочиненій Норвида. Въ этой книгѣ Пжесмыцкій, изысканный стилистъ и одинъ изъ самыхъ тонкихъ знатоковъ искусства въ современной Польшѣ, собралъ свои статьи и замѣтки, которыя въ продолженіи ряда лѣтъ печатались въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ. До извѣстной степени статьи, естественно, утратили прелесть новизны и современности, но большинство сохранило свою эстетическую цѣнность, и должно быть благодарнымъ автору за извлечение ихъ изъ мало доступныхъ журналовъ и газетъ и перепечатку въ отдѣльномъ изданіи. Это въ особенности касается очерковъ объ японской ксилографіи, о задачахъ современныхъ художественныхъ музеевъ, о польскомъ граверѣ XVII вѣка Янѣ Зярнко, о портретной миниатюрѣ и др. Последняя статья, пожалуй, самая обширная и по своей документальности одна изъ самыхъ цѣнныхъ, была написана по случаю выставки польскихъ миниатюръ, устроенной года два тому назадъ въ Варшавѣ мѣстнымъ „Обществомъ охраны памятниковъ старины“, и служила предисловіемъ выставочному каталогу, который теперь совершенно распроданъ.

Р. Е.

ПО ЕВРОПѢ.

Въ Парижскій „Musée des Arts décoratifs“ поступила недавно перешедшая къ нему по завѣщанію богатѣйшая библіотека графа

Rambuteau. Отличительнымъ признакомъ этого собранія служить то, что большая часть книгъ покрыта переплетами работы извѣстнѣйшихъ старинныхъ мастеровъ, какъ-то: Eve, Boyet, Padeloup, Bozérian и др. На многихъ переплетахъ вытиснены гербы знатнѣйшихъ особъ XVI, XVII и XVIII вѣковъ, а въ томъ числѣ почти всѣхъ представителей и представительницъ французскаго королевскаго дома, начиная съ Франциска I, до Карла X. Среди особенно выдающихся переплетовъ имѣются: переплетъ коричневаго сафьяна съ инициалами Екатерины Медичи; затѣмъ — съ девизомъ окруженнымъ гирляндой цвѣтовъ, изъ книгъ жены Генриха IV, Маргариты Валуа; далѣе — два чудныхъ переплета съ шифромъ Людовика XV; наконецъ — великолѣпный переплетъ на одной испанской книгѣ, принадлежавшей нѣкогда Императору Карлу V и мн. др.

Торговая Палата города Марселя, по предложенію своего бібліотекаря, рѣшила преобразовать имѣющийся при ней архивъ въ Историческій Торговый Музей. Коллекція, которая должна послужить основой новаго проектируемаго музея, уже заключаетъ въ себѣ много разнообразныхъ и интересныхъ предметовъ, хранящихся пока въ залахъ архива, какъ напр.: нѣсколько рѣдкихъ автографовъ, гравюръ, изображающихъ Марсельскій портъ въ различныя эпохи его существованія, портретовъ торговыхъ интендантовъ и инспекторовъ XVII и XVIII вѣковъ, медалей, жетоновъ и другихъ, подобныхъ предметовъ, съ которыми связаны воспоминанія о прошедшихъ временахъ марсельской торговли. Въ архивѣ хранятся, между прочимъ, молотокъ и лопата, съ помощью которыхъ былъ заложенъ первый камень зданія Марсельской Биржи.

Въ архивѣ города Марселя имѣется интересный экземпляръ рукописной торговой книги XIV столѣтія. Написана эта книга на еврейско-провансальскомъ нарѣчій и представляетъ изъ себя тетрадь въ 48 страницъ, въ которую нѣкій купецъ-банкиръ Мардохай Юсифъ записывалъ въ 1374 году, почти ежедневно, свои расходы по торговлѣ лѣснымъ матеріаломъ и дегтемъ. Записи эти интересны и какъ матеріалъ для исторіи

средневѣковой торговли, а также и въ смыслѣ нумизматическомъ, лингвистическомъ и даже — политико-экономическомъ, такъ какъ среди нихъ находятся, между прочимъ, свѣдѣнія о вознагражденіи за личный трудъ, о цѣнѣ на припасы, на мануфактурные товары и даже — о пошлинахъ и налогахъ уплачиваемыхъ купцомъ городу.

Завѣдующій парижской городской бібліотекой, Edmond Beaugerais, нашелъ недавно документъ, на основаніи котораго является возможнымъ точно опредѣлить мѣстоположеніе дома, въ которомъ нѣкогда жилъ Расинъ. Документомъ этимъ является старинный планъ прихода церкви Saint-Sulpice, на которомъ и указано, гдѣ помѣщался домъ, принадлежавшій поэту. До настоящаго времени мѣстоположеніе этого дома, какъ оказывается, опредѣлялось совершенно невѣрно.

Въ Берлинѣ, 9-го марта, въ 1 ч. дня въ присутствіи Императора Вильгельма, Румынской Наслѣдной Четы, Кронпринца и Кронпринцессы Германскихъ и Принцевъ прусскаго королевскаго дома, состоялась торжественное открытіе новаго зданія академіи наукъ и королевской бібліотеки. Императоръ Вильгельмъ произнесъ рѣчь въ которой поздравилъ академию и бібліотеку съ новымъ зданіемъ. Послѣ Императора произнесли рѣчи: Министръ народнаго просвѣщенія, президентъ академіи и директоръ бібліотеки. На торжествѣ присутствовали: дипломатическій корпусъ, имперскій канцлеръ, весь кабинетъ министровъ и разныя иностранныя депутаціи. Депутація студентовъ, въ полной парадной формѣ германскихъ буршей, стояла вокругъ купольнаго зала, съ пестрыми знаменами. Директору бібліотеки Гарнаку пожаловано дворянство.

Недавно въ одномъ изъ небольшихъ городковъ на островѣ Корсикѣ продана была большая связка старой, негодной бумаги на вѣсъ, по одному сантиму за фунтъ. Купилъ ее одинъ изъ мѣстныхъ учителей, принявшійся затѣмъ изъ любопытства знакомиться съ ея содержаніемъ. Оказалось, что среди множества старинныхъ писемъ имѣются весьма

интересные автографы различных знаменитостей, такъ напр. — Расина, Корнеля, Альфреда-де Мюссе, Балзака и др., а также нѣкоторыхъ бывшихъ государственныхъ дѣателей до президента Фальера включительно. Изъ всѣхъ этихъ автографовъ собственникъ ихъ составилъ коллекцію, которую и намѣренъ продать съ аукціона въ Парижѣ.

Въ капеллѣ придурайскаго замка князя Фюрстенберга, среди хранящихся въ ней старинныхъ нотныхъ рукописей, вновь найдено нѣсколько неизвѣстныхъ доселѣ произведеній композиторовъ XVIII вѣка, а именно: Симфонія соч. Fr. Gossec (1734 — 1829), написанная для струннаго оркестра, trio Roeser — для двухъ скрипокъ и баса и, наконецъ, — отрывокъ изъ оперы „Ritter Roland“ — Jos. Haydn, написанный въ 1782 году. Въ настоящее время всѣ старинныя нотныя рукописи приведены въ порядокъ, переписаны и собраны въ замковой библиотекѣ, причемъ оказалось, что число ихъ достигаетъ въ общемъ до 2.500 экземпляровъ. Вновь обнаруженные пьесы будутъ, вѣроятно, въ скоромъ времени исполнены въ концертахъ.

Одинъ англійскій коллекционеръ пріобрѣлъ недавно въ Голландіи два интересныхъ предмета, принадлежавшихъ нѣкогда Рембрандту, а именно: черепаховую палку — поддержку для руки — и слоновой кости скребокъ, служившій для соскабливанія съ палитры красокъ. Подлинность вещей устанавливается кускомъ прикрѣпленнаго къ нимъ пергамена, на которомъ имѣются письменныя удостовѣренія тѣхъ личностей, которымъ до настоящаго времени вещи эти принадлежали. Во главѣ этого списка бывшихъ собственниковъ стоитъ имя извѣстнаго художника Якова Рюисдала, который купилъ эти вещи лично въ 1669 году, тотчасъ послѣ смерти Рембрандта и написалъ при этомъ на пергаментѣ, что будетъ хранить ихъ въ теченіи всей своей жизни въ знакъ уваженія къ великому мастеру, причемъ совѣтуетъ всѣмъ будущимъ владѣльцамъ вещей слѣдовать его примѣру и росписываться на пергаментѣ. Куплены были оба предмета Рюисдалемъ на распродажѣ, устроенной для покрытія расходовъ потребовавшихся на похороны знаменитаго художника.

Извѣстный англійскій ориенталистъ W. Budge издалъ недавно изслѣдованіе, посвященное древней Сирійской медицинѣ „The Syriac Books of Medicines“. Основаніемъ для этого сочиненія послужила ему интересная рукопись XII вѣка, разысканная близъ Мосула и принадлежавшая нѣкогда, очевидно, библиотекѣ одного изъ древнихъ несторианскихъ монастырей. Рукопись эта доставляетъ, по затрагиваемому въ ней предмету, болѣе подробныя и драгоцѣнныя свѣдѣнія, чѣмъ всѣ донинѣ извѣстныя, однородныя съ нею источники. Она подраздѣляется на три части, изъ которыхъ въ первой, написанной какъ бы въ видѣ предисловія, излагаются общія понятія объ анатоміи, паталогіи и терапевтикѣ. Свѣдѣнія сообщаемыя о венахъ, артеріяхъ, нервахъ и мускулахъ не особенно обширны, но наряду съ этимъ свѣдѣнія о строеніи и функціяхъ мозга, сердца, печени, мочевого пузыря и почекъ — очень подробны. Вторая часть носитъ характеръ болѣе окултный. Въ ней говорится о чудесныхъ явленіяхъ, о заговорахъ, вліяніи планетъ и т. п. причемъ происхождение ея, повидимому, болѣе древнее. Въ третьей части рукописи помѣщены рецепты — числомъ до 400 — изъ которыхъ многіе восходятъ ко временамъ древне-египетскимъ и ассириовавилонскимъ.

Графическое Искусство.

Среди многочисленныхъ альбомовъ рисунковъ, выпускаемыхъ въ послѣдніе годы различными музеями, интереснымъ выборомъ и великолѣпнымъ исполненіемъ обращаетъ на себя вниманіе собственное изданіе франкфуртскаго музея „Handzeichnungen alter Meister im Städelschen Kunstinstitut“. Изъ огромнаго собранія 5000 рисунковъ старыхъ мастеровъ, которыми владѣетъ Штедельскій Музей, для этого изданія воспроизведены многоцвѣтной свѣтопечатью 200 листовъ, раздѣленныхъ на 20 выпусковъ по 16 герм. марокъ. Изданіе теперь доведено до XVII выпуска и еще въ нынѣшнемъ году будетъ закончено и снабжено краткимъ текстомъ.

Во Франкфуртѣ-на-Майнѣ года два тому назадъ образовалось частное общество для изданія репродукцій съ

произведений графического искусства подъ названіемъ „Prestel-Gesellschaft“, комиссіонеромъ котораго состоитъ мѣстная фирма А. Voigtländer-Tetzner. Взамѣнъ годичнаго взноса въ 30 марокъ, члены общества получаютъ папку въ 30 прекрасныхъ воспроизведеній. Въ 1912 и 1913 годахъ изданы были подъ редакціей д-ра Ганса фонъ деръ Габелентцъ двѣ папки съ рисунками старыхъ мастеровъ изъ собранія музея въ Веймарѣ, составленныхъ очень удачно и не оставляющихъ желать лучшаго въ смыслѣ воспроизведенія. Для преміи нынѣшняго года намѣчена папка рисунковъ изъ коллекцій Kunsthalle въ Бременѣ, подъ редакціей бывшаго директора этого музея д-ра Густава Паули. Кромѣ того Prestel-Gesellschaft готовитъ, въ очереди, изданіе рисунковъ мало извѣстнаго нѣмецкаго художника Карла Филиппа Форъ (Fohr, 1795 — 1818), занимавшаго видное мѣсто среди иностранцевъ, работавшихъ въ Римѣ въ началѣ XIX вѣка.

Р. Е.

Изъ иностраннаго журнальнаго міра.

У брюссельскихъ издателей G. Van Oest & C-іе начинается выходить журналъ, посвященный искусству ex-libris'a въ настоящемъ и прошломъ. Журналъ „L'Ex-Libris“, редакторами котораго состоятъ гг. Эм. Тилемансъ и А. Рельсъ, будетъ выходить шесть разъ въ годъ и печатается въ двухъ изданіяхъ — на японской бумагѣ по 25 франковъ въ годъ и на голландской по 15 фр. въ годъ. Первый выпускъ новаго журнальчика, не претендующаго, очевидно, на широкую программу, производитъ недурное впечатлѣніе; его pièce de resistance статья объ изящныхъ ex-libris'ахъ бельгійскаго художника Фернана Кноффъ.

Извѣстный нѣмецкій библиофильскій журналъ „Zeitschrift für Bücherfreunde“ перемѣнилъ своего издателя и съ Апрѣля мѣсяца перешелъ отъ лейпцискаго типографа В. Другулинъ въ руки фирмы Е. А. Зеemannъ въ томъ-же городѣ. Въ программѣ и редакціи почтеннаго журнала, во главѣ котораго стоятъ профессоръ Карлъ Шюдцскопфъ и Георгъ Вит-

ковскій, однако не произошло никакихъ перемѣнъ.

Подъ названіемъ „Ogion“ лейпцигскій издатель Куртъ Вольфъ пытается создать совершенно новый типъ журнала, каждый выпускъ котораго долженъ содержать лишь одно произведение извѣстнаго автора — рассказъ, статью изъ нашей культурной и экономической жизни, воспоминанія и т. п., обращенныя къ читателю въ формѣ факсимилированного письма. Рядомъ съ литературными произведениями подписчики будутъ получать и произведенія графическихъ искусствъ т. е. оригинальные офорты, литографіи иликсилографіи такихъ художниковъ, какъ г-жа Кольвицъ, Сомовъ, Кайнеръ, Орликъ, Гульбрансонъ и др. Преимущественно будутъ затрагиваться тексты, не подходящіе для трактовокъ въ обычныхъ общедоступныхъ изданіяхъ. Подписная цѣна на „Оріонъ“, который будетъ выходить три раза въ мѣсяцъ, 180 марокъ въ годъ, а послѣ 10 мая н. ст. — 200 мар., причемъ число подписчиковъ ограничено количествомъ 260. Въ случаѣ успѣха подписки „Оріонъ“ появится къ 1 Октябрю с. г.

Р. Е.

Rossica.

Слѣдующіе русскіе портреты въ послѣднее время появились на западномъ издательскомъ рынкѣ:

Photographische Gesellschaft въ Берлинѣ издала фотогравюру въ краскахъ съ портрета императрицы Александры Ѳеодоровны, работы Виже-Лебрень; листъ этотъ является однимъ изъ номеровъ серіи „Galerie schöner Frauen“. Въ обширной иконографической серіи „Corpus Imaginum“ того-же издательства появился портретъ Дидро, работы А. Г. Левицкаго.

Съ 7-го по 9-ое Мая н. ст. лейпцигскій антикварій С. G. Voerner устраиваетъ аукціонъ очень богатаго собранія гравюръ вѣнскаго коллекціонера Альфреда фонъ Пфейферъ, среди котораго имѣется рядъ русскихъ портретовъ и другихъ листовъ, по текстамъ связанныхъ съ Россіей. Любопытенъ альбомъ съ рисунками и набросками Іоганна Готфрида Шадова, въ которомъ

зарисованы нѣкоторые типы русскихъ войскъ 1814 г.

Съ 25 по 29 Мая нов. ст. у берлинскихъ антикваріевъ Amsler & Ruthardt состоится аукціонъ очень цѣнныхъ собраній гравюръ двухъ русскихъ коллекціонеровъ — покойныхъ Оскара фонъ Цуръ Мюленъ изъ Петербурга и графа Григорія А. Строганова.

Фирма J. H. Ed. Heitz (Heitz & Mündel) въ Страссбургѣ выпустила каталогъ своихъ изданій за время отъ 1885 по 1913 г. Среди послѣднихъ особенной извѣстностью въ области исторіи искусствъ пользуются двѣ серіи монографическихъ изслѣдованій „Studien zur Deutschen Kunstgeschichte“ и „Zur Kunstgeschichte des Auslands“. Въ этой второй серіи имѣются работы двухъ русскихъ историковъ искусства — Александре Константиновой: „Развитіе типа Мадонны у Леонардо-да-Винчи“ (1907 г.) и Трифона Трапезникова „Портретныя изображенія Медичи въ XV вѣкѣ“.

Р. Е.

Искусство Театра.

Австрійская столица въ настоящее время можетъ похвастать такимъ исчерпывающимъ изданіемъ по исторіи своихъ придворныхъ театровъ, какимъ не обладаетъ ни одна изъ европейскихъ столицъ. Затѣянное много лѣтъ тому назадъ вѣнской Gesellschaft für vervielfältigende Kunst импозантное изданіе подъ заглавіемъ „Die Theater Wiens“, недавно доведено до конца выпускомъ въ свѣтъ шестого тома; для историковъ театральнаго искусства оно представляетъ исключительный интересъ ввиду крупной роли, которую вѣнскіе придворные театры сыграли въ исторіи оперы, драмы и комедіи.

Все изданіе раздѣлено на четыре главныхъ части въ шести томахъ. Первая часть, составленная Александромъ фонъ Вейленъ, содержитъ „исторію театральнаго дѣла въ Вѣнѣ съ древнихъ временъ до основанія придворныхъ театровъ“. Вторая часть посвящена цѣлкомъ знаменитому „Бургтеатру“ — прежнихъ временъ. Въ трехъ томахъ здѣсь по-очереди дана подробная исторія этого самого выдающагося нѣмецкаго драматическаго театра до 1888 г., когда

Бургтеатръ былъ переведенъ въ роскошное новое зданіе. Авторы текста — Оскаръ Тейберъ и А. фонъ Вейленъ. Третья часть или пятый томъ пера д-ра — Йосифа Байеръ носить заглавіе „Das neue Hofburgtheater als Bauwerk“ и знакомитъ съ архитектурой, декоративными украшениями и техническими приспособленіями новаго Бургтеатра. Наконецъ шестой и послѣдній томъ изданія содержитъ исторію придворнаго опернаго театра Вѣны въ обработкѣ проф. Р. Валлашека.

Изданіе формата большого листа, конечно, пребогато иллюстрировано; оно содержитъ около 700 иллюстрацій въ текстѣ и свыше полтораста отдѣльныхъ таблицъ, отчасти въ краскахъ. Особенно изящно изданы послѣдніе два тома, заголовки, виньетки и типографскія украшенія которыхъ исполнены художниками Генрихомъ Лефлеръ, Отто Фридрихъ и Адалбертомъ Зелигманъ.

Р. Е.

Полное изданіе картинъ Франса Хальса.

По примѣру шеститомнаго изданія всѣхъ картинъ Рембрандта, выпущеннаго лѣтъ десять тому назадъ Вильгельмомъ фонъ Боде при посредствѣ Шарля Вадльмайра въ Парижѣ, тѣмъ же авторомъ въ настоящее время издается роскошная книга, обнимающая все творчество другого первокласснаго голландскаго мастера — Франса Хальса. Собираніе матеріала здѣсь представляло большія трудности ввиду того, что почти половина картинъ Хальса находится въ частныхъ рукахъ, а большая ихъ доля въ Америкѣ; все-же удалось снять всѣ извѣстныя полотна мастера въ количествѣ около 300, которыя — нѣкоторыя впервые, — будутъ воспроизведены фотогравюрой на 200 таблицахъ. Къ нимъ еще прибавлены снимки съ нѣсколькихъ гравюръ исчезнувшихъ хальсовскихъ картинъ. Издателемъ уврача въ двухъ томахъ, который кромѣ репродукцій, будетъ содержать историческое вступленіе, толковый каталогъ и списокъ картинъ, является берлинская Photographische Gesellschaft. Изданіе „Frans Hals, sein Leben und seine Werke“ должно выйти въ свѣтъ въ маѣ мѣс. с. г.; на нѣмецкомъ языкѣ; печатаются 15 экз. на японской бумагѣ въ кожаномъ переплетѣ по 1000 герм.

марокъ и 200 экз. на голландской бумагѣ въ полотняномъ переплетѣ по 525 марокъ.

Р. Е.

АУКЦИОНЫ НАЧАЛА ГОДА.

Въ теченіи первыхъ мѣсяцевъ настоящаго года состоялось нѣсколько аукціоновъ книгъ, гравюръ и автографовъ въ Лондонѣ, Парижѣ и др. городахъ. Наиболѣе интересные изъ нихъ были слѣдующіе:

Книги.

Въ Лондонѣ, черезъ посредство фирмы Sotheby, 28-го Января распродалась бібліотека John Pearson, причѣмъ за нѣкоторыя изданія предложены были слѣдующія наивышшія цѣны:—*„La Vie de Napoleon“*, 1815. Гравюры Cruikshank—230 руб.; *Fénélon „Les Aventures de Télémaque“*—илл. по Monnet, 2 т. 1782—420 р.; *Goldsmith „Oeuvres poetiques“*. Переплетъ Bedford—500 р.; *„Les Oméliees Saint-Gregoyre“*. Парижъ. 1501.—900 р.; *Lucretius „Della Natura delle Cose“*. 1754. Перепл. Derôme.—500 р.; Мольеръ. „Oeuvres“. 8 т. 1682.—290 р.; *„Chronique de Nuremberg“*. 1493.—390 р.; за рукописи:—*„Heures de la Vierge“*, франц. рукоп. съ 13 миниатюр.—1.400 р.; подобная же рукопись съ 18 миниатюр. перепл. Clovis Eve—820 р.; *„Missale secundum Usum Romanum“*, франц. рукоп. XV в. съ 31 миниат.—600 р.; *„La danse des morts“*—альбомъ изъ 33 ориг. рисунк.—3.850 р. и др.

Въ томъ же городѣ, черезъ посредство той же фирмы, 2—6 февраля, была распродана часть бібліотеки George Dunn, состоящая изъ книгъ и рукописей по слѣдующимъ цѣнамъ: Книги:—*Caoursin „Obsidionis Rhodiae Urbis“* Ulm. 1496—700 р.; *Cicero „De Oratore“*. Венеція. 1470—490 р.; Молитвенникъ на пергаментѣ съ 19 грав. на деревѣ. 1509—600 р.; *„Mirrour of Our Lady“*. 1530.—510 р.; *Perez de Valentia „Tractatus contra Judaeos“*. 1484—85.—500 р.; *„Speculum Humanae Vitae“*. 1-ое изд. Аусбургъ.—1020 р.; Виргилій. Сочиненія. 1512. Перепл. слѣданный для франц. короля Людовика XII.—500 р.; *Robertus Valturius „De Re Militari Libri XII“*—2.050 р.; Рукописи:—*Beda Venerabilis „Historiae Ecclesiasticae Gentis Anglorum“*, рук. XII в.—520 р.; Молитвенникъ на пергаментѣ, рук. XV в.—880 р.;

Propertium „Carmina“, итал. рук. XV в.—700 р.; *„Breviarium“*, рук. XIV в.—1.060 р.; Молитвенникъ XV в.—1.180 р.; Псалтирь, англ. рукоп. XIII в. съ 7 миниат.—1.100 р. и др.

Въ Бордо, 26—31 Января была распродана часть бібліотеки г. Reinhold Dezeimeris по цѣнамъ, сравнительно, невысокимъ, а именно: *Montaigne „Essais“*. 1588.—310 фр.; *Xenophon „Mesnagerie“*.—320 фр.; *Pindare „Odes“*. Женева. 1559.—200 фр.; *Virgile „Variorum“*. 1680.—280 фр.; *Horace*. 1605. изъ библиот. Монтескье—100 фр.; *Pierre de Brach*, бордосскій поэтъ, *„Poèmes“*—260 фр.; его-же *„Les imitations“*—370 фр.; *Elie Vinet-Ausone*, экземпларъ принадлежавшій *De-Thou*—700 фр.; *Pierre Trichet*, бордос. поэтъ, *„Oeuvres“*—255 фр.; *Antoine de Baif „Les Passe-Temps“*. 1573.—185 фр.; его-же *„Les Amours“*. 1552.—405 фр. и др. Только одно изданіе—*Nicolas Gilles „Annales et Chroniques de France“*, снабженное собственноручными замѣтками Монтеня пошло по цѣнѣ высокой, а именно—4.700 фр.

Въ Берлинѣ, у Рудольфа Лепке, былъ проданъ 4 февраля „Альбомъ восточныхъ ковровъ“, изд. Художественно-Промышленнаго Музея въ Вѣнѣ, съ 25 таблицами рисунковъ. Лейпцигъ. 1908—за 250 руб.

Въ Парижѣ, въ Отель-Друо, на распродажѣ книгъ 19 и 20 февраля предложены были слѣдующія вышшія цѣны:—*A. France „Thaïs“*, рис. P. A. Laurens—905 фр.; *G. de Manpassant „Contes de la Becasse“*, акв. P. Vidal—925 фр.; *Balzac „La Vendetta“*, единств. экзempl на велен. бум. акв. Adr. Moreau—1.400 фр.; *Ch. Nodier „Trilby“*, рис. P. Avril—1.100 фр.; *Voltaire „Zadig“*, экзempl. на велен. бум. съ грав. разныхъ состоян. перепл. Marius Michel—1.700 фр.; *M. Zamacois „Les Bouffons“*, акв. Grivaz—1.505 фр.; *A. de Musset „La mouche“*, акв. Adr. Moreau—1.000 фр.; его-же *„Lorenzaccio“*, единств. экзempl. на вел. бум. акв. Robaudi, перепл. Cuzin—5.500 фр.; *Ed. Rostand „Cyrano de Bergerac“*, единств. экз. акв. Wagrez, перепл. Kieffer—5.000 фр.; *Molière, Marivaud и A. de Musset „Les trois Comedies de l'Amour“*, единств. экзempl. акв. и ориг. рис. Leloir, Fournier и Adr. Moreau—5.000 фр.; *Eug. Demolder „Le jardinier de la Pompadour“*, ориг. издан. Quantin на японс. бум. рис. Wagrez—6.350 фр. и др.

Въ томъ же Отель-Друо были проданы 5-го марта—*Fables de La-Fontaine*. 1765. Рис. Fessard, Molière „Oeuvres“ и Montesquieu „Le Temple de Gnide“, рис. Eisen—по 500 фр. за каждый экземпларъ.

Гравюры.

Въ Лондонѣ, у Christie, 3 февраля распродавалась коллекція старинныхъ английскихъ гравюръ, изъ которыхъ проданы были за высшія цѣны: „Lady Elizabeth Forster“, гр. Bartolozzi по Reynolds—1.250 руб.; „Lady Hamilton“, первое сост. гр. I. R. Smith, по Romney—2.600 р.; „The Clavering Childern“, гр. того-же Smith, по Romney—2.830 р.; „The Warrener“, гр. W. Ward, по Morland—1.250 р.; „A Young Lady Encouraging a Low Comedian“ гр. того-же Ward по Northcote—2.940 р.; шесть цвѣтн. грав. „Cries of London“, по Wheatly—4.430 р. и др.

Въ томъ же городѣ, у Sotheby, въ началѣ марта были проданы гравюры: „Effet de soleil“, гр. Ward, по Morland, за—490 руб. и „Le Constructeur de bateau“, гр. Hodges (1802) по Рембрандту, за—700 руб., а нѣсколько позднѣе—20 марта—„Napoléon sur le Bellerophon“, гр. Turner, по Eastlake—за 540 руб. и „Le Couvreur“, грав. Ward, по Morland—за 860 руб.

Гораздо болѣе богатые, по количеству гравюръ, аукціоны состоялись за то-же время въ Парижѣ, въ отель Друо, на которыхъ предложены были слѣдующія высшія цѣны:

5-го февраля; гравюры XVIII вѣка. „Lady Smith and Children“, гр. Bartolozzi, по Reynolds, до подписи, въ корич. тонѣ—990 фр.; „L'Amour rendant hommage à sa Mère“, гр. Janinet, по Boucher, въ краск.—960 фр.; „L'Amour“, гр. Janinet, по Fragonard, въ краск.—1.100 фр.; „Jupiter et Calypso“ и „Nimphes et Amours“, 2 гр. Leveillé по Huet, въ краск.—1.130 фр.; „L'Amant écouté“ и „L'Eventail cassé“, 2 гр. Bonnet, по Huet, въ краск.—1.120 фр.; „The Milk Woman“, гр. Bonnet, въ краск.—1.200 фр.; „Qu'en dit l'Abbé?“ гр. De-Launay, по Lavreince, до посвященія—1.300 фр.; „Grandes Pastorales“ (Deux pendants), гр. Demarteau, по Huet, въ краск.—2.020 фр.; „Le rendez-vous“, гр. Anselin, по Bonnet имитация пастели—2.200 фр.; „Les Hazards heureux de l'Escarpolette“, гр. De-Launay, по Fragonard, пробн. отт. до подписи—4.100 фр.; „Les deux Baisers“, гр. Debucourt, пробн. оттискъ, въ краск. съ большими полями—9.200 фр. и др.

6-го февраля; гравюры XVIII вѣка. „The Cottagers“, гр. Bartolozzi, по Reynolds, пробн. отт. въ краск.—1.000 фр.; „Les Hazards heureux de l'Escarpolette“, гр. De-Launay, по Fragonard (обыкновен. отт.)—1.000 фр.; „L'Agreeable negligé“, гр. Janinet, по Beaudouin, въ краск.—1.035 фр.; „Adélaïde“, гр. Hogg, по Wheatley, въ краск.—1.350 фр.; „Le Billet doux“ и „Qu'en dit l'Abbé?“ 2 гр. De-Launay,

по Lavreince (обыкн. отт.)—1.550 фр.; „A Visit to the child at nurse“, гр. Ward, въ краск.—1.820 фр.; „L'Aimable Paysanne“, гр. Janinet, по Saint-Quentin, въ краск.—1.760 фр.; „The Woman Taking coffee“ и „The Milk Woman“, 2 гр. Bonnet, въ краск.—2.100 фр.; „Venus et l'Amour“, „La chemise enlevée“ и „Les Trois Graces“, 3 гр. Bonnet, по Boucher, —2.350 фр.; „Pastorale“ и „Grande Pastorale“, 2 гр. Demarteau, по Huet, въ краск.—2.900 фр.; „Industrie“ и „Idleness“, 2 гр. Bonnet, по Morland, въ краск.—3.500 фр. и др.

7-го февраля; гравюры XVIII вѣка.

„La Rixe“, гр. Decourtit, пробн. отт. въ краск.—560 фр.; „L'Amant écouté“ и „L'Eventail cassé“, 2 гр. Bonnet, въ краск.—1.300 фр.; „Le Dejeuner“, „Le Diner“, „Le Gouter“ и „Le Souper“, 4 грав. Bonnet, въ краск.—2.500 фр. и др.

11-го февраля; гравюры современныя. „Juges des Accusés d'Avril“, гр. Daumier, пробн. отт. на китайской бумагѣ—300 фр.; „Карикатуры“, его же, серія изъ 18 отд. отт. на китайск. бумагѣ—550 фр.; „Dom Geranger“, гр. Gaillard, до подписи, на кит. бумагѣ—855 фр.; „Manning“, гр. Legros, пробн. отт.—980 фр.; „Verlaine“, гр. Carrière, пробн. отт. на кит. бум. съ подписью и нумерован.—1.151 фр.; „Le Petit Pont“ гр. Meryon, пробн. отт. до подписи—1.500 фр.; „Le Stryge“ гр. его же, пробн. отт. со стихами—1.650 фр.; „La Morgue“ гр. его же, 4-ое сост. до подписи—1.000 фр.; „La Tour de l'Horloge“, его же, 3-е сост. съ собственноручной надписью Meryon—2.000 фр.; та-же гравюра, до подписи—400 фр.; „Tourelle de la rue de la Tixé randrie“, его-же 2-е сост. съ собственнор. надп. гравера—2.000 фр.; „Saint-etienne-du-Mont“, его-же, съ собственнор. надп.—2.000 фр. и др.

16-го февраля; гравюры XVIII вѣка.

„Le Bal paré“ и „Le Concert“—гр. Saint-Aubin—850 фр.; „Le compliment“, гр. Debucourt, въ краск.—2.000 фр.; „Promenade de la Galerie du Palais Royal. 1787, гр. въ краск.—2.010 фр.; „Promenade du Jardin du Palais Royal, 1787 гр. въ краск. до подписи—3.800 фр.; „Le Menuet de la Mariée“ и „La Noces au Chateau“, 2 гр. пробн. отт. въ краск.—4.200 фр.; „La Promenade Publique“. 1792. въ краск.—4.300 фр. и др.

5-го марта; гравюры современныя.

„Les Gens de Justice“, Daumier, 29 гр. рис.—600 фр.; „Rue Transnonain le 15 Avril 1834“, гр. Daumier—700 фр.; „Verlaine“, гр. Carrière, пробн. отт. на кит. бум.—1010 фр.; „Saint-Etienne-du-Mont“, гр. Meryon, пробн. до подп.—1150 фр.; „La Galerie Notre-Dame“, гр. Meryon, до подп.—1750 фр. и др.

11-го марта; гравюры XVIII вѣка.
„Her Grac Mary Duchess“, гр. Dixon, по Reynolds — 710 фр.; „A visit to the Grand Father“, гр. Ward, по Smith, въ краск. — 720 фр.; „Le Depart du Courier“ и „L'Arrivée du Courier“, 2 гр. Beauvarlet, по Boucher, до подп. — 1000 фр.; „Portrait de Maria Cosway“, гр. Green — 2.025 фр. и др.

28-го марта; гравюры XVIII вѣка.
„Emily“ гр. Turner, въ краск. — 900 фр.; „Comtesse Spencer“, гр. его же, въ краск. — 3.700 фр.; „Foire de Village“ и „Nocce de Village“ 2 гр. Descourtis, въ краск. — 1.500 фр.; тѣ же гравюры, 1-ое состояние, въ краск. — 2.300 фр.; „Le Faucon“, гр. Bonnet, въ краск. — 880 фр.; „Le Lever“, гр. Regnault, въ краск. — 1.550 фр.; „L'Escalade“, гр. Debucourt, въ краск. — 1.450 фр.; „Tête de Flore“ гр. Bonnet, по Boucher, имитация пастели — 4.300 фр. и др.

31-го марта; гравюры XVIII вѣка.
„Ah! laisse moi donc voir!“, гр. Janinet, въ краск. — 700 фр.; „La Crainte enfantine“ и „La confiance enfantine“, гр. его же въ краск. — 810 фр.; „L'Amant écouté“ и „L'Eventail cassé“, гр. Bonnet, въ краск. — 1.085 фр.; „Le Bain“ и „Le Lever“, гр. Regnault, въ краск. — 1820 фр. и др.

Автографы.

Въ Лондонѣ, у Sotheby, 29 Января была продана коллекція писемъ адмирала Нельсона за — 580 руб.

Въ Парижѣ, въ Отель-Друо, въ Февралѣ проданы были: письмо Марата — за 300 фр.; письмо Расина — за 310 фр.; письмо Малерба — за 800 фр. и др.

М. Т.

НОВЫЯ КНИГИ:

Зелинскій, В.—Русская критическая литература о произведеніяхъ Л. Н. Толстого. Ч. 2. М. 1914. Изд. 4-е. 8°. 7+253 стр. Ц. 1 р.

Леманъ, І.—Гравюра и литографія. Спб. 1913. 4°. 291 стр. съ грав. и рис.

Маринетти, Ф. Т.—Футуризмъ. Спб. 1914. 8°. 241 стр. съ портр. Ц. 1 р. 25 к.

Музей изящн. искусствъ имени Императора Александра III въ Москвѣ.—Краткій иллюстр. путеводитель. Часть I. Египетъ, Вавилонъ, Ассирія, Греція, Римъ. М. 1914. 16°. 148 стр. Съ рис. Ц. 30 к.

Саводникъ, В.—Очерки по исторіи русской литературы XIX вѣка. Ч. 1-я. Съ портретами русск. пис. М. 1914. 8°. 415+II стр. Ц. 1 р. 35.

Фуксъ, Э. Д.—Иллюстрированная исторія нравовъ. Т. I. Ренессансъ. Перев. съ нѣм. М. 1914. 8°. XVIII+387 стр. Ц. 6 р.

Бурцевъ, А. Е.—Мой журналъ для немногихъ. Вып.—8—9. Спб. 1914. 8°. Съ рис.

Извѣстія отдѣленія русск. языка и словесн. Имп. Академіи наукъ, 1913 г. Книга 3-я. Т. XVIII-го. Спб. 1914. 8°. 404 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Лазурскій, В. О.—Курсъ исторіи западно-европейской литературы. Ч. I. Средневѣковая литература. Одесса. 1913. 8°. 230 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Маринетти.—Манифесты итальянскаго футуризма. М. 1914. 8°. 77 стр. Ц. 1 р.

Палеографическіе снимки съ нѣкоторыхъ греческихъ, латинскихъ и славянскихъ рукописей Императ. Публичн. библиотеки. Спб. 1914. F°. 10 стр.+XIV табл. Ц. 5 р.

Ростовцевъ, М.—Античная декоративная живопись на югѣ Россіи. Текстъ. Т. I. Описание и изслѣдованіе памятниковъ. Спб. 1914. F°. Съ рис.

Срезневскій, В. И.—Описание рукописей и книгъ, собранныхъ для Имп. Акад. наукъ въ Олонецкомъ краѣ. Спб. 1913. 4°. XXVIII+688 стр. Ц. 3 р. 60 к.

Тастевенъ, Генрихъ.—Футуризмъ. На пути къ новому символизму. М. 1914. 8°. 38 стр. Ц. 90 к.

Шляпкинъ, И., проф.—Указецъ книгохранителя Спасо-Прилуцкаго монастыря Арсенія Высокаго 1584 г. Спб. 1914. 8°. 28 стр. Съ рис.

Бенуа, Александръ.—Исторія живописи всѣхъ временъ и народовъ. Ч. I. Пейзажная живопись. Вып. 2 и 3. Спб. 1914. 4°. 137—360 стр. Съ рис.

Московская политическая литература XVI вѣка. Изборникъ подъ ред. Мих. Ковалевскаго. Спб. 1914. 8°. 134 стр. Ц. 85 к.

Шевченко какъ живописецъ и граверь. Кіевъ. 1914. 4°. 16 стр.+24 листа рис. Ц. 1 р. 50 к.

Бенуа, Александръ.—Исторія живописи. Вып. II. Спб. 1914. 4°. 96 стр. Съ рис.

Верещагинъ, В. А.—Русская и иностранная книга XV—XIX вѣка. Спб. 1914. 8°. 129 стр. съ рис. Ц. 3 р.

Грбавъ, Игорь.—Исторія русского искусства. В. 21 и 22. Спб. 1914. 4°. 313—534 стр. Съ рис.

Грбавъ, Игорь.—Русскіе художники. Собраніе иллюстр. монографій. Вып. 3-й. Валентинъ Александровичъ Сѣровъ, жизнь и творчество. Спб. 1914. 4°. 299 стр. Съ рис.

Дульскій, П. М.—Памятники Казанской старины. Казань. 1914. 8°. 231 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к.

Сокращенный курсъ исторіи искусства для учащихся Импер. Строгоновск. учил. въ Москвѣ. 1-я часть. Искусство древняго міра. Египетъ. Западная Азія. Греція. Римъ. М. 1914. 8°. 95 стр.

Автономовъ, Н.—Страничка изъ исторіи библиотеки Нѣжинскаго Александровскаго греческаго училища и института кн. Безбородко. Нѣжинъ. 1913. 8°. 25 стр. (100 экз.).

Бредтъ, Е. В. д-ръ.—Нравственность и безнравственность въ искусствѣ. Пер. съ нѣм. М. 1914. 8°. 130+VIII стр. съ 73 рис. Ц. 1 р. 50 к.

Кондиви, Асканіо.—Переписка Микель-Анджело Буонарроти и жизнь мастера, написанная его ученикомъ. СПБ. 1914. 8°. 237 стр. Съ 20 рис.

Лаврскій, Н.—Указатель книгъ и статей по вопросамъ искусства. (Живопись и скульптура). М. 1914. 8°. 23+5 нен. стр. Ц. 25 к.

Перетцъ, В. Н.—проф.—Изъ лекцій по исторіи древней русской литературы. Ч. I. Древнѣйшій періодъ. (XI—XIII в.в.) Киевъ. 1914. 8°. 326+2 нен. стр. Ц. 2 р. 75 к.

Фуксъ, Эд. — Иллюстрированная исторія Эротическаго искусства. М. 1914. 8°. Съ рис. Ц. по подпискѣ 10 р.

Баллодъ, Ф. В.—Египетское искусство времени Аменофиса IV. М. 1914, 8°. 32 стр. Съ рис. Ц. 60 к.

Гаузенштейнъ, В. д-ръ.—Искусство Рококо. Французскіе и нѣмецкіе иллюстраторы XVIII столѣтія. М. 1914. 8°. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к.

Шамуринъ, Юрій.—Подмосковныя. Книга вторая. Культурныя сокровища Россіи. Вып. 9-й. М. 1914. 8°. Съ рис.

Орловъ, А. С.—Иисусова Молитва на Руси въ XVI вѣкѣ. Памятники древней письменности и искусства. CLXXXV. СПБ. 1914. 8°. 32 стр.

Пушкинистъ. Историко-литературный сборникъ подъ ред. проф. С. А. Венгерова. I. СПБ. 1914. 8°. Ц. 1 р. 25 к.

Six Centuries of Painting, by Randal Davies, Jack, 10s 6d net.

Ancient and Madioeval Art, by Margaret H. Bulley, Methuen, 5s net.

Oriental Rugs, Antique and Modern, W. A. Hawley, 42s net.

An Illustrated Catalogue of the Second National Loun Exhibition, 1913—1914: Woman and Child in Art, compiled by Francis Howard Lh2 2s net.

Mural Painting in America, E. H. Blasfield, 6d net.

Greek Sculpture and Modern Art, Sir Charles Waldstein, Camb. Univ. Press, 7s 6d net.

Religious Art in France of ihe Thirteenth Century, by Emile Mâle, Dent, 21s net.

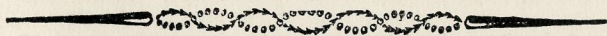
History and Methods of Ancient and Modern Painting, by James Ward, Chapman and Hall, 2 vols. 7s 6d net each.

The Principlis of Japanes Art, by Jone Noguchi, John Muray's Wisdom of the East Series, 2s 6d net.

The Jear's Art, 1913, compiled by A. C. R. Carter, 5s net.

American Masters of Painting, C. H. Caffin, Richards, 6s net.

The Art of the Wallace Collection, Henry C. Shelley, illus., 6s net.

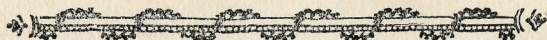

ОГЛАВЛЕНІЕ:

	СТР.
Матеріалы для собранія сочиненій и біографіи Н. Θ. Щербины.—	
Н. Лернера	5
Записки бар. Строгановой	26
Къ вопросу объ авторствѣ неподписанныхъ статей А. С. Пушкина	
и др. въ „Литературной газетѣ“ 1830 г. — А. Θомина	41
Къ столѣтію „Опыта россійской бібліографіи В. С. Сопикова“.—	
А. Полякова	53
Письма А. И. Герцена	61
Фонвизинъ и два стихотворенія „Чертикъ въ дрожкахъ“ и „Матюшка-	
разношикъ“. — В. Семенникова	65
Записки кн. И. М. Долгорукова. (Продолженіе)	77
Библіографія: 1. Леманъ, I. I. Гравюра и литографія—Н. С.,	
2. Лазаревскій И. И. Среди коллекціонеровъ; 3. А. Mazon.	
I. Gontcharoff; 4. Временникъ Пушкинскаго дома.—В. С.; 5. Влади-	
славлевъ Н. П. Библіографическій ежегодникъ.—В. С.; 6. Вадимъ	
Новгородскій. Арифметика Магницкаго—В. С.	105
Французскія книги объ искусствѣ.—М. Schweitzer.	111
Хроника	120
Приложеніе: В. П. Семенниковъ. Русскіе сатирическіе журналы	
1769—1774 г.г. (стр. 65—88).	

ОГЛАВЛЕНІЕ РИСУНКОВЪ:

Портретъ Н. Θ. Щербины съ рис. сепіей	5
Тоже съ литографіи	9
Карикатура на Н. Θ. Щербину	11
Тоже	13
Переплетъ книги изъ бібліотеки гр. Строганова	27
Тоже	29
Тоже	31
Тоже	33
Тоже	35
Тоже	37
Тоже	39
Тоже	41

Слѣдующій № 5 выйдетъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 1914 ГОДЪ:

съ доставкой въ Россіи 8 р. 50 к.

безъ доставки 8 р., за границу 35 франковъ.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ:

Спб., Литейный, 51. Книжный магазинъ Соловьева.

988

1980

Br ^P002 -
P-8944

Br 002
P-8945

1632

№ 1632914 IV

IV

20895

Русский
Библио-
фильм
4914
№ 24